

КИРИЛЛ ФОКИН

ЛУЧИ УХОДЯТ ЗА ГОРИЗОНТ

2001—2091

Let us forget the past
NELSON MANDELA

Забудьте прошлое
НЕЛЬСОН МАНДЕЛА

16+

Кирилл Фокин

Лучи уходят за горизонт

«О.Г.И.»

2017

Фокин К. В.

Лучи уходят за горизонт / К. В. Фокин — «О.Г.И.», 2017

ISBN 978-5-9428-2819-6

XXI век — время старых и новых надежд, возможностей и тревог. В центре романа четверо героев: сын британских аристократов, дочь террориста, молодой спецназовец и борец за объединение Кореи. Сквозь кризисы, религиозные войны и угрозу Третьей мировой, социальные потрясения и взрывное развитие технологий, перед лицом новой научной революции, грозящей не только необратимо изменить человеческое общество, но и поставить под сомнение природу человека — они сражаются за то будущее, которое считают правильным.

ISBN 978-5-9428-2819-6

© Фокин К. В., 2017

© О.Г.И., 2017

Содержание

Пролог	5
4 августа 2077 года. Буэнос-Айрес	5
2 февраля 2052 года. Дели	9
2 мая 2020 года. Бахавалнагар, Пенджаб	13
2 мая 2020 года. Острова Блонд, Западно-Корейский залив	18
Часть I	22
12 сентября 2009 года. Фарнборо	22
13 сентября 2009 года. Аэропорт Хитроу – Тун	25
2 апреля 2014 года. Тун	28
15 сентября 2014 года. Тун	34
20 мая 2016 года. Тун	36
24 января 2032 года. Дели	39
15 февраля 2032 года. Дели	46
17 февраля 2032 года. Дели	49
25 февраля 2032 года. Дели	51
26 февраля 2032 года. Дели	52
20 августа 2017 года. Фарнборо	54
9 февраля 2018 года. Аббертон	56
3 мая 2039 года. Поезд Дели—Пекин	60
5 мая 2039 года. Пекин—Тяньцзинь—Нампхо	66
30 декабря 2009 года. Острова Блонд	70
10 марта 2023 года. Изник—Стамбул	74
17 марта 2023 года. Лондон	79
13 мая 2023 года. Фарнборо	83
11 сентября 2001 года. Неаполь	85
11 сентября 2025 года. Сиамский залив	87
11 сентября 2025 года. Авианосец «Чжэн Хэ», Сиамский залив	91
11 сентября 2025 года. Бангкок	95
11 сентября 2025 года. Авианосец «Чжэн Хэ»	97
28 июня 2026 года. Брюссель	99
9 октября 2044 года. Пхеньян	102
4 декабря 2027 года. Лос-Анджелес—Лондон	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Кирилл Фокин

Лучи уходят за горизонт

2001—2091

Наши эмоции находятся на уровне палеолита, социальные институты – на уровне средневековья, а технологии – на уровне божественной силы.

Эдвард Осборн Уилсон

Нельзя обеспечить безопасность одной части человечества за счет другой.

Бертран Рассел

Пролог

4 августа 2077 года. Буэнос-Айрес

Иоанн Н. Касидроу завязал галстук старомодным виндзорским узлом и подмигнул своему отражению в зеркале. Ему в ответ подмигнул не располневший пожилой мужчина, а ухмыляющийся юноша с озорными глазами. Морщинистые пальцы ловко выпрямили красный галстук с гербом королевской семьи Великобритании – личный подарок Его Величества. Иоанн надел пиджак, проверил коммуникатор за правым ухом и закрыл дверь своего «люкса».

Он спустился в холл отеля, улыбнулся портье и вышел на улицу. Кажется, собирался дождь – сквозь серое с молочными разводами небо сочился солнечный свет. Резко пахло морем и городской пылью. Кричали чайки, шумели пешеходы, на перекрытой дороге раздражённо гудели автомобили.

Иоанн ухмыльнулся, вдохнул поглубже (мантра «Гринпис»: не-экологически-чистый) воздух мегаполиса, запахнул пиджак и резво преодолел два с половиной метра до машины. Полицейские из отряда сопровождения надели шлемы и включили сирены мотоциклов. Водитель серебристого бронированного лимузина запустил двигатель. Телохранитель распахнул дверь, и Иоанн сел в машину.

– Добрый день, – улыбнулся ему сидевший напротив помощник. – Как вы спали?

– Привет, – сказал Иоанн, – хуже тебя.

Кортеж тронулся. Мотоциклисты спецсигналами разогнали небольшой затор перед светофором. Выглянув в окно, Иоанн успел заметить исчезающий за поворотом купол старинной башенки, вокруг которой построили отель в стиле хай-тек. Улицы Буэнос-Айреса всегда многолюдны с утра, подумал Иоанн, но сегодня людей чересчур много. Он повернулся к помощнику:

– Как там моя речь?

– Посмотрите. – Помощник передал Иоанну планшет. – Звонила ваша дочь.

– Да-а? – Иоанн пробежал глазами текст. Приходилось напрягаться, читая мелкий шрифт: он продержался до семидесяти восьми – срок немалый, пора бы уже перестать выпендриваться и сходить на очередную коррекцию зрения или надеть электронные очки. Но нет, всё проклятая старческая упёртость – лучше уж совсем ослепнуть, чем капитулировать перед временем. Раньше Иоанн с иронией вспоминал, как артачились, старея, его родители: очки, стент, трость, костыль, операция, инвалидная коляска, слуховой аппарат, протезы, импланты, пересадка...

Он проходил всё это с ними и недоумевал: что же их так пугает, что не даёт им примириться с возрастом? Теперь он, похоже, знал. Они не воевали со временем – просто упрямылись. – Которая?

– Лэгти, – ответил помощник. – Это насчёт Генри.

– Опять недовольна моим внуком?

– Просила позвонить ему. Сказала, Генри уже неделю не ночевал в общежитии университета, и вам нужно его вразумить.

– Так и сказала?

– Сказала, вы единственный, кого Генри слушает.

– У него есть отец. – Иоанн вернул планшет помощнику. За окном медленно двигались толпы людей – сирены сиренами, но дорогу не спешили уступать, и мотоциклисты ехали перед лимузином с черепашьей скоростью. – В конце концов, он подросток и учится в другой стране, что из этого ей непонятно?

Помощник промолчал.

– Она сама хотела, чтобы он поступил в Аббертон. Я её предупреждал. Вот пусть и прекратит теперь его дёргать.

– Звонить Генри вы будете?

– Буду. – Иоанн откинулся спинку кресла. Машина шла мягко, салон изолировал от наружных звуков. Иоанн не слышал, что орут люди на улице, только видел, как они раскрывают рты и размахивают флагами. Полицейские стояли вдоль тротуаров ровными рядами, выставив щиты, надвинув на лица забрала и держа дубинки наперевес. В толпе за ограждениями мелькали плакаты и транспаранты, но пока всё вроде бы было мирно.

– Националисты? – спросил Иоанн.

– Антиглобалисты, – ответил помощник.

– Ах да! До сих пор не научился видеть разницу.

– Им разрешили публичную демонстрацию, вы же знаете.

– Свобода слова, старая шлюха, – рассмеялся Иоанн. – Из-за неё я могу не успеть на заседание. Можно превратно понять, да?

– Лучше скажите, когда будете звонить Генри.

– После.

– Мы закончим около шести, – сказал помощник, – и если вы планируете остаться на приём...

Он замолчал.

– А вы планируете?

– Не больше часа.

– А с прессой?

– А что с ней?

– У вас три интервью и участие в пресс-конференции по окончании...

– На пресс-конференцию пойду. Просто напомни мне позвонить Генри и его матери после.

– Разница три часа, – напомнил помощник. – Если вы вернётесь около одиннадцати, у Генри будет два часа ночи.

– Ну, если бы он в два часа ночи спал, его мать бы меня не тревожила, – улыбнулся Иоанн. – Иногда я думаю, дочери вообще не помнят о моём существовании, так что поблагодарю Генриха от всей души.

– Напомню вам по дороге в отель, – сказал помощник.

Иоанн кивнул и отвернулся к окну. Они проезжали мимо красивых старинных зданий – ветхие облупившиеся фасады нуждались в реставрации, но от них веяло духом старины, и Иоанн невольно представил, как сто, двести, триста лет назад из этих подъездов выходили

люди – во что они были одеты, как женщины держали кавалеров под руки, о чём они вели беседы, как фырчали запряжённые лошади, скрипели колёса карет... выносим ли был запах стоков вдоль мостовой?

– Ваше выступление будет во второй части, – сверился с расписанием помощник. – После перерыва, когда приедет генсек и пул президентов...

– Во сколько? – спросил Иоанн.

– В пять. Вы выступаете сразу после отчёта директора «Меча». Он хочет лично передать вам слово.

– Ещё бы старина Мик не хотел бы передать мне слово сам! – рассмеялся Иоанн. – Мик помнит, кто двадцать лет назад предложил ему работу. Наглец и выскочка, зато честный.

– Правда? Честный – и стал директором «Меча»?

– Он обожал спорить, – проигнорировал шпильку Иоанн, – но однажды перепутал Йемен с Оманом.

– Так вот почему их конституции так похожи. Автор просто не видел разницы и заполнял шаблон...

– Всё и сам знаешь, да?

– Простите, – усмехнулся помощник.

– Что-то ещё?

– В перерыве с вами хотел поговорить генсек.

– А журналисты? На них у меня хватит времени?

– Боюсь, что в перерыве – нет.

– Вычёркивай. Пусть для них я останусь загадкой.

– Вам тяжело будет это сделать, – сказал помощник, тасуя пальцами отметки на планшете, – учитывая, что вы были их любимцем, когда я ещё не родился.

– А что от меня хочет генсек?

– Уточнить детали?

– Мы с ним всё обсудили ещё в Нью-Йорке.

– Хочет сказать, чтобы вы не слишком распускались?

– Точно.

– Чтобы вас правильно поняли.

– Я пятьдесят лет слежу за своими словами и пытаюсь быть политкорректным. С меня хватит.

– Так вы и заявите ему?

– Я скажу, что думаю.

Помощник помолчал.

– В любом случае ещё раз поговорить с ним вам не повредит.

– Да встречусь я с ним, – махнул Иоанн рукой. – Куда я денусь.

– Подтверждаю?

– Давай. Всё равно надо перекусить.

– Отмечаю: обед с самым могущественным человеком в мире...

– Я выпью кофе.

– Вам нельзя.

– Скажу врачу, что мне предложил самый могущественный человек в мире, и я не смог отказаться.

– Скажу вашей дочери.

– Лэтти плевать.

– Я скажу младшей, Федерике.

– Я же тебя уволю, дорогой, – засмеялся Иоанн.

– Мне давно пора найти новую работу, – сказал помощник. – Подъезжаем.

- Спасибо, что сообщил.
- Какое уродливое здание...

С авениды Корриентес они выехали на широкий проспект Девятого июля: в центре небольшой площади, носившей гордое название Республиканской, возвышался знаменитый Обелиск. Светлое напоминание о том, что городу уже больше пятисот лет, сегодня несло на себе отметину современности: огромную и кривую красную надпись «ООН – 4-Й РЕЙХ». Сотрудники правопорядка тщетно пытались её оттереть под улюлюканье протестующих, собравшихся за ограждениями с обеих сторон площади. Гостей Генеральной Ассамблеи они приветствовали знакомыми лозунгами: «КТО СТОРОЖИТ СТОРОЖЕЙ?», «ПОМНИ ТАМАЛЕ!» и «ДОЛОЙ МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО!».

Мотоциклисты разъехались в стороны, и серебристый лимузин в одиночестве совершил круг почёта по площади, объехав Обелиск. С другой его стороны Иоанн увидел не менее остроумную надпись: «ГЕНСЕК – это ФЮРЕР». Машина остановилась у входа в новопостроенное здание Организации Объединённых Наций, которое помощник Касидроу обозвал «уродливым». В ясную погоду, сверкая солнечными батареями на крыше и эмблемой ООН, золотистым глобусом в оливковых ветвях на фасаде, здание вполне могло выглядеть пристойно. Но сегодня, в сумрачный день, с оцеплением из полицейских кордонов и роем журналистов у входа, впечатление оно производило действительно убогое.

– Ты просто не видел здание Организации в Лахоре, – сказал Иоанн, наблюдая, как сгрудились над входом дроны прессы и репортёры вступили в борьбу с охраной, стремясь прорваться поближе.

- Нет, – ответил помощник, – тот сарай вы посещали без меня.
- Тебе, наверное, было около пяти лет.
- Мои счастливые годы.

– Нас там чуть не взорвали, – вспомнил Иоанн. – Когда я услышал взрыв, то испугался только того, что моя жизнь оборвётся в какой-то дряхлой двухэтажной хибаре, где даже нет горячей воды.

- Вам повезло.
- Больше я туда не поеду.
- Пойдёмте, – сказал помощник. – Вас ждут.

Телохранитель распахнул дверь, и истошный рёв толпы, щелчки фотоаппаратов и вой сирен навалились на Иоанна. Он вышел и распрямился во весь рост, застёгивая пиджак и дожидаясь, пока помощник выберется следом. Иоанн улыбнулся и помахал рукой нацеленным на него камерам, вспоминая юность. Стараясь оставаться серьёзным, он прошёл в здание ООН, посмеиваясь про себя: всё происходящее напоминало ему премьерный показ фильма с участием голливудских звёзд первой величины, а не эпохальное политическое событие.

2 февраля 2052 года. Дели

Элизабет Арлетт возвращалась в Дели – в город, покинутый в юности и ненавидимый всей душой. Здесь ей предстояло провести полтора дня – проконтролировать ход переговоров между «Голд Корпорейшн», титаном мирового рынка биотехнологий, чьи интересы она представляла, и небольшой индийской фирмой, совершившей революцию в области пренатальной генной инженерии. Специалисты «Джиан Продакшн Лимитед» сумели применить технологию нейробиологического программирования к двухмесячному плоду в материнской утробе, и капитализация компании выросла с трёхсот миллионов до восьми миллиардов долларов. «Голд Корпорейшн» немедленно связалась с её руководством и предложила поглощение на взаимовыгодных условиях.

Переговоры поручили вести Элизабет – тридцатидвухлетней, самой молодой из вице-президентов корпорации, уже успевшей приобрести репутацию whiz kid. Элизабет отлично справлялась с поставленной задачей, но страдавший от Болезни Ле Джиан, президент «Джиан Продакшн Лимитед», пожелал лично встретиться с ней для подписания договора. Он не мог покинуть Дели по состоянию здоровья, и Элизабет пришлось лететь к нему – в город, куда она поклялась никогда не возвращаться.

Она твердила себе, что это всего на полтора дня; уверяла себя, что сильнее своих страхов и своего гнева. Она легко нейтрализовала свои эмоции – ей, прошедшей полный курс нейробиологического программирования и принадлежавшей теперь к «новым людям», это ничего не стоило. Теперь организм подчинялся Элизабет, и это она командовала им, а не наоборот. Она была совершенно спокойна, приземляясь в аэропорту, спускаясь по трапу самолёта и даже садясь в лимузин с охлаждённым воздухом и запахом шафрана в салоне. Оставалась спокойной, пока её везли в центр Нью-Дели и вводили в «люкс» на тридцать девятом этаже гостиницы, где она приняла ванну, переделалась и восстановила силы после перелёта.

Она оставалась спокойной, надевая чёрный вечерний костюм, освежая и расчёсывая длинные тёмные волосы, поправляя брови и подкрашивая губы. Она сумела остаться спокойной даже в тот момент, когда её взгляд случайно упал на тюбик помады пурпурного цвета... и он напомнил ей о мучениях, которые двадцать лет назад ей пришлось пережить в этом городе, и на миг перед ней возникло лицо Пурпурного Человека, но Элизабет осталась спокойна и быстро погасила этот всплеск, не дав ему перерасти в приступ паники. Она напомнила себе, что ей даже не придётся покинуть отель – переговоры пройдут здесь же, – а потом она сядет в машину и уедет в обратном направлении в аэропорт, откуда корпоративный самолёт унесет её подальше от этого кошмара, в чистый и высокий Сингапур. Дышать грязным воздухом этого города, смотреть на душные, раскалённые от жары полупустые небоскрёбы, на бетонные скелеты надземных эстакад, как мухами облепленные строителями – дешёвой рабочей силой... В Сингапуре, подумала она, да и в любом нормальном месте на Земле, такую стройку поручили бы роботам. Но это не Сингапур, это Дели, и здесь нужно провести всего полтора дня, занять себя работой и – главное – не вспоминать. Оставаться спокойной.

Она спускалась на лифте во французский ресторан на седьмом этаже отеля, когда электронный секретарь «Фукуро-М» сообщил о срочном звонке из китайской космической корпорации «Шугуан». Элизабет спокойно поговорила с представительницей «Шугуана», вошла в ресторан и до глубокой ночи вела непринуждённую светскую беседу с хозяевами вечера. Речь шла о последних веяниях в сфере трансформации мозга, эмуляции сознания и разработках искусственного интеллекта уровня человека. Она даже вскользь намекнула, что «Голд Корпорейшн» работает над новым прорывным проектом, а затем со свойственным ей спокойствием сменила тему на обсуждение глобальной политики.

Представители «Голд Корпорейшн» и «Джиан Продакшн Лимитед» принялись рассуждать о реформе ООН и смене руководства Китайской Народной Республики, а Элизабет отвлеклась от разговора, обдумывая скорбное известие. В начале ужина к ней подошли сын и дочь Ле Джиана: их отец не будет присутствовать на завтрашних переговорах. Он умер сегодня днём, пока самолёт Элизабет находился в воздухе. Пятилетняя борьба с Болезнью закончилась неизбежным поражением.

Элизабет опустила глаза в знак сочувствия и подумала, не пустить ли вежливую слезу в его память, но ограничилась горестным выражением лица. Всё-таки слёзы, решила она, будут выглядеть слишком театрально – с другой стороны, все сидящие за столом прекрасно знали, что её первый и единственный муж умер от Болезни, так что небольшое проявление эмоций может оказаться к месту. Элизабет полностью контролировала своё тело и могла потребовать от него любой реакции; хотя Ле Джиана ей было действительно очень жалко. Он был светлым, полным сил и идей человеком, с оптимизмом смотревшим в будущее. Собрался совершить нечто великое – и вдруг умер, умер от неизлечимого и необъяснимого заболевания, с которым можно сколько угодно сражаться, но победить нельзя. По крайней мере, до сих пор это никому не удавалось – последние десять лет врачи бились над лекарством, и «Голд Корпорейшн» тратила на экспериментальную терапию сотни миллионов долларов, но пока безрезультатно. Пока.

За столом кто-то пытался развить эту печальную тему, но она испарилась с первым же явлением официанта, наполнившего бокалы. Дети Ле Джиана гарантировали, что сделка остаётся в силе, что они не разочаруют ни её, ни самого господина Голда, и у Элизабет не было причин им не верить.

От разговора остался неприятный осадок, но она решила не смывать его мысленным приказом. Как любой «новый человек», Элизабет знала, что порой бывает важно прислушиваться к себе и не корректировать лишний раз своё несовершенное сознание. Даже неприятные ощущения и скверные впечатления могут оказать в жизни значительную поддержку – Элизабет, например, никогда не гасила в себе чувство презрения к людям.

Вернувшись в номер и приняв тёплую ванну, она не смогла заснуть. Не отдавая мозгу приказа погрузиться в сон, Элизабет мысленно прокрутила прошедший день во всех подробностях: он запомнится ей как день двух смертей.

Первая смерть – господина Ле Джиана, которого сожрала Болезнь. Ради него Элизабет вернулась в этот отвратительный город, город Пурпурного Человека (она спокойно произнесла его имя), и теперь уже никогда с ним не встретится.

И вторая смерть... Она вспомнила, что ей сказала представительница «Шугуана».

– Элизабет, вы должны узнать одной из первых, до того, как это появится в новостях. Мы потеряли связь с «Зевсом-Четыре». Он ушёл с орбиты Юпитера, и мы его потеряли. «Зевс-Три» отправил зонды, пытаясь его разыскать, но сканирование ничего не дало. Завтра мы делаем официальное заявление.

– Это значит, они все мертвы? – спросила Элизабет.

– Мы не знаем. Скорее всего, мертвы. Нам очень жаль. Космос – это всегда риск.

Да, космос – это всегда риск, и астронавт Нам Ен, отправляясь к Европе, спутнику Юпитера, знал это лучше всех. Человек, с которым Элизабет познакомилась в Касабланке за полгода до старта и влюбилась в него, принял решение. Лёжа на пляже за несколько дней до разлуки, они договорились ловить момент сейчас, но не запоминать его и не вспоминать друг друга. Дать этой любви уйти из их жизней, принадлежащих разным мирам. Он с юных лет грезил этим полётом, и Элизабет знала: если бы не неизбежность прощания, она никогда бы не влюбилась в него.

Элизабет вспомнила, как темнело тогда на пляже, в волнах плескалась парочка беззаботных туристов, а они лежали и молчали, думая о будущем. Он рассказал ей, что отец запретил ему иметь семью, и Нам Ен исполнил это обещание, доверился ему, но ошибся. Улетев

с Земли, улетев навсегда (потому что даже если бы он вернулся, он стал бы совсем другим), он хотел оставить частичку себя здесь. Живое человеческое сердце, бьющееся в такт с его сердцем, странствующим меж звёзд, в великой вечной пустоте. Её достаточно представить, чтобы она тебя раздавила.

Элизабет представила. Представила, как белый треугольник, шедевр человеческой мысли, исполинский космический корабль «Зевс-Четыре» взрывается где-то в пустоте. И Нам Ен задыхается, или замерзает, или погибает от перепада давления и закипания крови, или сходит с ума в ожидании того, что его спасут, когда закончилось топливо и отказали средства связи, и понимает, что никто не придёт, и лучше совершить самоубийство, чем бороться с этим ожиданием, а свет далёких звёзд так холоден, и близкое Солнце не согревает, а родная Земля так далеко, и никто, ничто уже не поможет.

Пока он был жив, Элизабет держала данное ему слово. Не вспоминать – это легче сказать, чем сделать, но она почти справилась. Почти.

Теперь она вспоминала его: вспоминала каждый день, проведённый вместе, каждую ночь. Вспоминала, как накануне пуска космического корабля случилась трагедия, и возник вопрос, сообщать ли о ней Нам Ену. Элизабет знала, что Нам Ен может отложить полёт или вообще отказаться от него, если узнает, и потому взяла на себя ответственность и запретила связываться с Нам Еном. Она отпустила его. Она сделала выбор. И теперь он мёртв – из-за неё.

Элизабет испытывала скорбь, печаль и бессильную злость. Она лежала, слушала, как бьётся сердце. Знала, что может успокоиться в любой момент, но не хотела этого. Она хотела страдать. Хотела переживать. Хотела мучиться. Просто потому, что она в этом городе. Просто потому, что это честно.

Элизабет поднялась с кровати, открыла шкаф и достала из кармана пиджака маленький контейнер для лекарств. Она зажала его в руке и зашла в ванную, где автоматически загорелся бледный свет. Пустила воду и замерла перед раковиной. Она открыла контейнер и высыпала на ладонь горсть таблеток. Она изучала их, словно видела впервые, внимательно рассматривала эти синие круглые таблетки: положить на язык и проглотить, запив водой.

Какое не сравнимое ни с чем блаженство опустится на неё, в какую эйфорию она уйдёт на целую вечность – вечность перед собственной смертью. Исчезнут все мысли, которые она боится подавить в себе, время перестанет существовать, Нам Ен оживёт, у них будут дети, и они все растворятся во Вселенной, почувствуют пульс Космоса, взглянут на Землю со стороны, отправятся в долгий путь... И тогда она умрёт, безболезненно, радостно, удовлетворённо...

Синие таблетки. Средство легко и приятно покончить с жизнью. Близость этих таблеток всегда успокаивала Элизабет, она всегда носила их с собой, не могла и шагу ступить без заветного ключа от двери небытия, двери свободы. Не могла... И не хотела. Обладая властью, деньгами и влиянием, выдающимся интеллектом и способностями, о которых двадцать лет назад никто на Земле и мечтать не мог, Элизабет не собиралась жить вечно. Ей нравилось думать, что она может уйти в момент, который выберет сама...

Неужели это он? Смерть Нам Ена, катастрофа «Зевса-Четыре», снова город Дели... Всё началось здесь, здесь всё и должно закончиться. Зачем ей жить без него? Зачем жить, если не ждать его возвращения? К чему ей «Голд Корпорейшн», к чему ей весь этот мир... Нет, это не примитивная любовь, управляемая гормонами и нейромедиаторами, им она умела отдавать приказы. Это не чувство, это знание. Это заданный вопрос: зачем ей жить, если в любой момент за ней может прийти Болезнь и съесть, как съела Ле Джиана? Зачем ей жить, если Нам Ен уже не вернётся, и мир, который она к его возвращению собиралась построить... он никогда не увидит.

Синие таблетки... Пурпурные таблетки... Элизабет с силой ударилась спиной о стенку ванной комнаты и сползла по ней вниз. Из золотистого крана хлестала вода, брызги падали на пол. Элизабет откинула голову и ощутила затылком стену. Кружилась голова, перед глазами

сияли – ярче тысячи солнц – огоньки лампочек в потолке ванной комнаты. Не чувствуя рук, она смотрела на кулак, сжимавший таблетки, отстранённо, как на чужой. В кулаке были синие таблетки. Не пурпурные. Синие.

«Не пурпурные, – повторила она про себя, – и ты знаешь это. Они всего-навсего убьют тебя, они не вернут Пурпурного Человека в твою жизнь, он уже никогда не вернётся... А если вернётся, то пожалеет, пожалеет о каждой прожитой секунде, обо всём, что он с тобой сделал. Сделал в этом городе, где ты проделала путь от трущоб, воровства на рынках и голодной нищеты до роскошных офисов и частных самолётов, до любви Нам Ена... Значит ли этот путь для тебя что-нибудь, Элизабет? Если да, то тебе надо выкинуть эти таблетки, раз и навсегда забыть о них. Нам Ен не хотел бы, чтобы ты умерла. Он хотел оставить наследие, он хотел, чтобы ты думала о нём, чтобы ты продолжала делать этот мир лучше... Пусть не для него. Для других людей, таких, как он, как ты сама...»

Она молча плакала и билась головой о стену, после каждого удара ожидая, что почувствует на затылке тёплую кровь, стекающую на шею, образующую корку под волосами. Хотелось разорвать грудную клетку. Глядя расплывающимся взглядом на таблетки в дрожащей руке, она поднесла ладонь ко рту, раскрыла рот и замерла... Язык сам потянулся к таблеткам...

Вдруг она услышала шум воды – так ясно, будто бы кроме этого шума больше ничего и не существовало. «Какая я жалкая, – подумала Элизабет. – Распласталась на полу ванной комнаты, слушаю звук хлещущей воды, жадными глазами смотрю на эти синие... синие таблетки, мечтаю о самоубийстве и понимаю, что решимости у меня не хватит, что не могу просто так взять и уйти... А ведь... ОН был бы доволен, если бы я ушла. Пурпурный Человек, он был бы счастлив...»

Элизабет опустила руку с таблетками, но сжала кулак и не дала им рассыпаться. Вытерла слёзы, поднялась и подошла к унитазу. Открыла крышку, бросила таблетки в воду. Они не тонули, плавали в прозрачной воде. Элизабет нажала кнопку слива и не отпускала её, пока вода в унитазе не обновилась полностью, и таблетки не исчезли.

– Хватит, – сказала она себе, – довольно.

Все чувства сразу пришли в порядок, жар исчез, сердце восстановило нормальный ритм. Она закрыла глаза, а когда открыла, мыслям о суициде из-за погибшего среди звёзд Нам Ена уже не осталось места.

2 мая 2020 года. Бахавалнагар, Пенджаб

Алессандро Вита дышал ровно, стараясь не волноваться. Шёл первый час ночи, вертолёт с их отрядом летел над равниной, приближаясь к городу. В салоне было душно и пахло потом. Комбинезон удобно облегал тело и охлаждал, но шлем Алессандро пока держал в руках, и лицо парилось. Короткая густая борода вымокла, капли пота стекали из-под волос по вискам и по шее, но Алессандро терпел и не шевелился.

Остальные нервничали меньше, чем он. Для него это только второе настоящее боевое задание, где сопротивление не только возможно, но ожидаемо. В принципе, оно ожидаемо всегда (из этой предпосылки исходит командование), но в некоторых операциях перестрелка – это нарушение первоначального, «чистого» плана. А в этой операции, повторял про себя Алессандро, стрелять можно сразу на поражение. Значит, всё серьёзно. Очень серьёзно. Им разрешили стрелять, потому что лучше убить подонка, за которым идёт охота, чем дать ему ускользнуть. Выходит, этот подонок – важный террорист. Важный настолько, что нас не интересует информация, которую он может выдать под пытками, нас интересует только его голова.

Думая «нас», Алессандро имел в виду, конечно же, командование; но годы учёбы и тренировок не прошли даром. И командование, и простые солдаты, и бойцы элитных штурмовых спецподразделений, как он сам, – все были для Алессандро «мы», все были на стороне добра. А те, на кого через несколько минут он будет смотреть через тактический прицел, – зло, недостойное жить. Алессандро было двадцать семь лет, и он посмеивался, когда слышал, что таким, как он, «промыли мозги», «превратили в безвольные машины для убийства». Ведь это был его выбор, осознанный гражданский выбор, и никто не заставлял его надевать тёмно-синюю форму отряда спецназначения войск Европейского союза. Кто-то же должен это делать, чтобы трусливые тыловики-«правозащитники» могли и дальше чесать языком.

Один из спецназовцев напротив Алессандро сидел, откинув голову назад и закрыв глаза. К его ушам из нагрудного кармана тянулись два проводка. Указательным пальцем он отстукивал ритм по макушке шлема. Другой – тоже новичок, как и Алессандро – проверял экипировку. В задней части вертолёта болтали.

– Эй, Громила, – крикнул сосед Алессандро. – Что за дерьмо у тебя там играет?

– Моцарт, – отозвался тот, не открывая глаз.

– Кто?..

– Моцарт!

– Моцарт – дерьмо! – сказал первый. – Гендель лучше!

– Пошёл в жопу!

– Что скажешь, Сандро? – Он толкнул Алессандро плечом.

– Моцарт, – ответил Алессандро.

– Что?..

– Моцарт, я говорю!

Громила показал любителю Генделя средний палец:

– Отсоси у Вольфганга Амадея, сука.

– Как это ты постоянно делаешь?

– Три минуты! – крикнул командир, поднимаясь с места. – Готовность!

Алессандро вздохнул и надел шлем. Тускло освещённый салон вертолёта засиял в зелёном спектре, появились условные обозначения и крестик прицела. В ухе зазвучал механический голос: «Проверка канала. Канал номер 1, канал номер 2, канал номер 3. Все каналы функционируют нормально, канал номер 3 по умолчанию. До начала операции две минуты».

Остальные не спешили: Громила, например, сперва вытащил наушники и засунул в карман, проверил бронежилет, обойму в автомате, подсумки, пистолет и нож на бёдрах и только

после этого водрузил на голову тёмно-синий шлем. Он нажал несколько кнопок на боковой панели шлема, регулируя визор. Алессандро последовал его примеру и тоже проверил своё оружие.

Сейчас начнётся, подумал он, чем скорее, тем лучше. Сердцебиение участилось, но Алессандро знал: как только они покинут вертолёт, он перестанет об этом думать. Адреналин уже бурлил в крови, и Алессандро знал, что он готов. Интересно, подумал он, каково будет вот так сидеть в вертолёте перед операцией спустя много лет, если меня не убьют, буду ли я переживать каждый раз или есть какая-то черта, переступив которую я забуду о волнении?..

– Минута, ребята! – крикнул командир, и его слова продублировались в ушах каждого спецназовца. – Трахнем их!

– Сами трахнемся! – ответил ему кто-то, и раздался смех. Они поднялись со своих мест, зная, что вертолёт уже пролетел над рекой и пошёл на снижение. Алессандро поднял автомат, считывая обратный отсчёт с визора. Когда он в первый раз надел шлем, его безумно раздражал этот интерфейс, мешающий сосредоточиться, но теперь он привык и без него на тренировках чувствовал себя как без рук. «Ещё один недостаток системы, – подумал Алессандро, – воины слишком привыкают к технологиям».

Дверь вертолёта открылась, оттуда на спецназовцев дохнуло жаром. Высокая трава прижималась от ветра, который поднимали вертолёты, – Алессандро видел впереди ещё один вертолёт, уже достигший земли, и один сбоку, шедший с ними вровень. Они садились на пустыре перед городом, впереди был жилой квартал с двух- и трёхэтажными зданиями: в некоторых окнах горел свет, большинство домов были обнесены высокими заборами. Визор отметил путь отряда Алессандро: они должны двинуться на юг, прикрывая правый фланг высадившейся группировки. Затем им предстоит пересечь дорогу, пройти насквозь пять домов, соединиться на городском перекрёстке с отрядом «А», вместе развернуться и двинуться на север, к отряду «С». Они должны сыграть роль гончих в охоте, окружить район, где скрывается их цель.

Самое интересное, думал Алессандро, что нет чёткого распределения на выгонщиков и охотников – захватить или убить цель мог любой отряд, которому повезёт. «Мы не знаем, в какую сторону рванёт эта сука, поэтому, наудачу, она может попасться и нам».

Вертолёт опустился достаточно низко, таймер на визоре закончил отсчёт, и бойцы спрыгнули на землю. Подошвы приняли на себя удар приземления, и Алессандро легко устоял на ногах. Визор перестроился на ночной режим, и Алессандро увидел отряд «С», уже приземлившийся и направлявшийся на северо-восток. Отряд «А» высаживался слева от них. Алессандро посмотрел в тёмное небо и на фоне нескольких ярких звёзд заметил движение. Беспилотники – им не сказали, что они участвуют в операции, но так надёжнее. Стоит цели высунуться на открытую местность, её сразу засекут. Спецназу, подумал он, стоит сконцентрироваться на закрытых пространствах. Для тех, за кем они охотились, это означало смерть.

Выдвинулись. Короткими перебежками – по пустырю к дороге и домам за ней. Несколько деревьев перед дорогой затрудняли обзор, но визор уверял, что в окнах нет снайперов и путь чист. Алессандро поймал себя на мысли, что звук его шагов – самый громкий из всего, что он слышит. Гул вертолётов был мягким и сливался с шумами природы. Новая разработка оправдывает вложенные деньги, думал Алессандро, вместе со стелс-технологией эти вертолёты теперь почти невозможно обнаружить, их даже не слышно.

– Мы появляемся в ночи, словно призраки обрушиваемся на их головы, – пробормотал он, облизывая пересохшие губы. Их отряд добрался до деревьев и ждал замыкающих. Командир жестами разделил их на две группы: визор сообщал, что в доме напротив два человека; перед глазами отпечатались их тепловые силуэты. Один на первом этаже и один на втором. Первая группа должна обойти этот дом и двинуться в следующий, вторая – проникнуть внутрь и осмотреть его.

Алессандро отправился с первой группой. Они пересекли дорогу и прошли вдоль высокого забора. Алессандро прикрывал – он присел на одно колено, пока ребята перемещались за его спиной, и осмотрел близлежащие дома. Визор показывал тепловой след практически в каждом, но все тела, которые он видел, находились в горизонтальном положении.

Вдруг он услышал выстрелы. С северо-востока. Два одиночных выстрела, затем очередь. Тишина. Ещё очередь и одиночный выстрел. Где-то залаяли собаки. С северо-востока, значит, в бой вступил отряд «А». Алессандро встал и двинулся за своей группой. Ведущий показал на калитку в заборе у дома – они обступили её. Громила ударил ногой, она с грохотом распахнулась. Внутри тут же вбежало несколько бойцов. Проходя мимо Громилы, Алессандро шепнул:

– Вольфганг Амадей тобой доволен!

– Ах ты сука! – хохотнул Громила.

Они вбежали во двор. Алессандро бросился к двери, которая оказалась открыта, несколько ребят уже были внутри. В доме – трое, и, судя по крикам, среди них точно есть женщина. Алессандро услышал ещё несколько выстрелов с северо-востока и одиночный выстрел в доме. Он оставил Громилу снаружи, а сам обошёл дом и, убедившись, что нет других выходов, взял на мушку вторую калитку, ведущую в следующий дворик.

– Я завалил фрика с автоматом, – прозвучало на частоте его отряда. – Тут ещё два ребёнка и всё.

– Женщины нет? – спросил Алессандро.

– Два подростка, – ответил тот.

– У нас тут тоже фрик с автоматом, но он сдался, – сказал ведущий второй группы. –

Двигаемся к вам.

– Добро, – вклинился голос командира. – Сколько объектов в третьем?

– Один, – отозвался Алессандро. – Но там дальше что-то непонятное, какая то куча...

– Куча дерьма, что ли?

– Не знаю, – ответил Алессандро. – Это в подвале третьего.

– Иди проверь.

– Тогда захожу в третий.

– Первая группа, с ним.

– Иду прямо за тобой, – откликнулся Громила.

– Пошли! – Алессандро дождался Громилы и подошёл к калитке. Они сломали её и вошли во внутренний дворик. На северо-востоке продолжалась стрельба. В домах, расположенных вдоль маршрута отряда Алессандро, начали зажигаться огни. «У каждого из них может быть оружие, каждый из них может высунуться из окна и бросить в нас гранату, – повторял про себя Алессандро, – но в принципе это нам на руку. Чем больше поднимется шумиха, тем больше вероятность, что эта крыса, за которой идёт охота, психанёт и кинется куда-то сломя голову. А сети расставлены всюду».

Дверь в дом была заперта, но замок был слабый, и Алессандро вышиб её ногой. Зная, что на первом этаже никого нет, он сразу бросился к лестнице в подвал, пока Громила вёл отряд по лестнице наверх. Сверху раздались выстрелы: какой-то фрик успел схватиться за оружие. Истошно закричала женщина. Алессандро хорошо знал этот звук – он почти всегда сопровождал их операции в Пакистане: истошный вопль женщины и детский плач. Кричали не всегда от испуга, иногда кричали от ярости. А ярость – стадия, которую неизбежно проходит женщина в парандже, с поясом шахида бросаясь на врага. Сам Алессандро ни разу не видел ребёнка-подрывника, но знал, что и такое случалось. На брифингах им повторяли, что лучше выстрелить в голову маленькой бегущей на тебя фигурке и потом всю жизнь сожалеть об убийстве ребёнка, чем проявить слабость и потом собирать обгорелые части тела своего напарника.

Алессандро спустился по узким ступенькам: на потолке мерцала одинокая лампочка, так что визор вышел из ночного режима. Алессандро увидел просторный тёплый подвал, в дальний

угол которого забились три ребёнка и несколько женщин. Они были закутаны в тёмные одежды, и Алессандро не сразу понял, сколько их. Сверху из протекавшей трубы капала вода, набираясь в лужу у другого угла – там стоял грубо сколоченный деревянный стол, на нём валялись грязные бинты, стояли кастрюля с водой, электрическая плита и ржавый чайник. Женщины смотрели на Алессандро, и он, не спуская с них дула автомата, внимательно оглядел комнату.

Бомб или оружия он не увидел, разве что... Женщины забивались в угол, но не кричали. Они зажимали рты детям, у которых были широко раскрытые, испуганные глаза.

– Поднимите платки! – сказал Алессандро по-английски. Нужно убедиться, что все они – действительно женщины. Нужно увидеть их лица. – Поднимите платки! Медленно! – повторил он на панджаби.

Он держал указательный палец на спусковом крючке и потихоньку выжимал свободный ход. Женщины пытались исполнить его указание – одна из них оторвала руку от рта своего ребёнка, и тот завопил. Женщин было четыре, одна из них лежала прямо на полу, растопырив ноги. У неё на лице не было повязки, его искажала гримаса, она злобно смотрела на Алессандро, но молчала, стиснув зубы. Одна из женщин ударила кричащего ребёнка, и крик перешёл в плач, остальные дети молчали, женщины подняли платки.

Алессандро увидел утомлённые и некрасивые перепачканные лица. Они покорно смотрели на него. Вдруг у женщины, которая лежала на полу, вырвался стон, она затряслась, Алессандро перевёл на неё автомат и пригляделся. Она рожала. Это не гора одежды валялась на ней, это выпячивался её живот. Она еле сдерживалась, её тело дрожало, и одна из женщин крепко сжимала её руку. Роженица продолжала стонать. Женщины молчали, а Алессандро стоял, нацелив на них автомат.

– Что у тебя там за куча дерьма? – раздался в ухе голос командира.

– Трое детей и четыре женщины, одна из них рожает, – отозвался Алессандро.

Роженица вскрикнула, другая резко взглянула на неё и прижалась к стене. Роженица откинула голову назад и открыла рот, другая зажимала ей рот, и из-под её ладони стекала слюна. Ткань на растопыренных коленях роженицы натянулась, задралась, и в полутьме подвала этого перекошенного грязного дома, где дрожащий свет одинокой лампочки отражался в лужице, собравшейся между ног роженицы, Алессандро показалось, что он увидел склизкую и окровавленную головку ребёнка. Роженица тужилась, напрягшись всем телом, зубами кусая ладонь, сдерживая крики. Дети непонимающе смотрели и жались к матерям.

– Никакого дерьма там нет?

– Нет... – Алессандро запнулся. – Нет.

– Бросай тогда своих шлюх и бегом к группе! Что ты там зависишь?!

– Иду! – сказал Алессандро.

– Беги! – командир вдруг хохотнул. – Рожаящих не видел? Не дай бог ещё увидишь!

– Бегу! – повторил за ним Алессандро. Он отступил назад к лестнице, не сводя прицела с женщин. Он боялся повернуться к ним спиной. Ещё несколько секунд простоял, направив на них автомат. Услышал слабый сладковатый запах, пробившийся сквозь пыль и вонь. Схватки у роженицы продолжались, но все женщины внимательно смотрели на него. Алессандро резко развернулся и взбежал по лестнице.

Визор вернулся в ночной режим, и на тактической карте Алессандро увидел, как далеко продвинулся его отряд, пока он в ступоре смотрел на ребёнка, появляющегося из расширенного влагалища той неопрятной и некрасивой женщины в подвале. Он вспомнил, зачем он здесь: идёт охота, и подонок, из-за которого погибали невинные люди, мерзкий террорист, который прикрывается такими вот несчастными женщинами, обвешивает маленьких и рождённых в таких помойках детей бомбами, отправляет их на смерть, – этот подонок ещё жив, но ненадолго, и Алессандро готов поклясться, что тварь уже чувствует приближение своего конца. Гончие несутся по его следу, и они не остановятся, пока не разорвут эту мразь на части, пока

не оторвут ему голову и не поднесут хозяевам на блюде. Очень скоро на их визорах появится красная отметка – первоочередная цель, и как только её местонахождение будет определено, шансов на спасение не останется. Это случится, так или иначе, но пока красной отметки на визоре нет, нужно бежать, как приказал командир, взять след по запаху страха, учуять слабость, рвануть туда, обнажив клыки...

Алессандро вернулся к выполнению задания, на время забыв про роженицу; но как только они добрались до подонка и, сперва прострелив ему колени, по приказу командования довершили дело очередью в голову, размозжив череп и аккуратно собрав в санитарный мешочек осколки, как только погрузились обратно в вертолёт и полетели обратно на базу, как только Громила включил в наушниках Вольфганга Амадея Моцарта и откинулся на стенку, закрыв глаза и отдавшись «Реквиему» (он всегда слушал его после, но никогда – до операции), Алессандро вспомнил женщину и её ребёнка.

2 мая 2020 года. Острова Блонд, Западно-Корейский залив

В тот же час, на расстоянии четырёх тысяч километров от восточных окраин Пакистана, где штурмовой отряд специального назначения войск Евросоюза выполнил свою задачу, погрузился в вертолёты и поднялся в воздух, Нам Туен услышал слова, вернувшие его к жизни.

– Вы свободны, – сказал ему начальник тюрьмы, упитанный коренастый человек с большими бухгалтерскими очками на круглом и рыхловатом лице. Нам Туен иногда думал, что это лицо, если встретить его в обычной жизни, на улице или в магазине, показалось бы добродушным и наивным, даже смешным, но здесь... в этих забавных очертаниях таилась угроза, а из-под очков выглядывали пороссячи глазки садиста.

– Спасибо, – ответил Нам Туен. Он сидел напротив начальника тюрьмы, отделённый от него широким столом из красного дуба. На столе перед начальником тюрьмы лежали какие-то документы. Их, видимо, привёз чиновник, стоявший возле окна и любовавшийся пейзажем. Нам Туен по костюму и по манере держаться определил, что этот чиновник из Китая, а не из Северной Кореи, что внушало одновременно и надежду, и страх. Иероглифы в документах вроде бы тоже китайские, Нам Туен их видел, но никак не мог сфокусировать зрение и прочитать, что именно написано. Глаза и раньше подводили его, а в последние три года из долгого десятилетия, проведённого здесь, в секретной тюрьме Китайской Народной Республики в Западно-Корейском заливе, на островах Блонд, в компании северокорейских надзирателей, он и вовсе стал терять зрение, переживая по ночам в душной темноте камеры, что вскоре ослепнет.

Но вот он сидит напротив начальника тюрьмы и сквозь распахнутые окна его кабинета видит безоблачное небо и яркое солнце, видит, как свет отражается на водной ряби, видит пикирующих за добычей чаек.

– Ваш адвокат прибыл вместе со мной. – Китайский чиновник развернулся к Нам Туену. – Он ждёт вас внизу, на корабле. С вас сняты все обвинения. Осталось решить несколько формальностей, и мы с вами тотчас же отправимся в Далянь.

– Спасибо, – повторил Нам Туен. Ничего не произошло. Внутри у него нарастала странная лёгкость, словно кандалы сняли не с рук и ног, а с души, но она осталась подвешенной... «Что угодно, – мечтал он, – только прочь отсюда. Что угодно, какие угодно условия, только прочь отсюда, прочь! Прочь от этих холодных стен и душных коридоров, от одиночных камер и решёток, от солёного морского ветра, от этих камней и далёких, исчезающих в тумане огней с дальних берегов... Я ждал так долго, что угодно, я сделаю всё что захотите, неужели наконец свершилось, только бы это была правда, только бы не обман, не сон...»

– Вот постановление о вашем освобождении и пересмотре дела. – Чиновник наклонился и подвинул одну из бумаг к Нам Туену. – Подписано председателем Фань Куанем. Посмотрите.

Нам Туен взял бумагу. Иероглифы расплывались перед глазами. Он напряг глаза, пытаясь разобрать хоть что-то. «Нам Туен... Дата рождения: 27.01.1982... Место рождения: Пекин... Осуждён: 2009 год... Согласно решению Верховного народного суда от 01.05.2020 признан невиновным и подлежит незамедлительному освобождению из-под стражи... Подпись: Председатель КНР Фань Куань»... Того единственного, что Нам Туен вынес из текста, было достаточно, чтобы опуститься лицом на стол и целовать бумагу.

Чиновник обошёл стол и указал в конец документа.

– Подпишите, пожалуйста, здесь. – Он протянул Нам Туену ручку. Пальцы Нам Туена тряслись, но он сумел сжать ручку и наклонить к бумаге. Он знал, что подпишет, что у него нет выхода – он не просто хочет это сделать, ему жизненно необходимо подписать эту бумагу, как можно скорее порвать со всем этим кошмаром, поглощавшим его последние десять лет...

«Прочь отсюда! скорее, подписывай, чего ты ждёшь!! подпиши, разве не об этом ты молился и мечтал всё это время и все эти годы, разве не...»

Но Нам Туен сомневался. Он слишком хорошо знал их, всех тех, кто мучил его, весь мир, который пытался его уничтожить – не просто сломать духовно и физически, это им давно удалось, при первом же допросе, – нет, мир стремился растоптать его, вычеркнуть из жизни, и Нам Туен знал, что всё не может быть так просто. Он давно научился верить в сказки, и трудно представить, какое усилие он приложил в ту минуту, сомкнув пальцы вокруг ручки и отведя её в сторону.

– Какие условия? – спросил Нам Туен, проглатывая и заталкивая поглубже мысль, что он подпишет бумагу в любом случае.

Начальник тюрьмы посмотрел на чиновника и удовлетворённо хмыкнул. «Сытая свинья».

– Никаких условий, – сказал чиновник. – Вы можете даже не подписывать, с юридической точки зрения вы всё равно свободны с этой минуты.

– Спасибо, – пробормотал Нам Туен. – Фань Куань... давно председатель?

– Второй месяц, – ответил начальник тюрьмы. – Ваша подпись – подтверждение, что вы ознакомлены с результатами пересмотра дела.

– Ясно. – Терять ему всё равно нечего. Нам Туен подписал бумагу и отодвинул документ. Он дышал ровно, солнце продолжало светить за окном, и вроде бы ничего не изменилось. Но изменилось всё.

– Спасибо, – поблагодарил его чиновник. Он взял бумагу и вложил её в свой портфель. Повисла пауза. Нам Туен старался не смотреть на начальника тюрьмы, который выглядел, как жирный хомяк. «Странно, – подумал Нам Туен, – ещё две минуты назад я бы никогда не сравнил его с хомяком – две минуты назад я был в его власти, я был фактически его собственностью, а сейчас... Кто он такой?»

– Могу я задать вопрос?

– Вы теперь можете всё, господин Нам, – ответил чиновник.

– Что... – Нам Туен затаил дыхание. Спрашивать было страшно, но правда всегда лучше... – Что с моей семьёй?

– Ваши дети учатся в Сан-Франциско. Ваша жена живёт с ними.

– С ними... всё хорошо?... с ними всё в порядке?..

– В полном, – ответил чиновник. – Если захотите, можете позвонить им из Даляня... или они всё сами узнают. В утренних новостях.

– Им... сколько им сейчас?

– Вашему сыну пятнадцать лет, а дочери – двенадцать.

– Понятно, – протянул Нам Туен.

– Перед тем, как сесть на корабль... – Чиновник сделал паузу. – Я хотел бы кое-что прояснить.

«Так и думал! Конечно! Это всё обман! Всё не может быть так просто, я мог бы и догадаться, но я же уже подписал... Они обманули меня, чего ещё от них ждать, эти мрази в человеческих шкурах, и про детей наврали, боже мой, только бы они были не в их лапах, только бы они не повторили мою судьбу, только бы...»

– Вы понимаете меня? – спросил вдруг чиновник по-английски. Начальник тюрьмы удивлённо вскинул брови, и Нам Туен понял, что языка он не знает.

– Да, – сказал Нам Туен. У него вышел свистящий звук, он и не помнил, когда последний раз слышал английский, но надеялся, что какие-то слова остались в голове...

– У нас предложение к вам, – сказал чиновник. – Председатель просил лично проинформировать вас. Я подчёркиваю – это только предложение.

– Я понимаю.

– Председатель не хочет обманывать вас или начинать сотрудничество с взаимного недоверия.

Нам Туен промолчал.

– Председатель хочет, чтобы вы стали его особым советником.

– Особым советником? – переспросил Нам Туен.

– Видите ли, господин Нам... В правительстве... вернее, у председателя есть одна идея. Для её реализации, считает председатель, необходимы ваши знания, ваш интеллект и ваш прошлый опыт.

«Опыт! Он сказал “опыт”! Опыт умирания заживо, опыт невыносимый боли, опыт клинической смерти, опыт сна в собственных испражнениях, опыт постоянного страха и покорности, опыт невыразимой злости, опыт разочарования во всём!! Опыт! Он сказал “опыт”!»

– Пока вы были здесь, – продолжал чиновник, – многое изменилось. У вас есть все основания нам не доверять, но я занял должность заместителя министра внутренних дел только месяц назад, и, можете мне поверить, ни я, ни мои руководители не имеют отношения к тому, что с вами случилось. Поверьте, Нам Туен, грядут большие перемены, и мы бы хотели видеть вас с нами. Идея, о которой я говорил и которой озабочен председатель... она связана с корейским вопросом.

– У меня есть выбор? – спросил Нам Туен. «У меня нет выбора».

– У вас нет выбора, и вы сами это знаете. Но вы можете изменить точку зрения. Например, после личной встречи с председателем. Она состоится, как только вы прибудете в Пекин.

«Я им нужен, это очевидно. Я им нужен, но будь я проклят, если не вырвусь прочь отсюда, как угодно, какой угодно ценой, за что угодно! Прочь отсюда, скорее, прочь!! Прекрати с ним разговаривать, согласись скорее, ты уже делал так сотни раз, когда признавался в каких-то выдуманных преступлениях, не совершённых убийствах и терактах, только бы ослабить боль... Согласись с ним и убирайся уже к чёртовой матери из этого ада!.. Пойти на союз с кем угодно, помочь этим живодёрам, я бы помог даже тем, кто упрятал меня сюда, тем, кто ломал мне кости, тем, кто обливал меня мочой и душил, я прошу им всё, всё, что угодно, только бы выбраться отсюда, вернуться на волю!!»

– Конечно, я согласен. – Нам Туен выдавил из себя улыбку. Он не улыбался уже очень давно и подозревал, что выглядела эта улыбка не очень: страшноватый оскал на тощем и бледном лице с покорёженными зубами, заплывшими глазами и выступающими венами, с жиденькими седыми волосёнками, окружавшими залысину. Но чиновник верно расценил этот знак.

– Что ж, – сказал он по-китайски. – В таком случае пойдёмте.

Нам Туен встал. Он был низкого роста, сгорбленный, одна его нога была короче другой – следствие неправильно сросшихся костей после перелома. Неудобная мешковатая форма стесняла движения, и Нам Туен вдруг подумал, как прекрасно будет сжечь эту тюремную робу и надеть что-нибудь другое. Десять лет! Он не мог поверить. Десять лет он ждал, прекращал ждать, ждал снова, понимал бессмысленность надежды и всё равно надеялся, страдал и думал, что всё пропало, что скоро он умрёт...

Чиновник пожал руку начальнику тюрьмы и, подойдя к двери, раскрыл её перед Нам Туеном:

– Пойдёмте!

Нам Туен обернулся на начальника тюрьмы, на этого смешного и жестокого человечка в массивных очках и старом костюме, замучившего до смерти не один десяток людей.

Через час он уже стоял на корме скоростного катера, несущегося прочь от проклятых богом островов архипелага Блонд. Нам Туен кутался в плотный дождевик, накиннув на голову капюшон: ветер продувал насквозь, но идти вниз, в каюту, ему не хотелось. Свобода не отпускала: он смотрел, как исчезает в тумане под крики чаек место, где он пробыл последние десять лет и куда уже никогда не вернётся. Крошечный участок суши посреди морской пены, населён-

ный особо опасными для государства преступниками. Каждый из них считается пропавшим без вести или погибшим. Ни у кого нет шансов отсюда выйти. К телам умерших привязывают груз и сбрасывают с пристани: даже уйдя в мир иной, нельзя выбраться из кругов этого ада, нельзя покинуть острова Блонд. Но ему удалось. Ему единственному удалось. Нам Туен не знал, что ждёт его сегодня вечером, и не желал этого знать. Он выбрался с островов Блонд, покинул проклятую тюрьму и теперь сможет вернуться к жизни. Только этого он хотел, только об этом он мечтал. Не о мести. Только о том, чтобы вернуться. Вернуться в мир.

Он оторвал окоченевшие руки от холодных поручней и, покачиваясь, вернулся по мокрой палубе в каюту.

Часть I

12 сентября 2009 года. Фарнборо

Седло казалось десятилетнему Иоанну Касидроу слишком жёстким, но он и мысли не допускал о том, чтобы пожаловаться на это сестре. Держался за её талию обеими руками и плотно прижимался к её спине, боясь свалиться с лошади, идущей быстрой рысью. Мелисса была старше Иоанна на три года и хотела продемонстрировать брату свои достижения в верховой езде. Она училась в колледже в Лондоне, а лето проводила в семейном поместье, усердно тренируясь.

Девочка повернула лошадь влево, и та немного замедлила ход, поднимаясь в горку. Иоанн оглянулся на зелёные холмистые луга, виднеющийся вдали лес и несколько домиков вдоль дороги. Пахло травой, воздух был влажным и сыроватым, было прохладно, но Иоанн распустил шарф сразу же, как только оказался вне пределов досягаемости крика гувернёра. Длинный шарф трепетал на ветру, и мальчик представлял себя скачущем по полю битвы рыцарем и иногда характерно взмахивал рукой, пронзая копьём врагов. Они падали со своих скакунов, кровь хлестала из пробитых доспехов. Целостной картине мешала сестра, видимо, воображавшая себе нечто совсем другое, но Иоанн старался об этом не думать.

Он смотрел вокруг, видел плывущие по необъятному небу громады облаков, растворяющиеся в тонкие нити и сливающиеся обратно; видел белые следы самолётов и сами самолёты, иногда малюсенькие в вышине, а иногда большие, громкие и близкие, словно приглашавшие дотронуться рукой. Лошадь замедлила ход, взобравшись на вершину холма, и Иоанна обласкал ветер, взлохматив длинные каштановые волосы.

– Который час? – спросила сестра, резко повернувшись. Её волосы были защищены от ветра шлемом для верховой езды, и Иоанн был счастлив, что на этот раз избежал подобного мучения – то ли гувернёр забыл, то ли они выезжали в спешке... Иоанн не любил шлем. Вот перчатки Мелиссы и её классные очки он бы с удовольствием надел, но они почему-то не считались обязательными, да и сама Мелисса сейчас была без них.

Иоанн посмотрел на часы:

– Без десяти двенадцать.

– Вон они! – крикнула Мелисса. – Я вижу их!

Она направила лошадь, и та с бешеной скоростью понеслась вниз по склону. Иоанн чуть не упал, но колени и бёдра крепко сжимали седло, и он успел схватиться обеими руками за пояс сестры, неохотно припадая к её спине. Мальчик боялся свалиться, представляя себе, как нелепо и смешно это бы выглядело и как сестре пришлось бы возвращаться и искать его, валяющегося здесь, среди высокой травы. А может, Мелисса вовсе и не заметила бы его падения, и отец пошёл бы на его поиски, а он бы лежал тут, испачкав белый костюм, в который его вопреки всей справедливости мира нарядили, и просто... да, просто лежал. Лучшего занятия для себя Иоанн придумать не мог, потому что, несмотря на приятный ветерок и ощущение скорости, тряска и жёсткая спина сестры сбивали с мыслей.

Теперь Иоанн тоже увидел на дороге между зелёных холмов два серебристых внедорожника – отец возвращался в Фарнборо из Лондона. Он мало времени проводил с детьми, предпочитая отдать их на воспитание армии прислуги и своей жены-главнокомандующего, но сегодня отец, отложив все свои дела, утром выехал из города в поместье. Сегодня был особый день, и Иоанн гордился, потому что день был особенным из-за него. Отец приехал в Фарнборо, чтобы завтра отвезти сына в Хитроу и посадить на самолёт в Швейцарию.

Предстоящая разлука не сильно пугала Иоанна – окружающие куда больше волновались об условиях проживания в школе-интернате Смаيلي в городе Тун. Завтра он покинет семью на восемь лет – Иоанн, по правде говоря, сомневался, что возможно что-то планировать на столь долгий срок, но доверял отцу и подчинялся воле семьи. Переживания матери не передавались ему – до Берна всего полтора часа полёта, до Туна меньше часа на машине. Они с отцом уже летали туда несколько раз. Родители, в конце концов, смогут навещать его в любое время, да и на ближайших каникулах он вернётся домой, в родное Фарнборо. При малейших признаках волнения Иоанн успокаивал себя этими словами. Теперь, за день до отъезда, он был совершенно спокоен и, летя на лошади вниз с холма, искренне предвкушал радость встречи с отцом.

Внедорожники замедлили ход, и Мелисса наклонилась в сторону, поворачивая лошадь. Теперь они скакали наперерез автомобилям. Мелисса ещё сильнее стиснула бока лошади. Та послушно ринулась вперёд, и Иоанну показалось, что его сердце уходит в пятки. Он чувствовал каждый удар копыт по земле. Мелисса крикнула ему:

– Помаши рукой папе! – но Иоанн не смог набраться мужества и оторвать руку от талии сестры.

Они скакали параллельно дороге и уже нагнали машины – Иоанн повернул голову и увидел, как тонированное стекло второго внедорожника опускается и на него смотрит улыбающееся, но строгое лицо отца. Машины затормозили, Мелисса остановила лошадь. Иоанн слышал, как тяжело она дышит, ощущал её вздувающиеся бока.

– Можешь отпустить, мы остановились, – раздражённо сказала Мелисса, пытаюсь разорвать хват у себя на поясице. Иоанн мгновенно расцепил руки и заявил:

– Грейс устала! Ты совсем её загнала!

– Нет-нет, – Мелисса пощекотала уши лошади. – Ей в самый раз.

Она развернула лошадь и шагом направила её к остановившемуся кортежу. Из задней машины вышел отец – помощник хотел открыть ему дверь, но отец его опередил и выскочил сам, бросаясь навстречу детям.

– Привет! – крикнула ему Мелисса. Иоанн протянул к отцу руки, и тот – высокий и сильный – снял его с лошади, крепко обнял и закружил. У Иоанна пошла кругом голова, он засмеялся, прижимаясь к родному плечу. Отец поставил его на землю и повторил ритуал с дочерью, которая в свою очередь крепко поцеловала его в свежевыбритую щеку.

– Какова наездница! – ласково сказал отец, постукивая по её шлему.

– Поздоровайся с Грейс, – сказала Мелисса.

– Привет, Грейс, – он потрепал лошадь, и та довольно фыркнула.

– Видел, как я скакала? Правда, мы с Грейс прекрасно понимаем друг друга? Мне кажется, у нас телепатическая связь.

– Так и есть, – сказал отец. Он приобнял Иоанна, которого слегка пошатывало после головокружительной скачки. – Брата приучаешь?

– Ему нравится, – рассмеялась Мелисса. – Просто он немного хиловат.

– Просто он не носится по холмам с утра до ночи, – улыбнулся отец. – Иоанн, домой поедешь с сестрой или со мной? В машине?

– С тобой, – ответил Иоанн. Ему понравилось, как отец осадил сестру, но при этом он совсем на неё не злился – он обожал быструю езду, хоть после ему было немного не по себе. Это пройдёт, думал он, а чувство свободы и бьющего в лицо ветра останется.

Папин помощник открыл дверь, и Иоанн забрался в салон автомобиля, снял шарф и устроился поудобнее; в машину сел отец, и они тронулись. Отец взял Иоанна за руку и показал в окно со своей стороны – по склону взбиралась Грейс, а сидевшая на ней вполборота Мелисса посылая им воздушный поцелуй. Она держала поводья одной рукой.

– Господи, только не упади, – вдруг сказал отец. – Я пугаюсь, когда она так делает.

Мелисса взобралась на вершину холма и, рисуясь, подняла лошадь на дыбы. Иоанн решил, что отца хватит инфаркт – так он напрягся, стиснув руку сына; но дорога сделала петлю, и Мелисса пропала из виду. Отец успокоился и повернулся к сыну, заводя разговор. Остаток дороги до поместья прошёл незаметно – через много лет Иоанн не сможет вспомнить, о чём они говорили с отцом, но тот момент останется в его памяти навсегда: вот они приближаются на машине к дому, а в это время по широким лугам, спеша опередить их, скачет Мелисса, прижимаясь к гриве своей любимой Грейс.

Удивительно, но она успела – то ли папин водитель поддался, то ли Грейс постаралась, – и на порог дома, едва сняв шлем, с растрёпанными волосами, вышла встречать отца вместе с мамой. Тот ни словом не обмолвился о выкрутасах Мелиссы, и дети это оценили. Для Иоанна с сестрой мать была злым надзирателем, а отец – добрым волшебником.

После обеда, за которым Иоанн удостоился чести сидеть во главе стола, на самом почётном месте, отец удалился в свой кабинет, Мелисса убежала к своей ненаглядной Грейс, а Иоанн отправился в свою комнату дочитывать «Проклятых королей» Мориса Дрюона. Завтра для него начнётся совсем другая жизнь – постоянным напоминанием тому служили чемоданы в углу комнаты, собранные войском служанок под командой мамы.

Ужин был в восемь вечера. Иоанн покорно сидел за столом, быстро съев свою порцию и ожидая чая. В обычный день он бы уже убежал, но сейчас вся семья была в сборе, и отец рассказывал маме новости об их друзьях из Лондона. Мелисса переписывалась по телефону с приятелем, а Иоанн играл в гляделки с официантом, ждавшим у дверей. Тот улыбался мальчику и, поскольку никто не видел, строил ему забавные рожицы.

Подали чай; ночь опустилась на землю, и сквозь большие окна столовой Иоанн видел, как горят в сумраке фонари в саду. Отец подозвал его к себе, и они первыми вышли из-за стола. Он накинул на сына куртку и вывел на улицу. Они шли по дорожкам сада, ночной воздух был свежим и холодным, высокие деревья шумели от порывов ветра. Их сажали ещё мамини далёкие предки.

У Иоанна были уроки по истории семьи – на этом когда-то особо настоял отец, – и мальчик знал, что вот этот дуб, например, посадил мамин дедушка, вице-адмирал флота Её Величества, друг Джеймса Ф. Сомервилла, Роберт Виллард, пожизненный пэр, барон Фулоу. Несмотря на регалии и славу, в семье к нему относились сдержанно, мама помнила жестокий характер деда, и единственное его изображение – прижизненный портрет – висело в галерее второго этажа, рядом с остальными родственниками. Совсем недавно от Иоанна требовали часами стоять перед этой галереей и выслушивать длинные и нудные рассказы про каждого из этих немых, не всегда приветливых предков. Иоанн мало что помнил из этих лекций, но отец умел добиваться своего, и мальчик усвоил главное. Семейные корни глубоко проросли в душу; он никогда не чувствовал себя беззащитным или одиноким, всегда помнил, какая громада стоит за ним.

К счастью, отец не говорил об истории семьи в этот вечер. Они болтали ни о чём, и, когда вернулись домой, отец пожелал сыну спокойной ночи. Закрыв глаза, Иоанн размышлял о книге Дрюона, о горькой судьбе погубленной Франции, о том, как тяжело будет молодому дофину её восстанавливать после ужасающего правления отца, – и долго не мог заснуть.

13 сентября 2009 года. Аэропорт Хитроу – Тун

На пути в аэропорт мальчик спал; мать и сестра подняли его рано утром, расцеловали и долго прощались. Иоанн забрался с коленями на сиденье и смотрел через заднее окно на удаляющееся поместье. Вскоре дом скрылся за холмом, и Иоанн заснул. Он дремал всю дорогу, пока машина не остановилась и он не услышал голос отца:

– Просыпайся... – и ещё раз: – Просыпайся, мы приехали. Пойдём.

Отец взял чемодан Иоанна, и они вошли в здание аэропорта Хитроу. Внутри было слишком много людей. Они скапливались перед табло с расписанием рейсов, создавая рядом с собой целые пирамиды из багажа. Отец отстоял вместе с сыном короткую очередь, кинул на движущуюся ленту чемодан, взял для Иоанна посадочный талон, и они направились в зону паспортного контроля.

Перед таможней их встретили: с сотрудником аэропорта, ответственным за отлёт Иоанна, разговаривали высокий полный мужчина и его молодая жена-брюнетка. Их сын, завидев Иоанна, бросился к нему:

– Я разобрался с тем последним заданием, помнишь?

– Да, помню, – ответил Иоанн. Мальчик был сыном папиного коллеги, ровесником Иоанна и его другом; его звали Стивен, и им предстояло вместе учиться ближайшие восемь лет. Иоанну не нравилось, что Стивен порой оказывается умнее его.

– Я тоже решил это задание, – сказал он.

– Правда? Как?

– Просто, – ответил Иоанн. Он не помнил, о каком задании речь.

– Ну как, готов? – бодро спросил у Иоанна папа Стивена.

– Можно я поцелую тебя? – поинтересовалась в ультимативной форме мама Стивена. – Какой хорошенький мальчик!

– Ладно, ребята, у вас вылет через час! Держите хвост пистолетом! Будем вам звонить! – напутствовали их на прощание родители. Иоанн обнял отца, попрощался с родителями Стивена, и мальчики в сопровождении молодого надзирателя направились проходить паспортный контроль.

– Так как ты решил задание? – продолжал допытываться Стивен. Он был полнее, чем Иоанн, и чуть-чуть выше. Они с Иоанном занимались пару лет назад борьбой, и Стивен уверенно шёл впереди. Иоанн не особо переживал по этому поводу – колесо у него получалось лучше и бегал он быстрее, – но Стивен решил сложнейшее последнее задание, и это переходило все границы.

– Я не помню, – сказал Иоанн. – Но помню, что решил. Забыл уже.

– Да? – с недоверием поинтересовался Стивен. – Ты не решил его. Я думал вчера целый день.

– Я вчера катался с сестрой, – ответил Иоанн. – У меня не было времени.

Сотрудник аэропорта проводил мальчиков к выходу на посадку. Ребята часто летали, но всё равно с удовольствием смотрели через застеклённые стены на множество громадных самолётов, взлетающих, снижающихся,двигающихся по лётному полю туда-сюда. Им мешали поручни, сделанные примерно на уровне их глаз какими-то садистами, но, изловчившись, ребята смогли запрыгнуть на них и наслаждаться панорамой без помех.

Надзиратель окликнул их, когда объявили посадку. Он проверил у мальчиков билеты, и те уже вдвоём пошли по «рукаву» в самолёт. В «рукаве» стоял неприятный тёплый запах, и Стивен пожаловался, что, скорее всего, у него случится «аллергический припадок». Доброжелательные бортпроводницы, улыбаясь ребятам, указали их места в первом классе. Стивен шёл впереди и занял место у иллюминатора. Иоанн недовольно сжал губы и сел рядом с ним.

Мальчишки пристегнули ремни безопасности и, поскольку в иллюминаторе всё равно ничего интересного не происходило, опробовали по очереди все игры, которые были у них на планшетных компьютерах и телефонах. Стивен выигрывал, раздражение Иоанна нарастало, но тут самолёт решил всё-таки взлететь, и ребят заставили выключить электронные устройства.

Они взяли тайм-аут и разболтались: Иоанн рассказывал, какая у него прекрасная сестра (у Стивена-то такой не было) и какая невероятная история приключилась с ними вчера; Стивен в свою очередь поделился своей новой идеей – создать Perpetuum Mobile на основе закона притяжения. Иоанн не очень вникал в технические соображения друга.

Они летели высоко над облаками, им в лица светило ярчайшее солнце. Приходилось щуриться, но они видели плотный слой облаков под собой и облачные башни, поднимающиеся из белого моря вверх, к высокой синеве; эти башни из облаков были словно стволы гигантских снежных деревьев, переплетавшихся корнями. Иоанн воображал себя среди этого океана – имей он крылья, он бы летел, разрезая облака, чувствуя ледяной ветер и лучи солнца, яркими полосами скользящие по телу... Он бы летел, расправив крылья, и его волосы развевались бы, как грива у Грейс на скаку...

Люди в самолёте думали бы, что он ангел, и он бы улыбнулся им и подмигнул, помахав крылом. Он стал бы светлым знаменем для них всех; увидев его – ангела, – эти люди изменились бы навсегда, потому что однажды в небе, высоко над землёй, они увидели чудо, и чудо подмигнуло им. А потом он бы исчез, слегка отклонившись от курса, и ветер бы подхватил его и унёс вдаль, где они бы встретились с другими ангелами лицом к лицу, рассказали свои истории и принялись бы за работу... но вот за какую?..

Иоанн попытался заснуть, но самолёт слегка трясло и болели заложенные уши. Стивену было всё равно – он откинул кресло и лежал, отвернув голову в сторону иллюминатора. Иоанн взял его планшет и принялся играть в стратегию, начатую другом, – достраивать его замок.

Зажглось табло «пристегните ремни», проходившая мимо бортпроводница попросила выключить планшет и растормошила Стивена. Они привели спинки кресел в вертикальное положение и принялись смотреть в иллюминатор – самолёт заходил на посадку.

Ребята видели Альпы, припорошённые по бокам снегом – особенно выделялась одна гора, пик которой скрывали тучи. Самолёт со скрежетом сел на блестящую от недавнего дождя посадочную полосу. Слева их ждало несколько маленьких (с точки зрения Иоанна – просто деревенских) зданий аэропорта. Справа расстились поля и леса Швейцарии, виднелись маленькие уютные домики.

Ребята увидели, как к самолёту подогнали трап и как прямо к трапу подъехало несколько машин. Одна, очевидно, за ними.

Мальчиков первыми пригласили выйти. Бортпроводницы пожелали им счастливого пути. Они вышли на воздух и, перескакивая через ступеньку, сбегали по трапу вниз. Воздух ударил им в ноздри – его пропитывала грозная влага. Когда Иоанн наконец ступил на землю, у него закружилась голова, но он быстро пришёл к себя.

– Добро пожаловать, – окликнул их высокий человек в сером пальто и бейсболке с надписью «Школа-интернат Смайли». – Добро пожаловать в Швейцарию, мистер Касидроу и мистер Голд.

– Здравствуйтесь, мистер Линд, – откликнулся Стивен, первым вспомнивший имя этого человека. Они уже виделись раньше, когда ребята с родителями прилетали смотреть школу.

Линд пригласил их в машину и забрал багаж.

Они ехали по полям, потом завернули в небольшой городок и проехали его насквозь, двинулись через лес, пересекли реку и выехали на автобан. За окном пролетали деревья, пышные зелёные кустарники, автозаправки, рекламные щиты. Ребята молчали, и каждый заворочено смотрел в своё окно. Иоанн любовался зелёными кронами деревьев и необъятной серо-белой мантией облаков, уходившей далеко за горизонт.

Скоро лес отступил, и взгляду Иоанна снова предстали поля; трава на них была мокрой после дождя и выглядела мрачной, под стать сереющему небу. Минут через десять начало светлеть, и в лобовом окне далеко впереди Иоанн увидел горы. Отсюда, с автотрассы, они выглядели не очень величественно, приземисто и горбато, но зато внушали спокойствие.

Машина проскочила тоннель, вынырнула из него, и вскоре Иоанн стал узнавать двухэтажный маленький Тун.

Школа-интернат Смайли располагалась в замке XIX века Шадау, построенном в стиле готического возрождения для французского банкира, чьё имя носит одна из центральных улиц Парижа, – Абрахама Дени Альфреда де Ружмона. Замок окружал английский парк, разбитый на берегу озера Тун. Из окон замка открывался прекрасный вид на бескрайнее небо, водную гладь и горные пики. Арендатор замка, англичанин Смайли, отреставрировал этот памятник архитектуры за свой счёт, и муниципалитет города разрешил ему построить в парке ещё несколько зданий. Домики прятались за деревьями, прижимаясь друг к другу, растворяясь среди шумящей от ветра листвы.

Через небольшие декоративные ворота машина подъехала к парадному входу в замок. Линд заглушил мотор. Ребята с благоговением разглядывали замок – трёхэтажное пряничное чудо, с синенькими крышами, башенками и стенами в розовых тонах. Швейцар занялся их багажом.

– Господа, мистер Смайли, – обратился к мальчикам Линд, обращая их внимание на толстенького джентльмена в старомодном твидовом костюме (с жилетом, галстуком и в кепке), спешащего через зелёное поле к ним. Судя по сумке с клюшками, мистер Смайли в ожидании будущих воспитанников играл в гольф.

Добравшись до входа в замок, мистер Смайли поприветствовал Линда, пожал руки мальчикам, засвидетельствовал своё почтение, попросил передавать привет родителям и убежал обратно на лужайку, размахивая клюшкой. Линд повёл мальчиков в замок. По дороге они встретили несколько юношей и девушек – они улыбались и оживлённо болтали, встретившись после летней разлуки.

Ребят разместили на втором этаже – каждый получил небольшую, уютно обставленную комнату с кроватью, шкафом и письменным столом. Окна выходили на озеро, и Иоанн, вместо того чтобы разбирать вещи, некоторое время просто сидел на кровати и смотрел, как синева неба отражалась в озере... в озере, тянувшемся до горизонта, до самых гор...

2 апреля 2014 года. Тун

Спустя пять лет Иоанну смертельно надоел этот прекрасный вид. Он всё ещё пробуждал детские эмоции, испытанные при заселении, но комната с каждым годом становилась всё меньше, а неинтересных предметов – всё больше. Иоанн не принимал концепцию универсального образования мистера Смайли, которого видел всего три раза в год – основатель и владелец школы приветствовал учеников, поздравлял их с Рождеством и провожал. Видимо, остальное время этот потолстевший и облысевший псевдо-аристократ (как полагал Иоанн) играл в гольф.

Иоанну не нравились физика, химия и биология – всё то, на чём особенно настаивал Смайли в программе школы-интерната. Предмет «история науки» навевал на него скуку, поэтому на пятом году обучения Иоанн раз в две недели пропускал этот урок, уделяя внимание другим занятиям или развлекаясь с друзьями. Вот в чём никак нельзя было упрекнуть Смайли, рассуждал Иоанн, так это в отсутствии демократизма и жёстком контроле над учениками. Предполагалось, что ученики могут соизмерять свои возможности и имеют право пропускать уроки. Считалось, что прививать дисциплину – не то, чем должно заниматься заведение мистера Смайли, и если ученик вёл себя неподобающе, то его сразу же выгоняли, а родителям возвращали деньги.

На памяти Иоанна было всего три таких случая. В декабре 2009-го выгнали его одногруппника – это был общительный и весёлый испанец, но на первом же экзамене выяснилось, что это место не для него. Оставалось загадкой, как он сумел пройти вступительные собеседования. Второй случай произошёл примерно год назад – во время уборки комнаты одного старшекурсника нашли некие таблетки не медицинского свойства, а после расследования обнаружили, что этот бравый молодой человек предлагал их ребятам помладше.

Третий случай произошёл с выпускницей школы, причём здесь Смайли, как по секрету рассказали Иоанну, встал на сторону девушки. Она доучивалась последний год, была одной из лучших студенток школы, умной и интересной. К ней на выходные прилетел её бойфренд из Германии, они гуляли допоздна, и в принципе в школе закрывали на это глаза, потому что личное время учащихся неприкосновенно, но ребятам приспичило заняться сексом прямо на лавочке в парке, на территории школы. Молодых людей, естественно, заметили. Девушка уверяла, что это «в первый раз», и Смайли посочувствовал тому, что её дебют оказался омрачён... но девушке было семнадцать, а школа-интернат несёт ответственность за учеников, так что совет школы принял решение отчислить красавицу, и Смайли ничего не оставалось, как согласиться. Тем не менее он договорился с другой престижной частной школой в Англии, директор которой согласился взять проштрафившуюся ученицу на последний год и выдать свой диплом под личную гарантию Смайли.

В школе было не принято обсуждать такие вещи, но интерес школьников сложно побороть, что и говорить про возбуждение в связи с последней историей. Ребята не восприняли её как индульгенцию на свободную любовь, но почувствовали гордость за поведение своего «наставника», который поддержал девушку. Лично Иоанну это дало повод задуматься, тем более что сам он уже пару лет присматривался к одной итальянке на год старше.

Этой итальянке Иоанн и собирался сегодня принести в жертву историю науки, где Стивену предстояло докладывать о развитии общей теории относительности после Эйнштейна. Иоанна не вдохновляла тема, но Стивен надеялся, что друг придёт и оценит его выступление хотя бы с точки зрения ораторского мастерства. Увы: Иоанн узнал, что Лора с друзьями собирается в город, и решил составить им компанию.

Сквозь тучи, скрывавшие небо над озером, проглядывало солнце; часы показывали без десяти минут час, и Иоанн решил, что пора выходить. Он положил в рюкзак планшет, бумажник и на всякий случай кепку, нацепил на лоб солнцезащитные очки, кинул мобильный теле-

фон в карман и вышел из комнаты. В коридоре столкнулся с одноклассниками, хохотнул с ними на тему обязательности посещения «истории науки», бегом спустился по закрученной широкой лестнице в холл и вышел на улицу.

Перед входом журчал небольшой памятник-фонтанчик. По дорожкам гуляли преподаватели и бегали из корпуса в корпус ученики; некоторые сидели или лежали на лужайке со своими ноутбуками или планшетами, и Иоанн сомневался, что они все делали учебные задания. У ворот он получил сообщение от Лоры: «Задержусь на 15 мин».

Он простоял возле ворот все двадцать, поглядывая на дорогу от замка через невысокую живую изгородь, когда наконец-то показалась Лора с подружкой и двумя своими друзьями. Одного из них Иоанн знал и относился к нему хорошо; другого видел не в первый раз, но никогда с ним не общался – это был выпускник, не слишком трудолюбивый, если верить его одноклассникам, но проницательный, а ещё «классный», как говорили девочки, – ведь он возил некоторых из них в Италию через Альпы на спорткаре, и у него были длинные светлые волосы и голубые глаза.

– Приве-е-ет! – крикнула Иоанну Лора, ускоряя шаг. – Пошли!

На ней было длинное коричневое пальто и лёгкий белый шарф, обёрнутый вокруг шеи. Иоанн пошутил что-то насчёт цвета её волос (прекрасное сочетание белого с белым!), и ребята двинулись в город. Сели в автобус и доехали до центра города, где были четырёх- и пятиэтажные здания и широкие мостовые с некоторым – скажем, заметным – количеством машин. Гуляя по набережной, они любовались противоположной стороной узкой реки под шелест посаженных вдоль тротуара деревьев. Потом взяли с ближайшей стоянки велосипеды и, переехав реку, отправились в Старый город, попутно пугая туристов и местных жителей быстрой ездой. Лора и блондин устроили что-то вроде гонки, и Иоанну ничего не оставалось, как броситься вслед за ними.

Впрочем, Лоре это быстро надоело – дважды обогнав ребят, она заявила, что хватит дурачиться, и приказала двинуться в парк Танерхоф, а оттуда по набережной до озера, чтобы увидеть и сфотографировать школу-интернат и замок с другого берега. Для неё это было чем-то вроде ритуала – Иоанн примерно раз в месяц видел в «Фейсбуке» её фото на фоне замка с противоположного берега: осенью, зимой, весной, в ясную погоду, в дождь, в снег, в туман... и впервые ему самому предстояло стать частью ритуала.

Приехав, они свалили велосипеды в кучу. Лора знала прекрасное место – вид был, отметил Иоанн, и вправду фантастический, и никакой «Фейсбук» не мог его передать. Панорама начиналась справа, от розово-синего замка, затем шёл зелёный массив парка, потом – вдалеке – лес и Альпы, над которыми тянулись облака, и так до линии горизонта... дул сильный ветер, и яхт на озере не было, но Иоанн легко мог вообразить, какое наслаждение стоять здесь летом и смотреть, как по залитому солнцем озеру проходят теплоходы, яхты и катера.

Лора расправила волосы и встала у самой воды, подзывая ребят к себе. Иоанн встал рядом с ней, когда подруга Лоры, присев, снимала их на свой телефон; Лора положила руку на плечо Иоанна, а тот в ответ обхватил её за талию. Они стояли так всего несколько секунд, потом к ним подошли остальные, и уже на следующей фотографии Лору запечатлели склонившей голову на плечо блондина, а ещё на одной она хищно раскрыла рот и оскалилась, высовывая язык.

Закончилась фотосессия групповым фото, для которого был остановлен прохожий в зелёном жилете и с тростью. Иоанну не удалось встать рядом с Лорой, он стоял справа от неё, приобняв её подругу. Та тоже была ничего и, улыбаясь во весь рот, прижала его к себе.

Ветер усилился, надвигался дождь, ребята вскочили на велосипеды и поехали обратно в центр. Там они забежали в какое-то кафе – как раз вовремя, потому что дождь разошёлся вовсю. Внутри кафе было душновато; компания уселась за столик у окна, с видом на реку. Лора с подружкой и блондином уселись на диван, а Иоанн с приятелем – напротив.

Лора заказала себе только салат с овощами и чёрный кофе. Иоанн не очень хотел есть – попросил небольшое блюдо с жареными морепродуктами. То же самое взял себе блондин, заявив:

- Нет ничего лучше обитателей моря... Только надо спросить про гарнир...
- Это ужасно, – отозвалась Лора.
- Гарнир? – спросил Иоанн.
- Нет, – ответила она. – Есть живые существа.
- Они не совсем живые, – заметил блондин.
- Нет, они были живыми, и их убили, чтобы ты их съел.
- Про растения можно сказать то же самое.
- Нет.
- Да.
- Нет, это совсем другое.

Блондин засмеялся, а Иоанн решил не ввязываться в спор. Напитки принесли раньше, и вскоре, прихлёбывая кофе, Лора сказала:

- Вы слышали про Тейлор?
- Тейлор – так звали девочку, которую отчислили из-за секса в парке.
- Это ужасно, – сказала Лора.
- Ну, Барон даже хотел её оставить, – ответил Иоанн. «Бароном» они звали Смайли.
- Ужасно, что он хотел её оставить.
- Почему? – спросила подружка Лоры. Она закурила, и сидела, положив ногу на ногу,

пуская из ноздрей дым.

- Слушай, это же отвратительно!
- Это был её молодой человек! Почему нет?
- Они оба вполне взрослые, – сказал блондин.
- В парке... на лавочке... Нет, это чудовищно.
- Почему?
- Отвратительно. Я не могу этого понять.

Иоанн тоже не понимал, что именно вызывало недовольство Лоры – поступок Тейлор или «место преступления», и поэтому решил сменить тему:

- В этом году мы заканчиваемся учиться в мае?
- Да, – ответила подружка Лоры. – Двадцать четвёртого, потому что двадцать пятого я еду на Мальдивы.

– А ты куда поедешь? – обратилась Лора к блондину.

– Домой, – ответил он. Иоанн понятия не имел, где он живёт, но подозревал, что где-то в Южной Европе.

- А летом?
- На сафари в Африку.
- Что планируешь делать? – спросил его Иоанн.
- Охотиться.
- Нет, потом.
- В смысле?
- Где учиться дальше?
- Скорее всего, в Америке, – пожал тот плечами. – Вроде туда.
- Какая специальность?
- Ещё не уверен.
- Ясно, – кивнул Иоанн.
- Калифорнийский университет в Беркли.
- О-о, – протянула Лора. – В Калифорнии у меня полно друзей.

- Там учится одна моя подруга, – сказал блондин, – поеду к ней.
- Я обязательно к тебе прилечу – сто лет не была в Америке, – сказала Лора.
- Да, мы хорошо проведём время.
- Обожаю Америку, – сказала Лора. – Иоанн, ты был в Америке?
- Нет, – ответил Иоанн.
- Слетай, – посоветовал блондин. – Если я поступлю, то приглашаю.
- Спасибо. – Этого Иоанн не ожидал.
- Наверное, я прилечу зимой, – рассуждала Лора. – Может быть, папа одолжит мне свой джет.

– У твоего отца джет? – спросил приятель Иоанна. – Какой?

Иоанн подумал, что такой вопрос вполне мог бы задать Стивен – его интересовали всякие летающие и ездящие штуки.

- «Гольфстрим» пятьсот пятидесятый, – сказала Лора. – Я так люблю на нём летать.
- Мы с другом летали в Австралию на пятьсот пятидесятом, – сказал блондин. – Тридцать часов. Если бы не просторный салон, я бы там умер.
- Да, он классный! Если папа мне даст самолёт, то я летаю к тебе зимой.
- Он же в классе двухтысячного «фалкона», правильно? – спросил приятель Иоанна. – Мне кажется, «фалкон» взлетает мягче и у него расход топлива меньше. Какая у вас комплектация?

Пока они рассуждали о характеристиках джетов, Иоанн скучал, пил кофе и смотрел в окно. Дождь усилился и молотил по стеклу косыми струями. Было около четырёх часов, но из-за ливня стемнело, как в сумерки – во многих окнах горел свет, а машины включили фары.

Иоанн поймал на себе взгляд подружки Лоры – она тоже не участвовала в беседе о «железе» частных самолётов и спокойно докуривала третью сигарету. В отличие от Лоры, яркой блондинки, у неё были русые волосы. Кому-то она – более простая, понятная и приземлённая, всегда смеявшаяся над шутками – показалось бы красивее Лоры, но не Иоанну. Лицо Лоры, с её огромными глазами и острыми скулами, можно было в лучшем случае назвать симпатичным, да и её манера одеваться – смешение блеклых, сероватых тонов и вечное отсутствие маникюра (кроме особенно важных дней) говорили не в её пользу... Но в этой загадочности, неприступности и необычности Иоанн видел нечто манящее.

Когда принесли еду, он болтал с подружкой Лоры, в то время как сама Лора полностью переключилась на других мальчиков. Они перекусили – кальмары оказались Иоанну вкусными. Лора покончила со своей листовкой и уткнулась в телефон.

– Кем хочешь быть? – спросила подруга Лоры, гася сигарету в пепельнице. Обычно в их среде спрашивали «чем увлекаешься?» и «чем будешь заниматься?». Ответы были заранее заучены за семейными обедами, и ребятам оставалось следовать воле родителей. «Кем хочешь быть?» предполагает слишком сильный акцент на «ты сам».

- Не знаю, – сказал Иоанн.
- А что нравится?
- История, – честно ответил он.
- Кстати, – оторвалась от телефона Лора. – Ты хотел мне показать...
- Что? – спросил Иоанн.
- Свою работу.

– А, ну да. – Он сделал вид, что только что вспомнил, и полез в рюкзак за планшетом. Ему не хотелось обсуждать свою семестровую работу по истории при всех, но ради этого момента он и тащил планшет через весь город, по крайней мере, уж точно не для пары банальных фото!

- Она о чём? – спросила Лора.
- Об упадке Древнего Рима.
- По Гиббону? – спросил блондин. – Вы его уже читали?

– Я – да.

– Молодец, – похвалил его блондин. Иоанн дал планшет Лоре, и та с явной скукой пролистала пару десятков страниц.

– Прикольно, – похвалила она, не впечатлившись.

– Ты много читаешь? – спросил блондин.

– Да, стараюсь, – ответил Иоанн. Ему не нравилось быть предметом расспросов этого парня, но тот, судя по всему, особого смысла в свои слова не вкладывал.

– Нам пора, – вдруг сказала Лора. – Мне нужно сделать на завтра экономику.

– Тебе помочь? – спросил приятель Иоанна.

– Да, если не трудно.

– У меня остались записи... – сказал блондин.

– О, это было бы прекрасно! – запела Лора.

Они оплатили счёт и вышли на улицу. Дождь ещё накрапывал, но редкий и почти незаметный. Ребята пошли на автобусную остановку и поехали в школу.

У Лоры зазвонил телефон, и она ушла в конец пустого автобуса, зажав другое ухо рукой.

– Папа звонит, – сказала её подруга. Она стояла между сидящими ребятами и держалась одной рукой за поручень.

– Папа – это святое, – кивнул блондин. Автобус тронулся, и подруга Лоры пошатнулась, не удержалась и якобы случайно упала, приземляясь блондину на колени.

– Ой, прости, пожалуйста! – сказала она.

– Я совсем не возражаю, – ответил тот, и оба рассмеялись.

Иоанн подумал, что ему тоже надо бы написать сообщение отцу, но делать это сейчас не хотелось. Лора вернулась, окинула презрительным взглядом голубков и села, скинув с места рюкзак, рядом с Иоанном. Когда через несколько минут она поняла, что на неё перестают обращать внимание, то положила голову Иоанну на плечо. Продолжая глядеть в окно, высматривая в нём одинокие капли, он думал, сколько бы отдал, чтобы этот момент длился вечно.

Вернулись они не поздно – лужайка перед замком опустела, на дорожках расплывались лужицы, но ученики в плащах исправно перемещались туда-сюда; у фонтанчика Иоанн попрощался с ребятами и пошёл к себе. По дороге постучал в комнату Стивена – тот был ещё на занятиях; тогда Иоанн решил взяться за уроки, но что-то не клеилось. Он послушал альбом Ланы Дель Рей, полистал «Фейсбук», где увидел новые фотографии сестры с чемпионата по верховой езде и прокомментировал парочку; написал сообщение отцу, почитал новости.

Снова заглянул к Стивену.

– Ну что, донжуан? – спросил его Стивен, отложив планшет.

– Что читаешь?

– Нового Хокинга.

– И как?

– Как обычно. – Стивен встал и закрыл за Иоанном дверь. – Что там с Лорой?

– Как твой доклад?

– Замечательно. До такой степени, что тебе придётся его отреферировать.

– Скинешь мне?

– Я-то скину, вот только разберёшься ли ты сам?.. – Оба закатили глаза. – Так как с Лорой?

– Не знаю, – Иоанн завалился на кровать Стивена, скрестив ноги.

– Ну, тебе она нравится.

– Возможно.

– А ты ей?

– Наверное, да, – соврал Иоанн.

– Тогда вперёд, – улыбнулся Стивен. – Но в следующий раз приходи, когда я прошу тебя, иначе будешь писать реферат сразу по Гёделю.

– Хочешь сказать, это ты подговорил её задать мне реферат?

– Ты же никогда не прочитаешь, если тебя не ткнуть носом...

– Это неправда.

– Нет, ты сам бежишь читать всякую ерунду, а не серьёзную литературу.

– Тоже неправда.

– Ты знаешь, как это работает? – Стивен постучал по своему планшету.

– Знаю, – опять соврал Иоанн.

– Нет, ты не знаешь.

– А что ты знаешь о неудавшейся революции в России?

– Ты про одиннадцатый год?

– Да.

– Я слушал про это на уроке...

– Нет, вот что, скажем, по этому поводу думает Збигнев Бжезинский?

– Иоанн, – ласково заметил Стивен. – И старик Бжезинский, и русские либеральные революционеры пользуются компьютерами и сотовыми телефонами.

Иоанн не хотел продолжать бессмысленный спор, но рад был отвлечься. Он, как обычно, засиделся у Стивена допоздна, они перекусили сэндвичами, а когда наступила ночь, над озером засияли звёзды и была пора расходиться, Иоанн вдруг спросил:

– Стив, слушай...

– Эм?

– Ты целовался уже?

– Да, – ответил Стивен.

– По-настоящему?

– Да.

– Когда?

– С Луизой... летом.

– И как?

– Хорошо. Очень классно.

– Спокойной ночи, Стив.

– Пока!

Иоанн вернулся к себе, умылся и лёг в постель. Он пытался читать, но мысли куда-то убегали – отчасти виноват был завтрашний тест по математике, к которому он, понятное дело, не подготовился. Иоанн зашёл на «Фейсбук» и увидел, что Лора разместила сделанные сегодня фотографии, поставил отметку «нравится», отложил планшет и, немного успокоившись, заснул.

15 сентября 2014 года. Тун

Начался новый учебный год. За лето, проведённое с родителями, Иоанн успел соскучиться по прохладному бризу с озера и высоким горам вдалеке, по спокойному маленькому городку и друзьям. В прошлом году в своей группе он оказался одним из лучших учеников – наравне с Стивеном, что составляло предмет его особенной гордости. Когда обучение шло легко, Иоанну было скучно; когда появлялись трудности, становилось по-настоящему интересно.

Но, вернувшись в Тун и пройдя по знакомым коридорам замка Шадау в свою комнату, поставив на стол ноутбук и открыв окно, повесив в шкаф костюмы и расставив на полках книги, Иоанн задумался вовсе не об учёбе. В этом году он планировал покорить сердце Лоры.

Летом они почти не общались: пара смс-сообщений и редкая переписка в «Фейсбуке» – не в счёт. На все вопросы Иоанна она отвечала лаконично, своих в ответ не задавала. Последний раз они списывались в самом начале сентября, и Лора написала: «до встречи».

Долгожданный день наступал сегодня – богоподобная в его глазах и весьма милостивая в глазах других итальянка прилетала около четырёх часов вечера на отцовском самолёте, и Иоанн со Стивеном отправились её встречать. Они ехали по выученному за прошедшие годы наизусть маршруту в аэропорт Берна в старом «мерседесе», который Смайли отправил за Лорой, и обсуждали последние новости. В Китае разогнали мирную демонстрацию, и правительство США в сотый раз выразило озабоченность ситуаций – в частности, открытием стал для них сам факт наличия политзаключённых в КНР, – на что им ответила третья сторона: министр иностранных дел России Сергей Лавров призвал к созданию международной комиссии для расследования военных преступлений американцев в Гуантанамо и Абу-Грейб.

Стивена больше волновал юридический аспект предложения русских: если это не просто полемический укол, а реальная инициатива, то собирается ли Лавров потребовать специального расследования по линии Совбеза ООН или Международного уголовного суда?.. Иоанн настаивал, что форма не имеет значения, – к тому же вряд ли Кремль, осознающий опасность международного терроризма, будет пытаться приравнять деятельность ЦРУ к деятельности осуждённых в Нюрнберге нацистов.

– Такие очевидно бессмысленные и провальные выпады, – с умным видом вещал Иоанн, – скорее удел каких-нибудь международных маргиналов, вроде КНДР или Ирана...

Но думал Иоанн совсем о другом. Они говорили со Стивеном об этом прошлым вечером – уже довольно давно его друг начал внезапно замолкать, как только речь заходила о Лоре... Сначала Стивен отказывался ехать её встречать, но не смог устоять перед яростной атакой Иоанна, горевшего этой идеей. Стивену по какой-то причине очень не нравилась Лора, но он предпочитал отмалчиваться, хотя Иоанн и пытался всячески расколоть его.

– Ты уверен что она... – сказал Стивен вчера. – Действительно настолько хороша?

– О чём ты, Стив, – ответил Иоанн. – Она – стерва, это правда, но она знает себе цену.

– Ты уверен, что она... – повторил Стивен. – Та, кто тебе нужен?

– Думаю, да. Она необычна, Стив, понимаешь, она отличается от всех остальных...

– Да... – протянул Стивен. – Может быть, но...

– Что «но»?

– Ладно.

– Ты что-то хотел сказать!

– Ладно, ничего.

– Стив, прекрати.

– Просто забудь.

Иоанн не стал настаивать – в самом деле, не пытаться же друга.

Они остановились на кромке аэродрома. Как и положено красавице-блондинке, прибывающей на личном самолёте, Лора задерживалась. Иоанн со Стивеном вышли из машины и стали наблюдать за жизнью аэропорта. Приземлились целых два пассажирских самолёта, «аэробус» и «боинг», – необычная активность для аэропорта размером едва ли с одну десятую их поместия в Фарнборо, подумал Иоанн.

Он первым разглядел приближающийся из облаков и блестящий на солнце «гольфстрим». Самолёт сделал круг и стал заходить на посадку.

Когда он остановился, Иоанн и Стивен вернулись в машину, подъехали к опущенному трапу и снова вышли из неё. Сперва спустился сопровождающий Лоры, потом появилась и сама девушка – её длинные светлые волосы, заботливо уложенные на время полёта, вмиг растрепал порыв ветра. Лора пошатнулась, ухватилась за поручень, но устояла на ногах.

Иоанн подошёл к трапу и, когда она уже была на последней ступеньке, подал ей руку:

– О-о, привет! – Лора оперлась на его руку и спрыгнула на землю. Иоанн легонько приобнял её, и она не отстранилась. Вынесли вещи – три здоровенных чемодана «Луи Виттон» с трудом поместились в багажник «мерседеса». Сопровождавший Лору лысый человек позволил её отцу – Лора вырвала у него телефон, сама сказала отцу пару слов, пожала руку сопровождающему и забралась в машину.

Стивен сел на переднее сиденье, а Иоанн устроился сзади, рядом с девушкой.

– О, ребята! это так прекрасно, что вы приехали меня встретить! – затараторила Лора, как только они тронулись. – Это был потрясающий полёт, я прочитала книжку – прямо от начала и до конца, впрочем, книжка была не такой уж большой, но всё равно эти два часа прошли незаметно... Спасибо вам, я так рада вас видеть!

В дороге Лора болтала почти без умолку, что было совсем на неё не похоже. Стивен молчал, а Иоанн кивал и лишь иногда задавал вопросы. За те полчаса, что они ехали до Туна, Лора успела рассказать ему про лето (она провела его в Гибралтаре и на Сицилии), про своих родителей, про новинки кино и про спектакль по Эсхилу, который они с матерью смотрели на сцене древнегреческого театра в Сиракузах: «Две с половиной тысячи лет назад там ставил сам Эсхил!»

За эти тридцать минут Иоанн узнал о Лоре больше, чем за все предыдущие годы знакомства. В дороге они сделали селфи – и поздно вечером Иоанн увидел в «Фейсбуке» коллаж со своим участием. Они переписывались до половины второго ночи, и, засыпая, Иоанн представлял, как будет знакомить Лору с родителями и как четверо взрослых сядут за стол, решая, играть ли свадьбу сперва в Англии, а затем в Италии – или наоборот. «Она, – решил Иоанн, – будет моей женой».

20 мая 2016 года. Тун

К вечеру закончились дожди, лившие три дня, и праздничный ужин накрыли в парке под открытым небом. Двери замка были распахнуты, на лужайке со стороны озера стояли столы с белыми скатертями, подсвеченные разноцветными лампами. Газон ещё не высох, и, случайно оступившись с дорожки, можно было испачкать туфли.

За центральным столом рассаживались выпускники этого года – девушки в вечерних платьях и юноши в смокингах. Рядом с ними сидели преподаватели, а за боковыми столами – остальные классы. Это был не их праздник, но Смайли ежегодно собирал всех учеников на прощальный ужин и иногда даже произносил речь. Сидеть приходилось долго, выслушивая множество нудных выступлений, а потом до утра общаться с друзьями и с преподавателями на отвлечённые темы, поэтому ученики младших классов чаще всего стремились улизнуть с мероприятия.

Пожалуй, впервые Иоанн видел всех своих одноклассников за столом – через год им предстояла та же инициация, и ребята повзрослели достаточно, чтобы понять и оценить происходящее. Для Иоанна день был особенным вдвойне: заканчивал обучение в школе-интернате класс Лоры.

Он видел её – она сидела вполоборота, положив обнажённую руку на спинку стула, и смеялась, волосы, зачёсанные набок, покрывали спину, в аккуратном ушке сверкала серёжка с бриллиантом. На ней было красное платье с круглым вырезом. Она не смотрела на него – просто не знала, с какой стороны он сидит. Они не виделись в последнее время и почти не общались. Их история, знал Иоанн, сегодня заканчивается.

С той весны, когда он влюбился в Лору и стал постоянно думать о ней, прошло всего два года, но для него эти два года оказались равны целой жизни. Взросление, думал Иоанн, не измерить количеством пережитого или осознанного: ты изменяешься каждую минуту, каждый миг, и то, что казалось тебе Вселенной вчера, становится незначительным и мелким сегодня. Ничего не поделать, так и должно быть, рассуждал он, есть этапы, которые нельзя пропустить, как ступеньки на лестнице. Их надо пройти все, шаг за шагом, один за другим, складывая в копилку опыта что-то новое – в этом, полагал Иоанн, и состоит смысл жизни.

Пока Смайли держал свою короткую речь, Иоанн, собрав со стола всё самое вкусное, ужинал. Некоторые младшеклассники за соседними столами были настроены продержаться без еды до конца официальной части, но Иоанн не был столь наивен – после Смайли микрофон передали в руки директору, потом куратору, потом нескольким учителям, потом представителю школьного совета и так далее, и так далее...

Лора не стала брать микрофон. За него дрались её подружки, а она глядела на это свысока, с лукавым озорством в глазах. До сих пор никто так не нравился Иоанну, как Лора; Иоанн и сам понимал, что слишком влюблён в неё, хоть и повторяет мантры о «юношеском максимализме» и «переходном возрасте». Мантры не работали, и Иоанн не мог отвести от Лоры взгляд. Но два года – срок огромный.

Иоанн готовился к поступлению в Политическую академию Аббертона, недавно созданную при активном участии Европейского парламента и Совета министров Европы, и подготовка отнимала всё его время. В следующем учебном году Иоанну предстояло написать большую работу по истории в качестве одного из вступительных экзаменов – он пока не посоветовался с отцом, но думал взять какую-нибудь тему из истории Византии. Уж больно нравилась ему трагическая и в то же время возвышенная, недоступная пониманию современников судьба Восточной Римской империи, сохранившей светоч культуры и духа великого Рима, пронёсшей его сквозь Тёмные века.

Будущее, раньше казавшееся неопределённым и далёким, сейчас приблизилось на расстояние вытянутой руки. Иоанн много размышлял о том, что его дни в школе-интернате очень скоро закончатся, оставшись мозаичным рисунком в памяти, и часто пытался представить, каким будет этот рисунок.

Всем друзьям, кроме Стивена, он сказал, что Лора ему просто надоела; в эту ложь поверило большинство. Стивен знал правду – в какой-то степени он и был во всём виноват, и глубоко в душе Иоанн, несмотря на все попытки пересилить себя, обвинял Стивена.

Его лучший друг сидел рядом – он потолстел и стал носить очки, но остался столь же весёлым, интеллектуальным и полным искромётных идей. В отличие от Иоанна, он имел сразу несколько школьных романов, и все они завершились, по меркам мальчишек, весьма успешно. Девочки перешёптывались, как он классно целуется, но Стивена амурные дела особо не волновали. Возможно, предполагал Иоанн, ему просто пока не встретилась своя Лора.

Однажды вечером, под Рождество 2014 года, когда озеро замёрзло, в парке появились сугробы, а в холле замка горел камин, Иоанн пришёл к Стивену с потрясающей новостью: Лора пригласила его провести вместе каникулы в Эдинбурге.

– И ты согласился? – спросил Стивен.

– А то! – хохотнул Иоанн. – Ты ещё спрашиваешь!

– Недавно... я видел её с парнем из выпускного класса.

– С каким?

– Не знаю имени.

– И что ты хочешь сказать?

– Иоанн, слушай... – Стивен замялся. – Мне кажется, ты преувеличиваешь.

– Что?

– Ваши отношения.

– Иногда я тоже так думаю, Стив... – Иоанн задумался. – Но Лора – она ведь такая...

– Какая?

– Каждый сезон у неё новые друзья...

– ...как новая сумка?

– Ну...

– И, по-твоему, это нормально?

– Нет. Но поэтому мне она и нравится, – он улыбнулся. – Она необычная. И ко мне она относится иначе.

– Ты так думаешь?

Иоанна начинало это раздражать.

– Стив, прекрати.

– Мы просто разговариваем.

– Ну так скажи мне уже! Что ты хочешь?

– Я ничего не хочу.

– С тобой что-то происходит, как только речь заходит о Лоре.

– Да.

– Я слушаю. Мне надоело это, просто скажи мне.

Стивен помолчал.

– Не тяни.

– Ладно. – Стивен поморщился. – Ладно.

– Говори уже.

– Помнишь... в прошлом году она ходила с блондином?

– Да.

– Который поступил в университет в Калифорнии, забыл его имя...

– Неважно, Стив.

- Я... – Стивен замялся. – Я видел их вместе.
- Я тоже, – ответил Иоанн, но сердце у него ёкнуло.
- В другом смысле...

Иоанн молчал.

– Я возвращался после курсов во втором корпусе, – продолжил Стивен. – И видел их на лавочке в закутке... Там, на краю аллеи, понимаешь?

– Они целовались?

– Да.

– Это нормально, – пожал Иоанн плечами.

– И не только, – ответил Стивен. – Было темно, и вокруг никого не было...

– Они занимались сексом? – спросил Иоанн. – Ты не путаешь с...

– Она отсасывала у него, – сказал Стивен. – Я видел, Иоанн, и я точно знаю, что это была она.

– Ты плохо видишь.

– Извини, но тогда я видел всё хорошо.

– Когда? – Иоанн смотрел в одну точку. – Это была не она.

– В мае. Я не хотел тебе говорить, ты...

– Ты ошибаешься.

– Иоанн, я серьёзно. Это была она.

Они проговорили в том же духе ещё около часа. Иоанн вернулся к себе, лёг на кровать лицом вниз и лежал так минут двадцать; он как будто видел всё своими глазами: аллея, тёплый вечер, ветер трогает кроны деревьев, освещённые дорожки, лавочка на углу... Неужели Лоре захотелось повторить опыт той выгнанной девчущки, Тейлор? Или всё случилось спонтанно, они гуляли, и он убедил её, а она?.. Иоанн не знал; он не мог поверить. Но видел в темноте у кустарника на лавочке силуэты: откинувшегося на спинку и стонущего от удовольствия блондина: одной рукой держится за подлокотник, другая – на затылке Лоры... Её светлые волосы взъерошены его огромной лапищей, он подталкивает её, а она, на коленях, ритмично поднимает и опускает голову...

Шок прошёл, и эмоции улеглись – Иоанн до сих пор сомневался, её ли видел Стивен в тот вечер. Слишком необычной она была, слишком возвышенной и идеальной казалось. Иоанн не знал, заметила ли Лора изменения в их отношениях, – она вообще мало на что, кроме себя, обращала внимание.

Ближе к концу вечера, когда все встали со своих мест и начали кружить вокруг столов с бокалами в руках, Иоанн столкнулся с Лорой, и Лора радостно бросилась к нему, схватила его за руку, принялась что-то рассказывать. Иоанн улыбался ей в ответ и обещал, как требовала ситуация, обязательно встретиться в следующем году и слетать «всё-таки», как они «давно планировали», в Эдинбург.

На прощание Лора смачно поцеловала Иоанна в щёку – на ней остался отпечаток красных губ. Но глядя ей вслед и стирая помаду салфеткой, и потом, умываясь, Иоанн думал лишь о том, как этими же самыми губами Лора обхватывала эрегированный член блондина. Он не мог отделаться от мысли, что его предали; не мог перестать думать о ней, но на смену трепетному восхищению пришло новое чувство – отвращение.

Расставшись тем вечером, они встретились снова только через много-много лет.

24 января 2032 года. Дели

Она свернулась калачиком и отползла в самый дальний и тёмный угол. Всё тело болело, у неё был жар, страшно мутило, но она сдерживала рвотные позывы. Если вырвет, то придётся весь остаток ночи провести в этой рвоте, потому что сил убраться у неё не хватит. Ей было больно даже открыть глаза и пошевелить головой, не говоря уже о том, что первая и единственная попытка встать отозвалась спазмом в промежности и болью в позвоночнике. Передвигаться она могла только ползком, как пиявка, упёршись лицом в пол, по которому ползали насекомые и черви, где давно сохлась корка из грязи, пыли, мочи и остатков экскрементов, крови и объедков: обглоданных костей, пищевой плёнки.

Она старалась не плакать. Плач вызывал судороги, сотрясал израненное тело, от слёз щипало в глазах. Хуже всего было то, что плач замедлял её передвижения. Если бы она заплакала, то осталась бы лежать прямо посередине подвала, куда её скинули с лестницы, и ей бы пришлось терпеть на себе дикие и опустошённые взгляды остальных несчастных. А она это ненавидела. Ненавидела даже больше, чем его, кто сотворил с ней такое и держал взаперти; ненавидела больше, чем свою жизнь, чем себя саму, чем свою мать, которая её бросила, чем предавших её полицейских, чем монстров, которые приходили каждую ночь... ненавидела больше, чем боль и унижение. Эти пустые взгляды детей со всех сторон подвала, таких же, как она – скукожившихся, больных и умирающих; они смотрели на неё отстранённо, непонимающе, по-звериному. Некоторые из них плакали всё время. Некоторые не плакали никогда. Некоторые жаловались и звали маму. Другие всё время молчали. Но все они, все без исключения на неё смотрели...

В угол, в спасительную темноту, прочь от пустых глаз этих детей, полуголых и худых, с выпирающими рёбрами, всех в грязи и со вздутыми животами, с шрамами от побоев и пыток, с выбитыми зубами и вырванными клоچьями волос... прочь от них, в тайное убежище, в самый тёмный угол подвала, куда не доберётся бледный лучик света из высокого узкого оконца, подальше от этих уродов, высматривающих друг друга в темноте и глазающих, глазающих до потери сознания...

«Я вас ненавижу, ненавижу, ненавижу, – повторяла про себя она, – неужели вы не можете закрыть глаза, неужели вам так трудно просто не смотреть на меня, просто сдохнуть, просто сдохнуть от болезней, от голода, просто не выдержать боли, когда придёт очередной маньяк и будет измываться над вами, просто умереть от болевого шока, испустить жалобный вздох и умереть, откусить извращенцу член и умереть или просто тихо сидеть и опустить глаза, но не надо, не надо на меня смотреть, никогда не надо на меня смотреть, неужели это так тяжело, просто взять и НЕ СМОТРЕТЬ на меня...»

Добравшись до своего угла, она вылакала миску с водой, как собака, и привалилась к стене. Глотать было больно: боль пронизывала от горла и мышц шеи до желудка, который чуть было не вытошнил помойную воду обратно. Она стиснула зубы и приобняла себя за плечи, стараясь унять лихорадку. «Они перестали смотреть, они больше меня не видят, я скрылась от них, они смотрят друг на друга, теперь до следующего раза, пока следующего не вернут, не скинут сверху лестницы, и он не поползёт в свой угол, и они опять будут на него смотреть, но я не буду, я не буду смотреть, я никогда не смотрю...»

Это было так. Двенадцатилетняя Элизабет никогда не смотрела на них: даже когда они требовали смотреть им в глаза, она всегда отказывалась и отворачивалась; даже ОН не мог заставить её посмотреть в глаза и каждый раз награждал её побоями и лишал еды, но она не сдавалась. Элизабет казалось, он ей гордится – среди всего выводка она одна была с норовом, она одна не выполняла всё, что они потребуют. Сперва это ему не нравилось, но потом он привык и стал представлять её с заметной радостью в голосе. Говорил что-то вроде: бейте её,

сколько хотите, но она никогда не будет смотреть вам в глаза, если посмотрит, то верну вам деньги...

Элизабет избивали, насиловали и издевались; это продолжалось уже третий год, день за днём, но она так и не посмотрела им в глаза. Никому, кроме НЕГО самого – и только в тот первый раз, когда полиция разнесла их небольшой городок, мать бросила маленькую Элизабет на произвол судьбы, и ей пришлось спасаться самой, и тогда она встретила его, вернее, это ОН её встретил, и посмотрел на неё, и подал ей руку, и отвёл её сюда... или нет, всё было не так. Они встретились в подземном переходе, и он только посмотрел на неё своими пурпурными глазами, и она послушно засемила за ним, а он ни разу не оглянулся, и она сама пришла сюда...

Нет. Всё было не так. И его глаза... они не были тогда пурпурными, она не разглядела цвет его глаз тогда, но у него были обычные глаза, не пурпурные... Пурпурными они стали потом, когда он приволок её сюда, к остальным детям, которых держал в заключении, когда принялся насиловать её здесь – не в этом вонючем подвале, конечно, а наверху, в одной из комнат своего дома – той самой, где с потолка свисали наручники, а в углу валялись иглы, кожаные ремни и плётки... Все эти инструменты были для его гостей – по крайней мере, Элизабет никогда не видела, чтобы он сам пользовался чем-то из своего арсенала. Когда он насиловал их – её, вернее, она могла говорить тогда только за себя – так вот, когда он насиловал её, то не делал ничего необычного... только надевал на глаза линзы... Элизабет хорошо знала, как они выглядят, две маленькие пурпурные влажные дольки, которые он бережно брал с подушечки и вставлял себе под веки, а потом надевал на себя пурпурный халат и клал её на пурпурный диван... Или нет, или диван был обычного цвета, и его халат – приятный на ощупь, гладкий халат – тоже был синим или фиолетовым, но Элизабет казалось, что он пурпурный, и с тех пор она знала, какого цвета её боль...

По ночам ей снилось, что её спасают. Что её и остальных детей вытаскивают из этого подвала полицейские, передают её с рук на руки и смеются, показывая на лицо Элизабет, толстый слой грязи на котором не может скрыть светлую кожу и европеоидные черты, а потом по очереди просят повторить её имя, а потом из их рядов появляется Пурпурный Человек и велит Элизабет прилечь прямо здесь, в этом тёмном и жарком подземном переходе...

Просьпаясь, Элизабет пыталась сбежать. Первые несколько недель, первые несколько месяцев она пыталась сбежать каждый день. Не сразу она поняла, что бессмысленно разговаривать с остальными – они умеют только глазеть, хотя если бы хоть раз все вскочили и накинулись на Пурпурного Человека, когда он спускался в подвал, если бы все вместе сбили его с ног, расцарапали бы ему лицо, задушили бы, а потом убежали, их бы никто не смог остановить... Но раз за разом Пурпурный Человек спускался сюда, в подвал, а они все – человек десять маленьких детей – прижимались к стенам, молча и позорно. Пурпурный Человек выбирал кого-то из них и отводил за руку наверх, там он кормил его или её, мыл и причёсывал, одевал и отдавал одному из своих гостей... В остальное время дети в подвале питались объедками, которые он приносил в больших корытах и оставлял в центре подвала. Важно было добраться до еды первым, чтобы урвать какой-никакой хороший кусок, и нередко так случалось, что дети увечили друг друга в борьбе за еду. Пурпурному Человеку это не нравилось: новых детей он приводил очень редко и старыми дорожил до такой степени, что при любых признаках болезни вкалывал им обезболивающие, наркотики или стимуляторы. Бои за еду он запретил и с тех пор сам наблюдал за распределением пищи, следил, чтобы каждому достался свой кусок.

Некоторые из детей любили Пурпурного Человека. Жадно ловили его взгляд, когда он спускался к ним, и очень хотели, чтобы он их выбрал. Только не Элизабет. Но и убежать не пыталась, знала, что Пурпурный Человек всё равно достанет её, если пришёл за ней, поэтому смиренно сидела и ждала, пока он поманит её пальцем. Несколько раз она пыталась его убить.

Несколько раз она пыталась убить и его клиентов, особенно тех, кто причинял ей особую боль. У неё не получилось.

Пурпурный Человек смеялся и даже не наказывал её за это: первые пару раз оставил без еды и высек, но со временем привык и стал считать дикий нрав девочки её особенностью. Элизабет сдалась не сразу, но прошла неделя, прошёл месяц, прошёл год, второй – и она сдалась, она признала, что и помыслить не может жизни без Пурпурного Человека, что слабо помнит своё прошлое и едва ли уверена даже в собственном имени.

Её мать – как её звали? Элизабет не помнила. В памяти жили картинки, обрывки воспоминаний. Она помнила, как они бегут из Пакистана, как едут в разваливающемся и провожавшем автобусе через грязный канал, полный жёлто-зелёной воды. Помнила, как они пешком идут по пыльной равнине, в огромной толпе, и у маленькой девочки подкашиваются ноги, а мама берёт её на руки и несёт на плечах, пока не падает сама. Помнила хмурых вооружённых людей, у одного из которых были тяжёлые чёрные усы, и как он улыбнулся Элизабет, пропуская их колонну под шлагбаумом. Помнила военную технику – здоровенные машины с пушками, оглушительно стрекочущие вертолёты в воздухе, бронированные крепости, из которых торчат ракеты, и как они тяжело ползут мимо них... Элизабет помнила, как впервые увидела небоскрёб – недостроенный серый каркас высотки на берегу реки Джамны, где они жили несколько месяцев за забором, в протекавшем во время дождей сарае.

Она помнила, старалась не забыть, как мама называла её по имени, и оно звучало особенно нежно, не так, как у других людей, которые их окружали. Она помнила труппы, где они жили, и как приходилось ходить за водой за три километра от посёлка, к протекающему водопроводу над сточной канавой под мостом, по которому быстро неслись машины и куда ей было запрещено подниматься... Помнила свою школу – одноэтажное полуразвалившееся здание, где их учили чтению и арифметике, помнила несколько ржавых компьютеров, стоявших у стены, занятий за которыми она так ждала...

Помнила, как однажды, возвращаясь из школы, увидела, что посёлок опустошён, вокруг люди в полицейской форме, а её знакомых – и взрослых, и детей – куда-то уводят и сажают в грузовики; и как ей показалось, что она видит лицо мамы... Помнила, как кинулась к ней и как та покачала головой и что-то ей крикнула, как полицейские грубо её отстранили и попытались схватить, помнила, как сбежала от них и пряталась в мусорном баке полдня, заливаясь слезами, и как потом пошла на поиски, повторяя про себя, что грузовики уехали по большой дороге.

Тогда-то девятилетняя Элизабет и спустилась в подземный переход. Уставшая, измученная, заплаканная, она бродила по городу уже несколько часов, ей хотелось есть и спать. Её облаяла стая бездомных собак, которую разогнали велосипедисты, и Элизабет хотела попросить у них помощи, но они не услышали её. Зато услышал полицейский, и Элизабет испугалась его и решила, что он хочет убить её, как убил её маму, и она забежала в подземный переход, чтобы скрыться там, а потом вернуться в школу – где её, наверное, поджидала полиция...

В подземном переходе было очень светло, вокруг двигались непрерывные людские потоки; девочку чуть не сбили, и от постоянных толчков ей стало больно. Она свернула куда-то за угол и, упёршись в тупик, почувствовала у себя на плечах чьи-то руки. Кто-то тяжело дышал над её ухом, и Элизабет испугалась.

Она боялась повернуться, так и стояла, замерев на месте, пока неизвестный не развернул её рывком и не прижал к стене. Он наклонился к девочке, а та поморщилась, пытаясь отвернуться. Она видела прямо перед собой тёмное лицо с чёрной, колючей щетиной и холодным, нечеловеческим взглядом. Но у него были обычные глаза, не пурпурные, а обычные, человеческие... Он смотрел на неё, и его зрачки медленно расширялись.

Его рука переползла с её плеча на подбородок, он развернул её лицо к себе и приоткрыл рот. Он высунул язык и дотронулся им до губ девочки – Элизабет захотелось кричать, но она

сдержалась, потому что на крик могли прибежать полицейские, а их Элизабет боялась куда сильнее. Она изо всех сил оттолкнула человека от себя и попробовала вырваться, но не смогла. Он повалил её на землю – Элизабет услышала за спиной хруст (приземлилась на пустую пластиковую бутылку). Тот, кого она позже прозовет Пурпурным Человеком, навис над ней, как паук, и навалился своим тяжёлым телом.

Элизабет попробовала завопить, напрягая связки, но он зажал ей рот ладонью. Она попыталась укусить его, почувствовала зубами шершавую грубую кожу и застонала. Защищаясь, она подняла руки к его лицу, пытаясь оцарапать его, но он отвернул голову, приподнялся над ней, схватил одной рукой обе её руки и больно дёрнул, одновременно прижимая её голову к земле. Элизабет ударилась затылком, и в глазах у неё помутнело. Насильник вывернул ей кисти рук, она застонала от боли, на глазах выступили слёзы.

Он растянул её руки в стороны, прижимая ноги своими коленями. У Элизабет не было сил кричать – она стонала, чувствуя боль во всём теле, а он лапал её, облизывал шею и разрывал на ней одежду. Он что-то воодушевлённо шептал, а она брыкалась, но ничего не могла сделать. Когда он вошёл в неё – резко, сразу порвав плеву, – её скрутила судорога. Она чувствовала жар и одновременно холод, почувствовала в промежности кровь, но он не останавливался.

Он тяжело дышал, сопровождая каждый толчок вздохом и тихим смешком. Он смотрел прямо на неё, глаза в глаза, и Элизабет отвернула голову, только бы не видеть его звериного лица. Ей казалось, она сейчас умрёт, такая дикая боль пронзала всё её тело, так билось её сердце. Она пыталась сжать бёдра, вытолкнуть его из себя, поднять руки и ударить, но ничего не получалось. Из полукрытых губ раздавался тихий жалобный стон. Она хотела закрыть глаза, но не могла, старалась смотреть куда-то в угол, в темноту, думая, что это всё происходит сейчас не с ней...

«Мама, мама, мама, мама, – повторяла Элизабет про себя, – ну почему, мама, почему ты это позволяешь, почему тебя нет здесь, мама, мама, почему это я, почему, мама, мама, мама, почему ты меня предала, мама, почему ты меня оставила, почему ты меня бросила, мама, мама, мама...»

Насильник вдруг остановился и испустил долгий стон. Он слез с неё, запихнул обмякший член в штаны и ещё раз обвёл девочку взглядом. Элизабет увидела на его лице презрение, и слёзы опять подступили к её глазам, она захныкала, и этот человек... вдруг посмотрел на неё с нежностью и даже с какой-то любовью, присел, погладил по голове и что-то пробормотал. Она не знала, сколько времени прошло, пока она просто лежала и плакала, не шевелясь, а разорванная одежда едва прикрывала её тело, и через рваные полосы она чувствовала ледяной ветер, залетавший с улицы. И всё это время, пока она лежала, он был рядом с ней... Когда она решилась на движение – подняла трясущуюся руку и поднесла к лицу, он перехватил её руку и некрепко сжал. Её тело болело, но острота прошла, оставив тупое ноющее ощущение, и она пошевелила ногой, надеясь, что сможет убежать... Пах отозвался болью, но Элизабет сжала зубы и попыталась встать. Он попытался помочь ей, но она с ужасом оттолкнула его, опёрлась о стену и поползла куда-то на четвереньках, а он нависал над ней и – наверное – всё это время смеялся. Она с трудом и болью поднялась на ноги, и он поддержал её за руку, и она поняла, что ей от него никуда не деться.

Он повёл её к выходу из перехода, и она захромала следом, надеясь, что сможет сбежать от него потом, когда – например – им на пути встретится полицейский, а пока ей нужно просто подождать, просто не думать о том, что он с ней сделал, сбежать от него, сдать полиции, может, они всё-таки вернут ей её маму, и они опять будут жить вместе, и Элизабет будет ходить в школу, и её имя опять будут произносить с таким странным акцентом...

Она покорно шла за ним, и постепенно боль утихала. Она пыталась поймать взгляд какого-нибудь прохожего, но никто на неё не смотрел, все отводили от неё глаза, а впереди высилась фигура её насильника, и она не могла убежать от него, потому что знала, что он её

повалит, и всё повторится снова... она боялась этого. Она боялась ЕГО, она не хотела больше никогда в своей жизни пережить что-то подобное, и что-то внутри неё тихо нашёптывало, что если сейчас ему подчиниться, то больше не придётся страдать, что он хочет искупить свою вину, что на самом деле он хороший и больше не будет обижать маленькую девочку, и хотя Элизабет знала, что это неправда, она всё равно шла за ним...

Полиция! Тот полицейский, который дежурил на выходе из перехода! Это её шанс! Элизабет увидела его, когда они уже ступили на верхнюю ступеньку, и уже думала рвануться к нему, вырвать свою ладонь из потной руки насильника, она знала, что у неё хватит сил для этого рывка, а если он не отпустит, то можно укусить его за руку, он не будет бороться с ней на людях, и она убежит, её защитят...

Полицейский в светло-коричневой форме посмотрел на девочку, и она остолбенела. Потом он поднял взгляд на человека, который вёл её за руку, и... приветливо ему улыбнулся. Насильник кивнул полицейскому, Элизабет не поняла, что они сказали друг другу, всё было как в бреду, но полицейского не смутило, что взрослый мужчина ведёт за руку оборванную маленькую девочку, едва переставлявшую ноги, всю в кровоподтёках, готовую упасть... Он улыбнулся ему. Они знали друг друга. Он что-то спросил, а тот показал пальцем на Элизабет и радостным тоном ответил... Он из полиции, поняла Элизабет. Всё пропало!

Её последняя надежда исчезла. Её не спасёт никто, кроме неё самой. Никого нет на её стороне. Он – полицейский, её изнасиловал полицейский, и он забирает её к себе домой и будет там издеваться над ней, и ей снова и снова придётся испытывать тяжесть его тела на себе, эту колючую щетину, это гадкое ощущение его слюны на щеке, уж лучше покончить с собой, чем это терпеть, чем так жить... он ведь не убьёт её, знала Элизабет, он будет издеваться над ней, но оставит в живых, и этого она боялась больше всего, ей хотелось кричать, но она знала, что будет только хуже, если она закричит, и надеялась, что у неё получится сбежать, но сил не было, и она шагала, чуть не падая, за этим человеком, который здоровался со всеми встречными полицейскими и что-то им объяснял...

Они спустились в метро, и он посадил её на сиденье рядом с собой. Элизабет поняла, что встать больше не сможет. Она вся тряслась, её охватил жар, казалось, его слюна проела в её щеке дырку, а запястье, за которое он держал её, посинело и распухло, а другая рука ниже локтя, как и область паха, онемела. Боль периодически возвращалась, и она морщилась, но терпела, а он нависал над ней и гладил по голове, и что-то повторял своим ласковым вкрадчивым голосом, и Элизабет боялась скинуть его руку, боялась на него посмотреть и больше всего желала сейчас заснуть и проснуться в своей маленькой комнатке вместе с матерью, и идти три километра за протекающей из трубы водой, и питаться полуфабрикатами, и замерзать по ночам, и бегать по свалкам со своими друзьями, и терпеть их насмешки из-за имени... «Что угодно, что угодно, только не эти длинные пальцы, только не эти холодные касания, что они могут со мной сделать, что они УЖЕ сделали со мной, что они со мной сделают, что ОН со мной сделает...»

Она не помнила, сколько они шли к нему домой: он вёл её за руку, а когда её ноги подкосились и идти она не смогла, он поднял её на руки и оставшуюся часть пути нёс. Элизабет не помнила, как выглядит его дом снаружи, но отлично знала изнутри: этот лабиринт, где всё начинается в подвале и всё заканчивается подвалом, из которого наверх ведёт одна лестница, а дальше ждёт анфилада комнат, и в каждой из них за прошедшие годы её успели изнасиловать.

Во второй раз Пурпурный Человек употребил её сразу после того, как принёс домой. Он раздел её, вымыл в маленьком душе, а потом положил на диван, и она поняла, что здесь и умрёт, но сдвинуться не сможет, так болит всё тело, так она обессиленна, так хотела есть (воды она наглоталась в душе), и когда он вдел в глаза свои линзы, накинул халат и принялся за дело, она сперва стонала от боли, а потом замолчала и отвела от него взгляд, и тогда он перевернул её на живот, и она смотрела прямо в стену всё это время, а потом он дал ей что-то съесть и отвёл

в подвал, где остальные дети – их тогда было всего трое – сидели по углам и ошарашенно СМОТРЕЛИ на неё, и тогда Элизабет закричала, она заорала так, что у Пурпурного Человека заложило уши, и он ударил её наотмашь, и она потеряла сознание...

Первые недели, месяцы, весь первый год она пыталась разговорить этих детей. Но они никогда ей не отвечали, они отворачивали головы и оживлялись только тогда, когда предстояла битва за еду, но Пурпурный Человек вскоре запретил её, и дети вернулись обратно в свою вечную меланхолию. Некоторые из них умерли; однажды труп ребёнка – мальчика лет шести – пролежал в подвале неделю, он мерзко пах, и на нём копошились насекомые, пока Пурпурный Человек не спустился и не забрал его. Другие уходили наверх и больше не возвращались; в среднем дети держались в этом подвале полгода. Элизабет единственная жила тут уже три года, и Пурпурный Человек, знала она, ценил это. Последний год он бил её довольно редко, но периодически это случалось, как сегодня, например, когда он оставил её со своей постоянной гостьей, толстой пожилой женщиной, которая насильовала Элизабет большим чёрным фаллоимитатором. Элизабет помнила эту женщину – у неё вместо шеи была одна сплошная жировая складка, а волосы она стригла коротко, и оттого её голова становилась похожей на яйцо. В этот раз толстуха решила расстегнуть наручники Элизабет, приговаривая, что они вместе уже не в первый раз, она хорошая девочка и будет себя хорошо вести, не так ли? – но Элизабет вдруг набросилась на неё, пытаясь выдавить ей глаза большими пальцами.

На крик женщины прибежал Пурпурный Человек, и его присутствие, как и всегда, парализовало Элизабет. Она застыла, сидя верхом на толстой женщине, быстро убрала руки от её глаз и спрятала их за спиной. Пурпурный Человек принялся избивать Элизабет, а она терпела боль и молчала, потому что Пурпурный Человек не любил крикливых детей, и Элизабет знала это. Он избил её и скинул с лестницы в подвал, и дети принялись ГЛАЗЕТЬ на неё, и она поползла в свой угол, ненавидя ИХ ВСЕХ, ненавидя эту ЖЕНЩИНУ, ненавидя ПУРПУРНОГО ЧЕЛОВЕКА, ненавидя ЭТИХ ДЕТЕЙ...

Они могли бы освободиться, они бы могли вернуться к нормальной жизни, если бы захотели, но правда состояла в том, что они не могли. И дело было даже не в полиции, которая была на стороне Пурпурного Человека, и не в его всевластии – ведь он, казалось, слышал каждую мысль, знал о каждой перемене в их настроении и самочувствии. Нет, дело было в том, что ни у кого из них, включая Элизабет, нормальной жизни никогда не было. Никто из них не называл своих имён, у них не было документов, не было родителей или других людей, кто бы мог о них позаботиться. Их никто не искал, их не было в базах данных, для этого мира их всех не существовало... Дети бездомных, дети беженцев, как и сама Элизабет – у них не было прошлого, не было будущего, не было настоящего. Им оставалось только гнить здесь, днями и ночами позволяя гостям Пурпурного Человека использовать их тела, а потом умирать от болезней или недоедания среди грязи и червей...

Через несколько часов после того, как Пурпурный Человек избил её и скинул в подвал, Элизабет заснула. Ей приснился сон – на удивление добрый, в нём Пурпурный Человек кормил её с ложечки кашей, как это делала мама, и расчёсывал её волосы, а потом провожал в школу. Элизабет разбудили радостные всхлипы детей: хозяин спускался в подвал с едой. На четвереньках, как собаки, дети побежали к нему, и только Элизабет осталась лежать в своём углу. Она знала, что Пурпурный Человек будет злиться на неё, если она не поест, и если она останется на месте, будет только хуже, но ей было слишком больно.

Когда она открыла глаза в следующий раз, Пурпурный Человек стоял прямо перед ней, а вся свора детей ГЛАЗЕЛА на них, как будто Элизабет – избранная, словно её выбрали второй раз за день, и это сразу поднимало её в их глазах и порождало зависть. Пурпурный Человек потянул Элизабет за руку. Девочка вскрикнула, но не посмотрела на него, не посмотрела ему в глаза... Она знала, что он смеётся над ней, она вся съёжилась внутри, ожидая новых ударов, но Пурпурный Человек уже успокоился. Он достал шприц болеутоляющего, ввёл иглу

в вену Элизабет и опустошил шприц. Элизабет почувствовала, как лекарство перемещается под кожей, как прохладное вещество растекается по руке, по плечу, как захватывает грудь, как всё тело становится легче, как боль начинает уходить... Она обмякла, и Пурпурный Человек отпустил её руку, накрыл дырявым пледом и ещё несколько минут стоял над ней и смотрел, как она погружается в дрему.

Проснувшись, Элизабет обнаружила, что он наполнил водой её миску и оставил ей немного еды в тарелке рядом. Пока она спала, никто из детей не осмелился забрать её еду. Пурпурный Человек и раньше оказывал ей знаки внимания, но сегодня он лично принёс ей поесть. Раньше такого ни с кем не случалось.

15 февраля 2032 года. Дели

Мальчика скинули с лестницы, он ударился челюстью о нижние ступеньки и потерял сознание. Он лежал лицом вниз на полу, а его ноги вытянулись по ступенькам и изогнулись: левая ступня, похоже, была подвёрнута. Мальчик был на пару лет младше Элизабет, но выглядел намного моложе: если ему было лет десять, то вид у него был на пять-шесть. Маленький, сутулый, бледный, в серой бесформенной робе, которая была велика и волочилась за ним по полу. Он безуспешно пытался порвать робу спереди, чтобы не так мешала ходить. У него было очень мало волос. Элизабет с удивлением разглядывала его, потому что у него не было даже бровей, таких людей она раньше никогда не видела.

Мальчик появился в подвале несколько дней назад, и каждый день его забирал Пурпурный Человек и возвращал в подвал избитого. Элизабет видела, с какой болью каждый вечер мальчик ползёт за едой и водой, но Пурпурный Человек ни разу не спустился сделать ему укол болеутоляющего.

«Он его дрессирует, – решила Элизабет, – как дрессировал когда-то меня... Бедный, бедный мальчик, через что ему придётся пройти...»

Она думала, что если бы ей предложили ещё раз испытать всё то, чему её подверг Пурпурный Человек в первые полгода жизни в подвале, а потом свободу – или смерть, сразу и мгновенно, то Элизабет без колебаний выбрала бы самоубийство. Теперь, по прошествии трёх лет, Пурпурный Человек стал относиться к ней по-другому. У них установились особые отношения, и Элизабет уже не представляла своей жизни без этого мучительного противостояния с насильником и рабовладельцем... Но этот мальчик – другое дело. Элизабет знала, что он чувствует, он напоминал ей её саму. Судя по его поведению, он также пытался бороться – и также проигрывал, и завтра Пурпурный Человек снова заберёт его наверх, а вечером скинет с лестницы, и всё повторится...

Мальчик лежал без сознания. Прошла минута, десять минут, несколько часов – Элизабет засекала время по струйке солнечного света, которая текла из мутного маленького оконца под потолком. Дети знали, что скоро наступит время кормёжки, и хозяину очень не понравится лежащее на его пути тело мальчика. Все сидели по своим углам и ждали, что же будет дальше.

Вскоре мальчик пришёл в себя с долгим стоном – самым привычным звуком в этом подвале. Он зашевелился, как каракатица, и пополз – у него, наверное, отнялись ноги. Он добрался до своего места у стены, попытался допить последние капли, оставшиеся в его миске, а потом привалился к стене и замер.

В подвал спустился Пурпурный Человек – он принёс еду: большую бадью, полную паровой лапши. Дети потянулись к лестнице и стали по очереди есть. Элизабет поела одной из первых, так и не поднимая взгляд на Пурпурного Человека. Она знала, что он наблюдает за ней, и это доставляло ей удовольствие. Он уже несколько недель не забирал её наверх – что это значит? она так ценна для него, что он не хочет отдавать её другим? или он так наказывает её, всё ещё злит за выходку с толстой женщиной? Как бы плохо ни было наверху, думала Элизабет, безвылазное сидение в этом подвале сводит с ума. Хоть бы он сам захотел её взять, хоть бы он надел этот пурпурный халат и отвёл её наверх, дал ей помыться и немного нормальной еды, хоть бы позволил посмотреть на светлые стены своего жилища, а не на облезлые протекающие стены подвала... Может быть, она слишком выросла? Можно быть, она слишком стара для него? – размышляла Элизабет. Надо поднять глаза и посмотреть на него, пусть вспомнит, кто она такая, пусть подумает о ней, пусть в нём опять проснётся желание, инстинкт собственника... Но она не смогла этого сделать и отправилась назад в свой угол.

Избитый мальчик не пошёл есть. Элизабет устроилась в удобной позе с миской, полной воды и, когда Пурпурный Человек ушёл, погрузилась в дрему. Сквозь полуприкрытые веки

она заметила движение и мигом проснулась, в страхе хватаясь за миску. К ней приближался этот новый мальчик, он подполз к ней и одним глазом – второй отёк и не открывался – смотрел ей в лицо.

– Ты... ты говоришь? – спросил он. Элизабет было открыла рот, но сказать слово не получилось, и она издала какой-то мерзкое мычание. «Как же противно, – подумала она, – неужели я разучилась говорить? Почему Пурпурный Человек со мной не разговаривает? Неужели ему хочется, чтобы я онемела, а как же тогда крики, как же я смогу кричать и доставлять ему удовольствие, если онемею?»

– Можно попить воды? – спросил мальчик.

«Моей воды? – изумилась Элизабет. – Пурпурный Человек же только что был здесь, он бы дал тебе воды, если бы ты попросил! Как ты можешь требовать моей воды, я сама наполнила свою миску! Ты не понимаешь, наверное, как здесь всё устроено! Ну так он объяснит тебе, не сомневайся, ты всё поймёшь со временем... если выживешь, а я сомневаюсь, что ты выживешь, если будешь так продолжать...»

– Пожалуйста... – повторил мальчик. – Можно попить воды? Немного воды, я поплюю и больше тебя не побеспокою... Я умру, если не выпью воды...

«Он умрёт? Какая гадость! У нас уже давно никто не умирал здесь, – подумала Элизабет. – Но если он умрёт, то хозяин может не убрать его труп сразу, и он будет лежать и вонять, а это неприятно... Я сыта и пить не хочу, я могу дать ему немного воды, если он боится попросить у хозяина. Просто не надо было его расстраивать, вот что!»

– Пожалуйста... можно воды? Я просил у них, но мне никто не дал...

«Ещё чего, чтобы все тебе давали свою воду! – Элизабет помедлила и протянула ему миску. – На! Пей, но только из моих рук, а то всё выпьешь... И это в первый и последний раз, больше никогда такого не будет, поэтому не огорчай хозяина и бери у него воду сам...»

Мальчик склонился над миской и начал лакать воду. Он пил очень медленно, и Элизабет это раздражало, и она вскоре вырвала миску у него из-под носа. Он не успел убрать лицо, и Элизабет расплескала немного воды. Мальчик отшатнулся, упав на бок, и виновато на неё посмотрел. Элизабет заглянула в миску и увидела там кровь.

«Он испортил мою воду! Испортил мою воду!!»

– Спасибо, – сказал мальчик. – Как тебя... как тебя зовут?

«Он испортил мою воду! Что он спрашивает, как он смеет со мной говорить, он же знает, что я теперь могу только мычать, потому что хозяин со мной не разговаривает!»

– Ты говоришь?.. Как тебя зовут?

Элизабет опять попыталась выдать из себя звук. Что-то получилось, но звук собственного голоса показался ей таким неприятным, что Элизабет от неожиданности испугалась и решила больше никогда не разговаривать.

– Меня зовут Капила, – сказал мальчик. – Ка-пи-ла. Ты понимаешь?..

«Я не глухая! – заорала внутри своей головы на него Элизабет. – Капила, какое дурацкое имя, что тут понимать! А меня зовут Элизабет, Э-ли-за-бет, понимаешь, и моё имя лучше твоего, оно красивое, меня так называла моя мама!.. Мама!»

Элизабет вспомнила маму. Вспомнила, как та произносила её имя.

– А тебя как зовут?

– Элизабет, – вдруг откликнулась девочка. – Меня зовут Элизабет. Так меня называла мама.

– Алишавет?

– Элизабет, Капила, – произнесла девочка, и вдруг у неё на глазах выступили слёзы. Отчего? Почему она заплакала, ничего ведь не случилось, никто не причинил ей боль... Почему она плачет, почему ей так хочется рыдать, глядя в отёкшее лицо Капилы...

– Со мной никто не хочет разговаривать, – сказал Капила. – Никто не хотел мне дать воды. Спасибо, Элизабет, что дала мне попить. Я бы умер, если бы не попил. Спасибо тебе, Элизабет...

– Капила, – повторила Элизабет его имя. Так странно, так странно искажился её голос сквозь слёзы.

– Спасибо, Элизабет, – повторил мальчик. – Ты такая одна здесь... Больше никто не хочет со мной разговаривать... Они считают, что если поговорят со мной, то их... их убьют...

Капила тоже заплакал. «Ну и дурак! – подумала Элизабет. – Они не боятся, что их убьют, если они заговорят с тобой, ты просто дурак, ты ничего не понимаешь! Они просто не умеют разговаривать, они умеют только ГЛАЗЕТЬ, больше они ничего не умеют...»

Элизабет сидела и смотрела, как мальчик плачет, ни слова не говоря ему. Когда он успокоился, то отвернулся и отполз в сторону. Элизабет внимательно за ним следила. Капила отправился не в свой угол, а угнездился недалеко от неё, свернулся в позе эмбриона и затих.

17 февраля 2032 года. Дели

Пурпурный Человек вчера не спускался в подвал; сегодня он появился только во второй половине дня, принёс еды и забрал с собой одну из младших девочек. Когда Элизабет поела, Капила подобрался к ней:

– Элизабет?

«Что? Опять воды не хватает? Ты выпил две миски, теперь тебя будет тошнить!»

– Элизабет?.. – повторил мальчик.

– Капила.

– Элизабет, – улыбнулся он. – Ты единственная, кто разговаривает.

– Что тебе? – спросила она. Он насупил, и ей показалось, что он сейчас уйдёт. Странно, но ей этого не хотелось. – Ты болеешь?

Капила удивлённо на неё посмотрел и потёр ноги.

– Тебе больно? – спросила Элизабет.

– Да, – сказал он.

– Не будет долго больно, – сказала Элизабет.

– Ты не хочешь его убить? – спросил Капила.

«ЧТО?!!»

– Ты не хочешь его убить? – повторил мальчик. – Никто, кроме тебя, не разговаривает, но я думаю, они нам помогут, если мы...

«КТО нам поможет, о ЧЁМ ты говоришь... Они нас загрызут, если ты попытаешься что-то сделать с хозяином, я тебя сама загрызу, это же хозяин, Капила, как ты не понимаешь, он даёт нам еду, он даёт нам жить, кто мы без него...»

– Мы все здесь умрём, если не убежим, – продолжил мальчик. – У меня в Нью-Дели живёт тётя, она нам поможет, если мы убежим. Я знаю, как до неё добраться, нужно только убить его и выйти из дома... Мы можем взять с собой немного еды, я знаю, где кухня, я заметил, это вторая дверь по коридору... Мы можем его убить, когда он спустится сюда в следующий раз, если ты привлечёшь его внимание, а я спрячусь за лестницей... Если нам помогут, если мы все вместе на него набросимся...

«НИКТО не будет тебе помогать, Капила, опомнись, как ты можешь о таком думать... – Элизабет осеклась. Она ведь сама думала о том же, думала днями и ночами, попав сюда. – Значит, так думают сначала все, но время пройдёт, и ты поймёшь, что это невозможно...»

– Нет, – отрезала она.

– Почему нет? – удивился он. – Сколько тебе лет?

Элизабет не знала точного ответа на этот вопрос.

– Так нельзя говорить, – сказала она. – Не говори так.

– Не бойся, – сказал мальчик. – Обычно он в доме один, а нас – одиннадцать... я посчитал.

Ты умеешь считать?

Она умела считать. Она была лучшей в классе по устному счёту.

– Нас одиннадцать, – повторил он. – Если он спустится сюда, то ещё один человек будет наверху... Но если убить его, то тот, наверху, испугается и убежит... А мы уйдём...

– Куда мы уйдём? – спросила Элизабет. – Мы никуда не уйдём.

– Ты меня слушаешь? – спросил мальчик. – К тётке моей, я же говорю...

– С нами никто не пойдёт.

– Тогда мы сбежим вдвоём, – сказал Капила. – А если остальные останутся, мы вызовем полицию и...

– Нет! – охнула Элизабет. – Нет, нет, нет!

«Полицию! Он не знает, он не знает, что Пурпурный Человек и есть полиция, он даже не представляет себе, нет, это слишком опасно, слишком страшно, а он не такой уж и злой, Капила привыкнет, может быть, мы будем даже так сидеть здесь и говорить, и иногда даже смеяться над тем, что испытали наверху, в конце концов мы сытые, мы живые, а Пурпурный Человек не даст нас в обиду, он внутри не такой, как снаружи...»

– Мы должны сбежать, – сказал Капила.

Элизабет показалось, что он говорит слишком громко. Она огляделась – и действительно, на них глазели из всех углов. Элизабет показала на рот Капилы и зашипела. Тот не понял.

– Что ты шипишь? – спросил он. – Элизабет?

– Не говори, – сказала она.

– Ладно, – ответил он. – Но я сбегу. Мы убьём его и убежим с тобой.

– Не говори, – повторила она.

Капила надулся и сел у стены рядом с ней, потирая больные ноги. «Он что, так и будет сидеть рядом со мной? Нельзя сидеть рядом с другими детьми, разве он не знает? Это запрещено... Кем запрещено? Так никто не делает, потому что Пурпурному Человеку это не нравится, мы должны сидеть по одному, так, может, мы и разговаривать не должны?..»

Капила сидел рядом с ней. Когда лучик солнца ослабел и почти исчез, Капила перетащил к углу Элизабет свою миску, тарелку и покрывало. Она старалась не смотреть на него, но периодически всё равно поглядывала, что он там делает.

С наступлением ночи пришёл Пурпурный Человек и вернул девочку. Он провёл её по лестнице вниз, держа за руку, и даже накрыл её одеялом. Элизабет почувствовала укол ревности. Она лежала, отвернувшись от лестницы и закрыв глаза, и она знала, что Пурпурный Человек окинул подвал взглядом и увидел, что Капила лежит рядом с ней.

25 февраля 2032 года. Дели

Вчера Пурпурный Человек спустился в подвал и забрал Капилу. Элизабет знала, что это из-за неё. Она делала вид, что спит, но на самом деле наблюдала, как Пурпурный Человек уводит Капилу. Тот брыкался и дёргался, но Пурпурный Человек ударил его по голове и унёс. Маленький слабый Капила бессильно висел на его длинных руках.

Элизабет знала: Пурпурный Человек видел, что Капила перебрался поближе к ней, что они всю неделю вместе ходили есть. Элизабет знала, что их разговоры в темноте слушали все эти немые, умеющие только глазеть дети. Пурпурный Человек забирал некоторых из них, и там, наверху, они всё ему рассказали. Пурпурный Человек видел, как они общаются – они даже не смотрели друг на друга при нём, но он знал, о, Пурпурный Человек всё знал...

И он забрал Капилу. Он ударил его по голове, когда тот стал артачиться, поднял на руки и унёс наверх, и Капила уже не вернулся обратно. Он убил его? Что он с ним сделал? Капила, бедный Капила, он убил его? Убил единственного ребёнка, который разговаривал с ней, убил единственного, кто не отвернулся от неё? Кто мог ей помочь, кто думал о побеге, кто уже почти убедил Элизабет бежать... А может быть, и не было никакого Капилы? Может быть, мальчик с дурацким именем ей просто приснился? Может быть, Пурпурный Человек это просто подстроил, чтобы испытать её верность? Она же не согласилась бежать – она не сказала «да», она сказала «нет», значит, она осталась ему верна, значит, с ней всё должно быть хорошо...

Элизабет не могла спать. Она думала о Капиле. Она думала о том, что такая судьба уготована каждому, кто хотя бы подумает о покушении на хозяина. Она кусала свои шершавые губы и думала, почему Капила не мог промолчать, почему ему потребовалось говорить о том, чтобы свергнуть Пурпурного Человека. Может, он хотел занять его место? Может, он хотел получить его пурпурный халат и использовать обитателей подвала вместо него самого? Может, он сам хотел стать Пурпурным Человеком?..

26 февраля 2032 года. Дели

Элизабет продолжала думать о Капиле. Пурпурный Человек так и не вернул его назад, понятно, что он его убил. Но вместо того, чтобы смириться с этим и забыть мальчика, как она забывала всех убитых Пурпурным Человеком детей, Элизабет всё чаще думала, что ей нужно было согласиться на предложение Капилы. У них бы ничего не вышло, её бы тоже убили, но, наверное, лучше умереть, чем продолжать жить так, чем каждый день терпеть этих глазающих идиотов. Чем ещё несколько лет провести без возможности с кем-то поговорить... Чем умереть мерзкой, гадкой смертью здесь, в подвале, чем сгнить здесь, пусть лучше уж ОН САМ убьёт её, пусть её хозяин убьёт свою рабыню, пусть это сделает Пурпурный Человек, это будет правильно...

А если бы у них получилось?..

Это из разряда чудес, но зачем бессонные ночи, если не мечтать о чудесах? Они могли бы бежать вместе с Капिलой, бежать из этого подвала, увидеть весь большой мир, идти по нему пешком, как когда-то они шли с мамой... Нет, они бы не обратились в полицию, они были бы сами по себе, и они были бы свободны... Как она была свободна, пока не появился ОН...

Она заснула, а утром хозяин их разбудил. Он принёс корыто с едой, с очень жидким рагу, и смотрел, как дети по очереди подходят и накладывают себе еду. Когда подошла очередь Элизабет – она шла одной из последних, – он посмотрел ей в глаза. А она не отвела взгляд.

Пурпурные линзы были на нём. Он надел сегодня пурпурные линзы, спускаясь в подвал, и она сразу всё поняла – и он понял, что она поняла.

Он оставил детям еду, поднялся во весь свой рост, упёрся макушкой в потолок и поманил Элизабет за собой. Она пошла за ним – что ей оставалось? Все её мысли, все её намерения разом исчезали, стоило ей оказаться рядом с этой высокой и тёмной фигурой, рядом с Пурпурным Человеком. Она пошла за ним наверх, он даже не вёл её, она шла сама. Она думала, что он сейчас убьёт её, и даже немного радовалось этому. Она волновалась – но не потому, что боялась умереть, а потому, что боялась... его огорчить, сделать что-то, что ему не понравится. Он ведь приготовил для неё какой-то сюрприз, он не просто так повёл её наверх... Ах, если он не убил Капилу, если Капила ждёт её здесь, в комнате, и Пурпурный Человек разрешит им сидеть и говорить, сколько захочется... Он такой, он непредсказуемый, от него можно чего угодно ожидать...

Пурпурный Человек завёл её в маленькую ванную комнату и поставил под душ. Он снял с неё старую одежду, тщательно вымыл с мылом, не нажимая на больные места, и шампунем помыл ей голову. Потом он вытер её полотенцем, надел на неё короткое платье, пригладил волосы и отвёл в одну из «спокойных» комнат. Элизабет называла её «спокойной» потому, что внутри не было ни наручников, ни других пыточных приспособлений, только диван и кресло, и ещё пурпурный халат, который лежал на диване. Он надел его, сел в кресло и позвал Элизабет сесть к нему на колени. Девочка послушалась и залезла на его острые колени; он усадил её в неудобную позу и стал гладить её мокрые волосы своими огрубевшими от мыла руками, гладил её шею, плечи и грудь, гладил её губы и просовывал в щели от молочных зубов пальцы. На вкус они были как клей на наждачной бумаге. Элизабет не понимала, что он приговаривал при этом, но ей было бы спокойнее, если бы он принял её насиловать, как обычно, или заставил бы взять в рот или что-то ещё, но сидеть здесь, у него на коленях, было просто невыносимо. Элизабет ёрзала на месте, а он успокаивал её и принимался водить рукой по ней ещё медленнее, и Элизабет закрыла глаза и зарыдала, и вспомнила Капилу, как он неловко пытался с ней заговорить, вспомнила раны у него на ногах, как она не хотела давать ему воды, как со страхом отвергла его предложение, и теперь поняла, что совершила самую страшную ошибку в своей жизни, потому что её жизнь закончена, и если Пурпурный Человек больше не хочет её, то он

просто убьёт её, как он это сделал с Капилой. «Всё кончено, – твердила себе Элизабет и тихо плакала, стараясь, чтобы раскачивавший её на коленях Пурпурный Человек не заметил, – всё кончено, всё кончено...»

Уже ночью, когда он отвёл её, чистую и причёсанную, в подвал, положил на место, накрыв одеялом, и ушёл, оставив среди спящих детей... Элизабет показалось, что все они сейчас подкрадутся к ней и примутся душить, а потом откусывать по кусочку её вымытой плоти и глотать у неё на глазах. Она вспомнила близость Пурпурного Человека, вспомнила его линзы и то, как он обошёлся с ней сегодня, как он пренебрёг её телом, как впервые воспользовался ею в качестве куклы, а не женщины, и ей стало так обидно и плохо, что она опять вспомнила Капилу и вновь зарыдала. Её стало рвать, она попыталась встать и отойти от своего угла, но не успела. Бледно-жёлтая смесь, разрывая рот, стала выплёскиваться из неё на грязный пол. Её скрючило в приступе кашля, а вся свора детей проснулась от шума, приподнялась и принялась в ступоре сонно глазеть, как Элизабет извивается, выплёвывая рвоту. Жижа поднималась вверх по горлу, заполняла рот и носовой проход; откашлявшись, Элизабет увидела паутину из ниточек слюны, тянущихся из носа и изо рта. В рвоте она видела кровь.

«Нужно было согласиться с Капилой, – решила она, и собственные мысли её испугали. Она поспешила отползти от лужи со рвотой и завернулась в дырявое покрывало, стараясь не обращать внимания на мерзотный запах. – Нужно было хотя бы попробовать, потому что лучше не становится, а становится только хуже, и теперь, когда ОН убил моего единственного друга, того, кто со мной заговорил, впервые за всё это время, кто хотел помочь, кто хотел нас спасти... Теперь я должна сделать это сама. Теперь я должна убить своего хозяина!»

Но сама она ничего не сделала, а через месяц полицейское управление Дели наконец-то получило ордер на арест инспектора Лакшая Шеноя, подозреваемого в педофилии, похищении людей, многочисленных изнасилованиях и покушениях на убийство.

20 августа 2017 года. Фарнборо

«Около этого времени распространилась моровая язва, из-за которой чуть было не погибла вся жизнь человеческая. Возможно, всему тому, чем небо поражает нас, кто-либо из людей дерзновенных решится найти объяснение... Причину же этого бедствия невозможно ни выразить в словах, ни достигнуть умом... Ибо болезнь разразилась не в какой-то одной части земли, не среди каких-то отдельных людей, не в одно какое-то время года, на основании чего можно было бы найти подходящее объяснение её причины, но она охватила всю землю, задела жизнь всех людей... она не щадила ни пола, ни возраста».

Иоанн перечитал эти слова, написанные византийским историком Прокопием Кесарийским в VI веке нашей эры, и задумался. Вещи кажутся иными, рассудил он, если смотреть на них с полуторатысячелетней высоты. И всё же Иоанн сильно сомневался, что его современники, обладатели учёных степеней и въедливые исследователи, были мудрее, чем Прокопий Кесарийский. Их забудут, а Прокопия будут читать и спорить, пока живо человечество.

Насколько же дальновидным оказался хитрый византиец, предоставив будущим поколениям возможность общаться с ним напрямую, а не восстанавливать картину его размышлений по жалким крупицам! «Вместо разговора с профессором, – хохотнул Иоанн, – лучше поговорить с Прокопием. И пользы больше, и беседа приятнее».

Наслаждаясь величайшим изобретением человечества – словами, Иоанн переписывал начало своей работы, посвящённой императору Византии Юстиниану Великому, и мысленно сравнивал себя с Прокопием. Он написал этот текст полгода назад для вступительного экзамена в Политическую академию Аббертона и был зачислен, как того и хотел отец. Текст Иоанну нравился.

Основываясь на недавних публикациях, Иоанн доказывал, что крах усилий Юстиниана по возрождению Римской империи объясняется не, как традиционно считалось, чрезмерным перенапряжением Византии, то есть не глупостью императора Юстиниана, а объективным фактором: бубонной чумой, истребившей свыше трети населения Византии и миллионы людей по всему миру. Работа пришлась по вкусу профессору, которому предстояло курировать обучение Иоанна в Аббертоне, и, не дожидаясь личной встречи, тот отправил Иоанну письмо, предлагая переработать работу в статью для публикации.

Основные претензии касались методики работы со свидетельствами Прокопия и прочих античных авторов – профессор рекомендовал критически проанализировать их и поправить стилистику. Выкроив неделю в конце лета, Иоанн принялся за дело. Родители позавчера улетели отдыхать в Африку, Мелисса поцеловала брата и укатила со своим молодым человеком (существование которого держалось в нестрогом секрете) в Лондон, на Ноттинг-Хиллский карнавал, и Иоанн, оставшись один, погрузился в VI век от Рождества Христова.

Иоанн почти не выходил из дома – разве что навестить в конюшне старую Грейс. Ездить верхом он так и не научился – гулять водил её конюх. Этим солнечным утром Иоанн перекинулся парой слов со Стивеном по скайпу – друг звонил ему из Нью-Йорка, где готовился к учебному году в Гарварде, – и сел за письменный стол.

Стивена не особо интересовала история, только глобальные процессы, и на статью друга он откликнулся скупой рецензией: «Любопытно». Но для Иоанна император Юстиниан, историк Прокопий, полководец Велизарий и все, с кем он встречался на страницах книг и чьи имена отстукивал на клавиатуре, были живыми собеседниками. За звучанием их имён, сохранившимися изображениями, рассказами об их привычках, личной жизни и подвигах Иоанн видел людей. Людей, которые жили, ходили по земле, любили и умирали. Они дышали тем же воздухом, видели такие же закаты и рассветы, они мыслили, они существовали. За каждой

строчкой, посвящённой им, Иоанн видел долгую судьбу – семейную драму, тяжесть принятого решения, упорство, боль потерь и слёзы разочарования.

Всё, описанное в этих книгах, как часто повторял себе Иоанн, случилось взаправду. Сегодня об этих людях помнят лишь страницы книг, но эти книги они написали своими поступками, а не словами. Открывая волшебную дверь в прошлое и уходя в загадочный, жестокий, унесённый с ветром мир, Иоанн особенно остро ощущал ход времени. Он поражался человеческой истории, поражался тому, как века сменяют века, поколения сменяют поколения; и слова одних остаются навсегда, а других – растворяются без остатка. И ещё сильнее Иоанн ощущал себя самого – одинокого читателя в толпе перед скалами, возвышающимися из пропасти прошлого.

«Я тоже умру, – думал Иоанн, глядя, как белый лист на экране заполняют цепочки букв, образующих слова и предложения, – и если всё будет хорошо, то меня будут помнить, но как долго? Смогу ли я стать одним из тех, кто обростёт мифами и станет легендой, о ком будут писать и говорить, чьё имя волны истории пронесут сквозь тысячелетия, чтобы когда-нибудь обо мне писал статью студент тридцать первого века нашей эры?»

Иоанну этого хотелось. Когда-то давно он писал эссе о викторианском премьер-министре XIX века Бенджамине Дизраэли, и, хотя новая история не особо вдохновляла Иоанна – она представлялась подражательством пигмеев античным великанам, – он запомнил вопрос, который Дизраэли задавал себе в юные годы: «Кем же мне стать, новым Александром Македонским или новым Гомером?» Сегодня, спустя сто пятьдесят лет, тот же вопрос волновал Иоанна.

Пока он сидел за столом в родительском поместье в Фарнборо, переписывал свою работу, предвкушал обучение в Аббертоне и мечтал о будущем, на расстоянии полутора часов перелёта самолётом или одиннадцати часов на машине, в центре Мюнхена, недалеко от Мариенплац, на улице, которая упирается в колокольню церкви Святого Петра, за столиком в кафе сидела и курила молодая женщина. Она не дождалась человека, назначившего ей свидание, – двое смуглых бородатых мужчин схватили её и затолкали в белый ржавый минивэн. Она закричала, ей заткнули рот, она выронила сигарету на мостовую, и та тлела под грохот колоколов церкви.

Спустя три года эта женщина родит дочь и даст ей имя Элизабет.

9 февраля 2018 года. Аббертон

– Мне нравится, – свеженапечатанный, ещё пахнувший типографией журнал «Past & Present» в руках Иоанна был раскрыт на статью «Юстинианова чума: новый взгляд».

– Поздравляю, коллега, – улыбнулся профессор Бишоп.

Иоанн перечитал подзаголовок: «Автор: Иоанн Н. Касидроу, студент Академии Аббертона». Ему определённо нравилось, как смотрится его имя на плотной бумаге.

– Мне вышлют электронную копию? – спросил Иоанн.

– Попроси их, – ответил профессор Бишоп.

– Мне нужно ещё несколько экземпляров.

– Свой я тебе не отдам, – Бишоп откинулся в кресле и попытался свернуть толстый журнал в трубочку. – Сохраню на память.

– У вас таких много, – рассмеялся Иоанн.

– Купи, – сказал Бишоп. – Пока не распродали тираж, купи, сорви ценники и дари кому хочешь.

– Мне нужно хотя бы отправить отцу. В печатном виде.

– Вот тебе для отца. – Бишоп показал Иоанну на оставшийся на столе третий экземпляр журнала.

– Как-то мало для авторских экземпляров, всего три штуки.

– Они хотели отправить один.

– Это вы выбрали у них три?

– А как же. – Бишоп прекратил раскачиваться в кресле и положил журнал на стол.

– Спасибо.

– Работа действительно хорошая, – заключил Бишоп. – Ещё раз поздравляю.

– Спасибо.

– Теперь не торопись. – Иоанн кивнул, стараясь не выдать скуки в преддверии наставления. – Сейчас закладывается основа твоей репутации. Не испогань её с самого начала, – Бишоп задумчиво наклонил голову и посмотрел на свой раздавшийся живот, еле обхватываемый подтяжками. – Когда-то я написал статью... там Нельсон принял смерть на корабле под названием «Слава». Что-то замкнуло в голове, и «Победа» у меня превратилась в «Славу». Редактор не заметил, и так опубликовали...

– Иногда такое случается, – понимающе сказал Иоанн.

– Через двадцать лет эту статью отыскали, – усмехнулся Бишоп. – И дали мне по мозгам.

И правильно сделали.

– Вы писали о Нельсоне?

– Там о Нельсоне было буквально два слова. Хотел вернуть красивый оборот, и вот, пожалуйста, стыда натерпелся.

Иоанн улыбнулся.

– Будь внимателен, – посоветовал Бишоп, его взгляд упал на часы в углу кабинета. – И что-то мне подсказывает, что ты уже не внимателен.

– В каком смысле?

– У тебя лекция по теории государства через десять минут.

– Так я успею.

– Иоанн, если ты думаешь, что тебе вовсе не обязательно ходить на лекции... – Бишоп помолчал, – то, возможно, ты и прав.

– Правда?

– Нет.

– Хорошо.

– Иди, – сказал Бишоп. – И я до сих пор не получил тезисы твоей семестровой работы.
– Я ещё не уверен насчёт темы.

– Мне кажется, ты не совсем уверен насчёт того, с кем тебе проводить выходные, – усмехнулся Бишоп. – В любом случае, мистер Касидроу, завтра тезисы должны быть во «входящих» у меня в компьютере.

– Я постараюсь.

– Иоанн, ты студент, который на первом году обучения опубликовался в оксфордском научном журнале с мировым именем. Я не верю, что тебе сложно написать тезисы для работы по политологии, – Иоанн молчал. – Да, я понимаю, ты до сих увлечён своей Византией... В таком случае придумай, как совместить твой интерес с требованиями учебного плана.

– Мне интересна современная политика, – ответил Иоанн.

– Знаю-знаю. Скажем, вот что... – Бишоп почесал лысую макушку. – Как насчёт принципов византийской дипломатии в приложении к... американской внешней политике начала двухтысячных?

– Мне... – Иоанн задумался. – Высказывались мнения, что гибкая стратегия византийцев – то, что нужно Америке.

– Да-да, об этом я и говорю. Но без особой фактологии – общие принципы, как всё было устроено, кто что писал и насколько это актуально.

– Я пришлю вам тезисы сегодня вечером, – сказал Иоанн.

– Вот спасибо! – засмеялся Бишоп. – Ты будешь их писать вместо лекции?

– Во время. – Иоанн складывал полученные от Бишопы журналы в портфель. – Я напишу вам вечером.

– Вечером я буду смотреть игру «Лестера» с «Сити», а твои тезисы посмотрю завтра утром.

– До свидания, – попрощался Иоанн, закрывая за собой дверь кабинета и оставляя Бишопу наедине с непроверенными работами других студентов. В голове Иоанн сделал пометку ещё раз поблагодарить отца за куратора. Судя по жалобам сокурсников на своих либо насквозь пропахших нафталином, либо запанибратских, ходивших на занятия в кроссовках тьюторов, профессор Бишоп и правда был лучшим.

Иоанн направился к главному корпусу, где его курс, скорее всего, уже рассаживался в лекционной аудитории. Было холодно, моросил дождь, ботинки то и дело скользили по слякоти. Иоанн поднял воротник, затянул потуже шарф и застегнул пальто на все пуговицы. Вдоль дорожки высились облетевшие кроны деревьев.

Конечно, у Иоанна была полно свободного времени: ему ничего не стоило написать эти тезисы, а сверх того ещё и десять рефератов, пятьдесят книг и пятьсот статей. Политическая академия Аббертона обладала весьма отдалённым представлением о свойствах часовой стрелки бежать только в одну сторону, и Иоанн искренне не понимал, как в принципе возможно без жульничества выполнять все эти академические требования. Преподаватели настаивали на глубоком погружении в каждую изучаемую тему, а список предметов – на факультете истории! – регулярно пополнялся естественнонаучными, экономическими и общеполитическими дисциплинами. После лекции по теории государства Иоанн ждал семинар по актёрскому мастерству, где будущих политиков собирались учить навыкам публичных выступлений. Звучало это привлекательно, но на деле Иоанну предстояло слушать утомительный разбор систем Станиславского и Михаила Чехова, а никаких работ из обязательного списка к занятию он, естественно, прочесть не успел.

Предложение Бишопы сравнить в семестровой работе внешнюю политику США начала XXI века с византийскими стратегами представлялась делом интересным, но времени катастрофически не хватало, и уже по дороге на лекцию Иоанн начал мысленно набрасывать план.

Но в его мысли рефреном вмешивался Михаил VIII Палеолог, император, восстановивший в 1261 году Византийскую империю после полувекового владычества крестоносцев и в 1282 году встретившийся с новой угрозой – королём Сицилии, могущественным Карлом Анжуйским. Карл собрал против Византии огромную коалицию, собираясь атаковать ослабленную империю, когда на Сицилии вспыхнуло восстание, жестокая Сицилийская вечерня, поставившая крест на его планах.

Иоанн (вслед за Бишопом) считал доказанным факт причастности византийского императора Михаила к организации Сицилийской вечерни, полагая именно Михаила архитектором восстания, так удачно спасшего его державу. Во-первых, Иоанн думал, как лучше представить этот момент в семестровой работе. А во-вторых...

Во-вторых, у Иоанна была мысль написать книгу. Он не особенно увлекался литературой, но знал, что жанр «исторического детектива» по-прежнему популярен. Настоящим вдохновением служила другая фраза Дизраэли. «Я нечасто читаю романы, – говорил лукавый премьер-министр, – когда я хочу прочитать роман, я пишу его».

Иоанн хотел написать книгу – толстую, в меру понятную, но построенную на игре с читателем: современный журналист, расследуя убийство, натывается на политический заговор, и параллельно средневековый монах-бenedиктинец в своих странствиях узнаёт о подготовке Сицилийской вечерни, и пути их переплетаются, несмотря на разрыв в восемь веков...

Он никому не говорил о своей идее, но в ноутбуке набросал предварительный план романа. У Иоанна не было ни времени, ни желания немедленно всё бросить и взяться за книгу, он сомневался, нужно ли ему это писать... Но император Михаил VIII и его хитрые, скрывающие так много глаза не отпускали.

Когда Иоанн поднимался по лестнице в главный корпус, раздался звонок:

– Как дела? – усталым голосом спросил отец.

– Всё хорошо. Иду на лекцию по теории государства.

– Как Бишоп?

– Хорошо. – Иоанн вспомнил, что хотел поблагодарить за него отца.

– Ладно... – сказал отец. – Он звонил мне.

– Из-за чего?

– Через месяц будет заседание попечительского совета.

– Ты приедешь?

– Да. У меня будут к тебе вопросы по Академии, поговорим в воскресенье.

– За мной заедут?

– Да, днём в субботу.

– Спасибо. У меня для тебя есть подарок.

– Да, мне Бишоп рассказал. Поздравляю.

– Ладно... – Иоанн уже отошёл от корпуса. – А что там за драка в Европарламенте?

– Драка? – переспросил отец. – Из-за Евроармии?

– Это же твой проект?

– Нет, ну не только мой...

– Я слышал, они проголосовали против.

– Правильно, – подтвердил отец. – Но это не имеет значения. Прибалты с поляками устроили шумиху, что это будет не армия, а фикция, что они предпочитают НАТО...

– И скандинавы, да?

– Поляки хотят, чтобы их защищали от России, – сказал отец. – А Россия сама в наблюдательном совете этого проекта, вот и обиделись. На самом деле там всё нормально – французы, немцы и итальянцы подписались, а Вашингтон мы убедим на «большой восьмёрке», так что эти ребята... – Отец кашлянул. – Остальное не по телефону.

– Понятно, – сказал Иоанн. – Ладно, у меня тут лекция...

– Пока, – попрощался отец. – Матери позвони.

3 мая 2039 года. Поезд Дели—Пекин

Элизабет прижалась спиной к стенке туалета: ногой упёрлась в унитаз, протянула над раковиной левую ладонь и растопырила пальцы. В мягкой коже между указательным и большим пальцем темнел небольшой квадрат, вживлённый чип-идентификатор. Элизабет взяла нож покрепче и надавила режущей кромкой лезвия на кожу.

Поезд повернул, Элизабет трянуло, но она сохранила равновесие. Нож был недостаточно острый, но выбирать не приходилось. Эта штука в руке ей надоела, этот чип-идентификатор её просто достал: свидетельство покорности, клеймо позора, которое теперь вживляют поголовно всем воспитанникам детских домов. Элизабет вживили чип одной из первых, ещё до того, как процедура стала массовой и обязательной: христианский дом спасения «Надежда», белое трёхэтажное здание на берегу экологически чистого озера Бхалсва, опасался побега юной воспитанницы.

Попав в детский дом в двенадцатилетнем возрасте, спасённая из рабства Пурпурного Человека Элизабет вела себя, мягко говоря, непросто. Сперва она отказывалась разговаривать с воспитателями, объявляла голодовки и даже нападала на врачей. Психиатры несколько раз пытались диагностировать у неё нарушения в развитии, и только её цепкий взгляд, быстро оценивавший происходящее, помог распознать в Элизабет умную, способную, но до смерти напуганную девочку.

Первый год она не ходила на уроки и ни с кем не общалась. Её пришлось заново учить читать и писать, но сложнее всего было справиться с её страхами. По ночам Элизабет мучили кошмары, а днём накатывали приступы паники. Хуже всего было то, что, понимая тяжёлое состояние девочки, воспитатели дома спасения принуждали её к послушанию: бесконечно указывали, как нужно себя вести, а если она не слушалась – били, и боль неизменно была пурпурного цвета.

Со временем Элизабет успокоилась; когда ей бывало тяжело, когда Пурпурный Человек снова появлялся, она вспоминала Капилу, и он был для неё спасительным якорем. Она думала, что бы он сделал на её месте. Притвориться покорной? Стерпеть боль? Слушаться взрослых? Получать хорошие отметки в школе, не драться с воспитанниками дома спасения, которые – несмотря на её предупреждения – продолжают глазеть?..

Элизабет всё реже вспоминала, что тело Капилы так и не обнаружили, а суд над Пурпурным Человеком зашёл в тупик, и обвинению не удалось доказать покушения на убийство. Элизабет осмелела настолько, что при участии лечащего врача из дома спасения сумела дать показания – их записали на камеру и демонстрировали в суде. Элизабет даже забыла о том, что медицинское обследование, которое она прошла, попав в детский дом, диагностировало беременность, и ей сделали аборт.

Милый улыбающийся врач пытался заигрывать с ней. Он обезболит ей тело ниже груди и засунул внутрь шланг с длинной тонкой иглой с отверстием на остром конце. Он ковырялся в ней, высасывая из неё частички эмбриона, аппарат шумел, как вентилятор, и Элизабет чувствовала в животе зуд, потом лёгкое жжение, а затем её чуть не вывернуло наизнанку.

– Вот и всё, – буднично сказал врач, выключая аппарат и вытаскивая из неё иглу. Игла была в крови и слизи, когда он выкидывал её в пакет для отходов; а пока врач мучил её, Элизабет воображала, как таким же приспособлением она убивает Пурпурного Человека – выскрёбывает его внутренние органы через нос или дырку в заднице. Ещё она вспоминала свою мать: ведь она родила Элизабет против собственного желания, находясь в заложниках у мужа, пакистанского террориста. Как и Пурпурный Человек, тот приходил и насиловал её мать в мерзком подвале, и это был не насильник с улиц Дели, а её отец, её, Элизабет, родной отец... Пыталась ли мама убить его, как сама Элизабет пыталась убить Пурпурного Человека? Хотела ли она

совершить самоубийство? А когда ребёнок родился, не пыталась ли она умертвить его, как поступила бы сама Элизабет: если бы ей пришлось родить дитя в том подвале, она бы точно его придушила или разбила бы ему голову, только бы не иметь ребёнка от НЕГО...

Думала ли об этом её мать? Не заносила ли она руки над горлышком новорождённой? И не было ли у Элизабет братьев и сестёр, о которых она никогда не слышала?..

В ночь её рождения какие-то люди из далёкой неизвестной страны, наверное из Европы, пришли и убили её отца, позволив матери бежать на юг...

Но и в Индии, куда мама так стремилась попасть, она не нашла покоя: полиция разогнала их мигрантский посёлок, и Элизабет понятия не имела, что случилось с её матерью. Люди из дома спасения пытались её разыскать, но у них ничего не вышло: может, её депортировали обратно, а может, она попала в сексуальное рабство к другому Пурпурному Человеку.

Зарегистрировав подросткую Элизабет как новую рабочую единицу, Республика Индия не собиралась её отпускать. Привыкнув к людям и начав посещать занятия, Элизабет быстро вырвалась в ряды лучших учеников класса (хотя друзей не завела, дети продолжали считать её психом), и теперь дом спасения «Надежда» собирался отправить её в колледж, дающий дешёвое двухлетнее образование по ипотечному кредиту. Ей предстояло остаться жить и работать в загнивающем от ядовитого смога мегаполисе. Нищая жизнь в одной из лачуг в трущобах, ничем не лучше той, в которой они кантовались с мамой, но жизнь легальная. Борясь с подростковой преступностью, беспризорностью и безграмотностью, Нью-Дели выращивало покорное поколение, живущее на грани бедности, покупающее по дешёвке гаджеты с доступом в Сеть и потому всем довольное, полностью контролируемое через социальные сети.

Но у Элизабет были другие планы. Прочь из Дели! Этот город отнял у неё мать и три года жизни, он научил её никому не верить и никому не подчиняться. Он показал ей самое дно, куда только может опуститься человек, и она подозревала, что пурпурный цвет теперь вечно будет отзывать в ней болью. Она ненавидела этот город, ведь Пурпурный Человек был жителем правопорядка, полицейским инспектором, и власть имущие годами закрывали глаза на его подпольный детский бордель потому, что он водил туда неких «влиятельных людей». Это было настолько мерзко, что единственный выход для себя Элизабет видела в побеге.

Несколько месяцев назад она прочитала в Сети о программе для мигрантов, принятой новым правительством Объединённой Кореи. Элизабет видела ролик с призывом приехать в Северную Корею и найти там работу. Нам Туен, министр Республики Корея по развитию территорий севера, обещал доступное жильё в бессрочный льготный кредит, немедленное трудоустройство и государственную программу медицинского страхования, налоговые каникулы и субсидирование любого бизнеса – от частных школ до IT-компаний. Элизабет понимала, что всё это правдой быть не может, но с момента Объединения прошло уже четыре года, на север Кореи хлынули инвестиции, в регионе начинался бурный рост, Пхеньяну с избытком хватало денег, а вот мозги были в дефиците.

Элизабет решила. Судебного преследования или крупных долгов на ней не висело, так что Индия вряд ли будет требовать её выдачи, а Северная Корея готова принять любого приезжего даже без документов. Обдумывая варианты, Элизабет остановилась на поезде, который шёл в Пекин через Тибетские горы. Денег у неё не было, от документов следовало сразу же избавиться, чтобы после пересечения границы стать проблемой миграционных служб Китая и надеяться на их помощь в продвижении до конечной цели путешествия – Пхеньяна.

Зачем я им? Кому я тут нужна? – спрашивала себя Элизабет, поворачивая нож и продолжая давить на мягкую кожу. Прощмыгнув на поезд без билета с небольшой сумкой и ничтожным количеством денег, порвав со всем, что связывало её с Дели, она не хотела видеть у себя в руке чип-идентификатор, корила себя, что избавляется от чипа так поздно, ведь полиция может засечь её; связаться с охраной поезда для них – дело пяти секунд. От злости Элизабет резанула ладонь, поддевая чип снизу.

Из раны засочилась кровь, ручейками стекая в раковину. Элизабет, сжав зубы от боли, выковыривала из себя чип. Чип не поддавался. Тогда Элизабет взрезала с другой стороны, подкапываясь под него. Она напряглась, засунула нож поглубже в ранку и ковырнула. Чип наконец поддался – вместе с кусочком плоти всплыл наверх; Элизабет ухватила его и потянула, на выдохе оторвала от себя и выкинула в раковину. Включила воду, смыла из раковины кровь, промыла рану и заклеила её заготовленным пластырем.

Оставалось последнее. Элизабет достала свою id-карточку и, держа трясущейся левой рукой, несколько раз точно ударила по ней ножом. Разломала на несколько частей, кинула в унитаз и слила воду. Всё. Отныне ничто не связывало её с Индией, для компьютеров она перестала существовать. Вычислить могут только по биометрике. Стоя в кабинке туалета поезда, умывая руки и накидывая на плечи тяжёлый душный плащ, Элизабет почувствовала дыхание новой жизни.

Она вышла из туалета, обошла выстроившуюся к нему очередь, накинула на лицо платок и опустила глаза. Теперь у неё не было ни билета, ни документов. Контролёров она не боялась – больше пугали китайские пограничники. Элизабет придумывала себе легенду, протискиваясь сквозь полные мигрантов душевные вагоны. Люди сидели не только на скамьях и на верхних полках, некоторые валялись прямо на полу. Третий класс, и спрятаться тут проще всего.

Элизабет пробралась к окну и села на пол, возле чьих-то ног. Она надеялась, утомлённые и изнывающие от жары люди её не заметили. Прислонилась головой к стенке поезда, и ритмичный стук колёс зазвучал молоточком в её голове. Мимо прошло несколько контролёров, но лишь один покосился на неё, и то промолчал, когда она глуповато ему улыбнулась.

Поезд остановился через несколько часов. Элизабет разбудил начавшийся в вагоне шум. Она открыла глаза. Тело затекло, платок упал на грудь, и Элизабет нервно натянула его обратно, хотя никто и взгляда не бросил в её сторону. Все рылись у себя в сумках, готовили документы. Полицейские прочёсывали вагон насквозь. Элизабет заметила, что в вагон зашли три китайских пограничника. Хотя радоваться было вроде бы нечему, её это приободрило – по крайней мере поезд добрался до границы. Очень хотелось есть и пить.

Элизабет встала и быстро пошла в другой вагон. Она не оборачивалась на пограничников; знала, что они быстро сканируют чипы или id-карточки, выборочно досматривают сумки и торопятся. Но они дотошны, и они честны. Элизабет стоило бы спрятаться где-нибудь и переждать, однако в туалет были очереди, а пробраться в отделение для багажа у неё вряд ли получится.

Элизабет прошмыгнула в тамбур и наткнулась на полицейского.

– Простите, – сказала она, обходя его. Она пошла дальше, надеясь, что тот не запомнил её. В поезде были камеры, но вряд ли на неё обратят внимание, если только не будет команды поймать нарушителя. Зайдя в другой вагон, Элизабет обернулась и увидела, что полицейский подошёл к пограничникам и что-то им говорит. Девушку это испугало. Скрыться ей было негде.

Она почти бегом, натыкаясь на людей и придерживая сумку у себя за спиной, перешла в следующий вагон. Здесь были купе, и Элизабет шла вдоль них, надеясь найти незаполненное. Она почти прошла вагон насквозь, как вдруг с другой стороны появились китайцы в форме. Элизабет остолбенела, огляделась и юркнула в первое попавшееся купе.

– Здравствуйте, – сказала она. На неё вяло уставилось четыре пары глаз. Двое молодых мужчин, похоже студенты, молодая девушка и женщина среднего возраста. «Семья? – соображала Элизабет. – Нет, вряд ли: женщина слишком молода, чтоб быть их матерью, и они не похожи друг на друга. Девушка читает что-то на планшете – тоже студентка, едет на каникулы; женщина случайно с ними здесь, они не знакомы, она дремлет и придерживает сумочку рукой, боится за неё...»

– Привет, – сказал один из парней. Он был немного старше Элизабет и носил очки.

– Как дела? – спросила Элизабет, входя в купе и садясь рядом с ним. Она прикрыла за собой дверь. Пограничник не заметил спешки, иначе уже был бы здесь. Он увидел, что кто-то зашёл в купе, не более того, успокаивала себя Элизабет. Ей срочно нужно было что-то придумать.

– Нормально, – сказал тот.

– Вы что-то хотите? – спросил другой студент, сидевший напротив.

– Эм? – подала голос девушка, свешиваясь с верхней полки. Она крайне непривлекательна, подумала Элизабет, сняла с лица платок и улыбнулась ребятам.

– Не совсем, – Элизабет скинула сумку и плащ, обнажая плечи.

В дверь постучали. Парень встал и открыл дверь.

– Китайский или английский? – спросил пограничник, заходя в купе.

– Английский, – сказал парень.

– Добрый день, – сказал китаец. – Документы, пожалуйста.

Элизабет посмотрела в окно – без штор, открыто нараспашку. Стемнело и похолодало. Элизабет видела тёмные силуэты деревьев на холмах, бледные снежные шапки Тибетских гор и беззвёздное небо, в котором плыли, мигая, спутники и самолёты.

– Спасибо. – Пограничник просканировал документы у всех, кроме Элизабет. – Вы, мисс, пожалуйста.

– Да? – отозвалась та, словно не понимая, чего от неё хотят. – А-а, простите, у меня нет с собой документов.

– Нет id-карты? – ровным тоном спросил китаец. – У вас нет визы?

– Нет, – сказала Элизабет. – Простите, виза есть. Я просто забыла id-карту, простите, в этот раз забыла.

– В этот раз? – переспросил китаец. Все смотрели на девушку. Элизабет понимала, что всё висит на волоске.

– Да, – согласилась Элизабет. – Я езжу этим поездом регулярно. Кажется, даже видела вас однажды.

– Я вас не помню. Вы...

– О да, я не выхожу в Пекине, – улыбнулась ему девушка. – И еду обратно. И так каждый раз.

– У вас нет документов?

– С собой сейчас нет, – повторила Элизабет и, склонив голову на плечо, скучаяще произнесла:

– Я проститутка.

– Без документов? – ещё раз уточнил китаец.

Элизабет отрицательно покачала головой, придавая улыбке виноватый вид.

– Но виза у меня есть, последний год меня пропускают. Извините, просто забыла в этот раз.

Китаец обернулся к своему коллеге, стоящему позади, и что-то сказал. Тот ответил. Элизабет не понимала, о чём они думают, потому что лица оставались непроницаемыми. Зато лица тех, к кому она вломилась, выглядели слегка испугано. В противоположность им Элизабет придала себе до крайности уверенный вид.

– Меня пропускали, – сказала она. – Можете уточнить в документах.

– Ваше имя?

– Элизабет Арлетт. – Фамилию она придумала заранее.

– Ваш билет, пожалуйста.

– Мне не нужен билет, – пожала она плечами. – Вы же понимаете, у меня нет места, поездку я провожу в разных местах. Если не верите, посмотрите в мою сумку. Неужели вы думаете, что молодая девушка может поехать в Пекин совсем без вещей?

Китаец молча раскрыл её сумку и осмотрел её. Действительно, подумала Элизабет, вещей там немного. Второй пограничник тем временем забил её имя в компьютер и ждал результатов. Первый вопросительно посмотрел на него. Второй что-то ответил.

Элизабет молилась, чтобы устройство сломалось, или пропала связь, или их бы срочно вызвали усмирять дебошира, только бы они не узнали, что человек с именем Элизабет Арлетт никогда не пересекал границу Китая.

В проёме купе появился третий китаец. Окинув всех взглядом, он спросил:

– В чём проблема?

– Девушка без документов.

– Но я и не путешествую, – сказала Элизабет. – Вернее, не выхожу из поезда.

– Она проститутка, – пояснил один из пограничников, продолжая смотреть в компьютер. У него что-то не получалось, и Элизабет почувствовала облегчение.

– Вы проститутка? – переспросил третий, указывая на Элизабет.

– Да, – Элизабет повернулась к молодому человеку, рядом с которым сидела. Парень вжался в угол, очки сползли на нос. – И я как раз занималась делом. Раз уж нас прервали, сэкономим время. Говорите сразу, да или нет.

– Что? Вы мне? – переспросил парень.

– Вам. Вы заинтересованы?

Китайцы наблюдали.

– Нет, – сказал он. – Простите.

«Хорошо, – подумала Элизабет. – Хорошо, один мне поверил, хорошо...»

– Даже стоимостью не поинтересуетесь? А вы? – Элизабет переключилась на парня напротив. – Или, может, вы?.. – Она подняла взгляд на верхнюю полку, откуда за происходящим наблюдала некрасивая девушка.

– Сколько за один раз? – спросил китаец.

– Тысяча юаней, – Элизабет улыбалась. – Одна тысяча без резинки.

Китайцы переглянулись. Тот, который был с компьютером, показал другому на экран. Он кивнул. Элизабет запаниковала. Этих китайцев невозможно смутить, думала она, и воздействовать оставалось только словами. Словами и внешним видом, который говорил сам за себя.

– Вас нет в нашей базе данных, – сказал китаец с компьютером.

Элизабет укоризненно посмотрела на него, ловя взгляд.

– Я разберусь, – пообещала она. – В следующий раз.

– Вам придётся сойти с поезда.

– Простите...

– Извините, вам придётся сойти. – Пограничник мягко взял Элизабет за плечо. Она инстинктивно дёрнулась – перед глазами мелькнул пурпурный халат, в ушах зазвучал вкрадчивый голос, девушку пробрала дрожь, на спине выступил холодный пот, но она быстро взяла себя в руки и показала, что не будет сопротивляться, встала, взяла сумку и плащ.

– Пойдёмте. – Пограничник повернулся к оставшимся в купе. – Счастливого пути.

Элизабет вывели.

– Проводи её, – сказал один пограничник другому. Тот кивнул и указал Элизабет в сторону тамбура. Она кивнула и пошла, прокручивая в голове оставшиеся варианты. Её могли посадить здесь, где-то в Непале. Она не представляла, что будет делать дальше. Пытаться забраться на следующий поезд? вернуться в Дели?..

Они вышли в тамбур. В соседнем вагоне царил суматоха – видимо, у кого-то тоже были проблемы с документами, – Элизабет слышала бурный спор на китайском. Люди столпились у скамеек и переругивались.

Элизабет остановилась и бегло осмотрела своего провожатого: он был молодым, с чёрными волосами и худыми запястьями – возможно, стажёр. Он тоже остановился.

– Пожалуйста, – попросила Элизабет. – Не надо.

– Вам придётся сойти, – ответил он, отворачиваясь от неё. Тогда она нырнула вперёд, слегка надавив на него плечом. Китаец от неожиданности испугался и припал к стенке тамбура. Элизабет была одного с ним роста, даже чуть выше, и их лица встретились, она почувствовала его дыхание, а он – её.

– Я не могу! – зашептала она ему. – Мне нужно кормить детей, понимаете, в Дели мне много не заработать, этот поезд – мой единственный заработок, пожалуйста, прошу вас...

– Простите, вам придётся сойти, – повторил он, пряча лицо.

– Нет, пожалуйста, я вас прошу... У меня маленькие сын и дочь... – а ведь так и могло быть, подумала она, если бы не аборт, она ведь могла родить от Пурпурного Человека какого-нибудь Пурпурного Ребёнка, и даже не раз, и не два, если бы её не спасли, если бы она пробыла у него в рабстве ещё пару лет... Элизабет представила себе, как рождает, распластавшись на грязном влажном полу подвала, как детская свора глазеет на неё, как она тужится и ждёт, пока этот проклятый плод пурпурного цвета наконец выйдет из неё и разорвёт ей влагалище...

У неё заблестели глаза, выступили слёзы.

– Я прошу вас! – прошептала Элизабет чуть ли не на ухо китайцу. – Я не могу заплатить, у меня нет денег, но я могу, я могу, только не выгоняйте меня, мне ведь некуда идти!..

– Нет, – сказал китаец, – нет...

Элизабет провела одной рукой по его лицу, а другую опустила вниз, нащупав в брюках набухающий пенис. Он возбуждился, отметила она, хорошо, полдела сделано. Элизабет аккуратно и быстро расстегнула ширинку и просунула внутрь ладонь. Китаец в первый раз посмотрел прямо на неё, в глаза, с мальчишечьим испугом.

«Он боится не секса, – удовлетворённо подумала Элизабет. – Он боится меня». Она заметила, что он что-то делает руками, пытается её отодвинуть, но очень вяло и неуверенно. Элизабет высунула язык и дотронулась до его сухих губ, взяла его пенис пальцами, лаская и неторопливо двигая вверх-вниз. Китаец ещё раз дёрнулся, виновато озираясь, но, несмотря на стеклянную дверь и огромное количество людей, на них никто так и не посмотрел. И, что важнее всего, пограничники ушли.

– Я просто работаю, – сказала тихо Элизабет. – Это просто моя работа...

Китаец вдруг содрогнулся, его глаза закатились. Элизабет почувствовала, что его член пульсирует у неё в руке, и погладила его. Сперма намочила пальцы, но она не спешила убирать руку.

– Пожалуйста, – прошептала она китайцу. – Прошу вас, просто дайте мне остаться здесь...

Китаец застонал. Элизабет пригнулась и коснулась его лица своим носом.

– Прошу вас... – повторила она.

– Идите... – сказал китаец. – Нет, я не...

– Спасибо вам... – ответила Элизабет.

– Э-э... Вы... Пожалуйста...

Элизабет медленно убрала руку и липкими от спермы пальцами застегнула ему ширинку. Ещё раз прикоснувшись к его щеке, она поблагодарила его, взяла сумку и забежала внутрь вагона. Пограничники здесь уже проходили, и Элизабет вернулась на своё место у открытого окна. Через него залетал холодный ветер, тут же превращавшийся в пар.

Элизабет села под окном, держа сумку в руках, как младенца. Её трясло, она с трудом заставила себя посмотреть в тамбур, но, кажется, китаец ушёл. Повезло. В этот раз повезло, подумала она, пытаясь восстановить дыхание. Она вытерла пальцы о плащ.

Через несколько минут поезд тронулся. Когда через час дорога пошла вверх, в вагоне стало совсем холодно, и Элизабет пришлось встать и закрыть окно.

5 мая 2039 года. Пекин—Тяньцзинь—Нампхо

После холодного заснеженного Тибета, инея на стёклах окон и слабенького отопления в вагоне Элизабет обрадовалась городской духоте и жаре. Пекин напоминал Дели, только был чище и малолюднее. Прохожие на улицах двигались по сигналам светофоров, на тротуарах не было нищих и попрошайек. Машины адски гудели и с трудом пропускали пешеходов, но не из любви к скандалам, а из-за спешки.

Когда Элизабет вышла с Западного вокзала Пекина, от обилия цветов у неё закружилась голова. Небоскрёбы и высотки Дели блестели на солнце, покрытые солнечными батареями и стёклами, но были разной формы и стояли в беспорядке. Столица Китайской Народной Республики отличалась светлыми и просторными зданиями, имитирующими древние китайские дворцы; ровные ряды «стекляшек» вдалеке и широкие проспекты с неоновой рекламой по обочинам. Воздух был здесь значительно чище, чем в Дели, а голубое небо не скрывала пелена коричневого смога.

Элизабет застыла на площади перед аркой вокзала, увенчанной двумя небольшими башенками по краям и одной большой красной башней с традиционной китайской крышей по центру. Китайцы, индусы и белые вокруг неё шли, разговаривая по своим коммуникаторам или общаясь с компьютерами. Они совершенно не обращали на неё внимания. В Дели кто-нибудь – полицейский, преступник или просто добрая душа – обязательно подошёл бы к ней, неуверенной и растерянной; здесь же даже блюститель общественного порядка в бронежилете и с дубинкой-электрошокером лишь на секунду задержал на ней взгляд. Элизабет это понравилось.

Ей хотелось спать и есть: в поезде она ехала в постоянной тревоге и вышла утомлённая и разбитая. В вагоны специально подавался кислород для смягчения горной болезни, но из-за высокой скорости поезда её мучили перепады давления. Возможно, стоит обратиться в больницу, подумала она, но тут же отвергла эту мысль. Путешествие не окончено. Оно только начинается.

Сначала нужно подкрепиться: в поезде она старалась не тратить деньги, хватало не доеденных посетителями вагона-ресторана остатков салата.

Элизабет достала карманный компьютер и сверилась с ним. Ей нужно было попасть на Южный вокзал, и допотопное, занимающее всю ладонь устройство рассчитало ей маршрут. По дороге Элизабет заходила в каждое кафе и спрашивала, не покормят ли её чем-нибудь бесплатно. Ей даже не приходилось делать жалостливое лицо, вид говорил сам за себя. Ей не приходилось переступать через себя – после того, что она пережила, страдать от голода из-за «гордости» казалось глупостью.

Ей вежливо отказали пять раз, на шестой дали отрубей, а на седьмой она получила маленькую плошку супа и тарелку с рисом. Элизабет не знала, чем отблагодарить добрых людей, пожилую пару, владельцев маленькой забегаловки. Они плохо понимали по-английски, но добродушно кивали, и Элизабет трижды повторила им «большое спасибо» на своём плохом китайском.

Южный вокзал, в отличие от Западного, не производил особого впечатления. Он был похож на крытый спортивный стадион, серый и насквозь стеклянный, с высоким куполом и зеленью вокруг. На аллее, ведущей ко входу, журчали фонтаны, и Элизабет подумала, что лишь шум поездов и машин заглушает пение птиц, таким идиллическим казался этот закуток. Она остановилась у фонтана, наглоталась чистой воды, умыла лицо и обрызгала себя. Присела на край фонтана, промывая натёртую на ноге рану.

Проскочить на поезд до Тяньцзиня не получится – это Китай, а не Индия, придётся купить билет. Документов нет, и деньги у неё только наличные, но, странное дело, девочка, жизнь которой прошла без намёка на удачу, надеялась исключительно на неё.

Она отстояла быструю очередь к кассам, назвалась Элизабет Арлетт и попросила один билет на ближайший поезд до Тяньцзиня.

– Вы гражданка Китая? – мимоходом поинтересовалась кассирша.

– Нет, – ответила Элизабет по-английски.

– Иностранка?

– Я еду в Корею.

– Всего вам доброго! – улыбнулась кассирша, отдавая Элизабет билет. Денег оставалось совсем немного. А ведь ещё предстоял путь морем до Пхеньяна... Элизабет пошла искать свою платформу. В этом зазеркалье, где свет проникал сквозь стеклянную крышу и отражался на стенах и на полу, очень просто было заблудиться. Работали кондиционеры, поддерживая прохладу, но Элизабет испугалась, что её продует, и закуталась в плащ.

Она вошла в поезд за пятнадцать минут до отправления. Кресло было удобным и просторным. Положила рядом с собой сумку и задумалась, глядя в обзорное окно. Вагон быстро наполнялся людьми, но, когда поезд тронулся, осталось много свободных мест. Контролёрша, проверявшая билеты, улыбнулась Элизабет так же, как остальным пассажирам, её не смущал ни неопрятный вид, ни настороженный взгляд девушки. Страх Элизабет перед вопросом «покажите, пожалуйста, документы» испарился.

Через двадцать минут беззвучного скольжения по навесной железной дороге, миновав многочисленные склады, заводы, ангары, дымящие трубы и обширные поля, по которым передвигались увесистые, похожие на гигантских жуков тракторы и комбайны, поезд прибыл на Западный вокзал города Тяньцзинь.

Здесь Элизабет вышла и пересела на трамвай. Билет был гораздо дешевле, но Элизабет понимала, что теперь ей вряд ли хватит даже на то, чтобы вернуться в Пекин.

Путь до порта занял полтора часа. Элизабет опять захотелось есть, но она не обращала внимания на голод: здесь еду пришлось бы покупать. Пока она ехала, стемнело и похолодало. Люди заходили и выходили на каждой станции, но Элизабет облюбовала себе уголок, где никто её не тревожил, поджала колени под подбородок и ждала. Трудно представить, но Дели она покинула всего два дня назад.

Она преодолела половину Азии без денег и без документов – что же, весьма неплохо для начала. В какой-то момент она заснула, но компьютер напомнил, что пора выходить. Спихватившись, она проверила сумку – всё на месте, хотя и красть-то там было нечего.

Элизабет вышла на улицу и сразу увидела над собой летящую чайку. Город гудел, свежий сильный ветер доносил запах моря; Элизабет почувствовала на языке привкус соли. Она никогда не видела моря. И вот, через три дня после девятнадцатого дня рождения, ей предстояло впервые увидеть его. Она иначе представляла этот момент, фантазируя за просмотром романтических мелодрам Болливуда в доме спасения.

Иначе она представляла себе и само море. Грязь, контейнеры, громадные корабли и нагромождение погрузочных кранов, океан огней; непроглядная темень ночи над морем, сквозь которую посылают световые сигналы входящие в порт и уходящие корабли. Элизабет увидела плотный ручеек мигрантов и влилась в него. Многих соблазнили призывы Нам Туена – в толпе она слышала китайский, английский, хинди, французский, русский и вьетнамский языки.

Остальные выглядели немногим лучше неё – ободранные, неухоженные, но в большинстве своём молодые. Стариков не было. Они все оживлённо болтали друг с другом, пока шли к большому кораблю под названием «Чжан Цзе». В сумраке сгущавшейся ночи и портового

гама, окружённый толпами людей, «Чжан Цзе» напоминал Ноев ковчег накануне Потопа: символ спасения, преображения и новой жизни.

Вдоль пути мигрантов изредка попадались полицейские, следившие за порядком в очереди на погрузку. Элизабет заранее изучила расписание кораблей в Северную Корею и знала, что они отправляются четыре раза в день; она точно подгадала время. Но людей было слишком много, и Элизабет боялась, что «Чжан Цзе» не сможет всех вместить. Только подойдя поближе, она поняла, насколько огромным было судно: люди, входящие в него, казались букашками, а корабль сиял, величественный и красивый, в свете жёлтых прожекторов, красных и зелёных огней.

Вдоль очереди растянули заграждение, и закреплённые на нём динамики призывали на английском и китайском языках приготовить к досмотру сумки, напоминали о запрещённых к перевозке вещах и желали счастливого пути. Что касается документов, уточняли они, проверка будет произведена по прибытии. Итак, заключила Элизабет, Рубикон перейдён. Вопросы к ней возникнут лишь по ту сторону Корейского залива, уже в Корее. Её никто не разыскивает, она никому не нужна, а значит, проблем не возникнет. Она начнёт новую жизнь. Уже начинает – потому что Элизабет ощущала под ногами палубу «Чжан Цзе» и лёгкую качку.

Она устроилась на лежанке где-то в трюме и задремала, несмотря на гул. Проснулась от громкого храпа. Трюм был забит людьми, но место нашлось всем, и никаких неудобств Элизабет не испытывала. Иллюминаторов не было, и она, потянувшись, решила выйти на воздух.

Поднялась по петляющим лестницам и оказалась на палубе. Светало, из-за горизонта показывалось солнце, окрашивая небо в оранжевый. Корабль шёл быстро, дул сильный ветер, и Элизабет плотно завернулась в свой плащ. Некоторые мигранты лежали прямо на палубе, и девушка шла, переступая через них. Они уже миновали половину пути, так как на северо-западе Элизабет явственно различала очертания Даляня.

Прямо по курсу – пункт прибытия: Нампхо, Северная Корея. Элизабет стояла и держалась за поручень, ветер рвал с неё плащ, поднимал волосы и резал глаза, выдавливая из них слёзы... Но Элизабет было хорошо. Казалось, стоит широко раскинуть руки – и они превратятся в крылья, и ветер унесёт её прочь, и она будет парить вместе с чайками. Она не боялась стать пушинкой на ветру, ей было не страшно потеряться в этом потоке, ведь он делал её свободной, молодой и счастливой, хоть в сумке за плечом лежали всего лишь старый карманный компьютер, пара вещей и немного смятых денежных купюр.

– Прекрасный вид, – услышала она.

Рядом с ней стояла её ровесница, черноволосая вьетнамка. Видавшее лучшие дни пальто топорило у неё на животе: ещё неделя-другая, и пуговица оторвётся.

– Да, – улыбнулась Элизабет.

– Смотрите, – вьетнамка показала Элизабет на группу островов, недавно оставленных позади, которая теперь стремительно удалялась в направлении Даляня.

– Это архипелаг Блонд, – сказала вьетнамка. – Знаете Нам Туена?

– Конечно!

– На этих островах была тюрьма, – сказала девушка, – и там Нам Туен провёл десять лет...

Элизабет покачала головой. После Дели и Пекина, Тибета и Китая эти острова казались маленькой песчинкой, затерянной в море. Тюрьма... Да, разумеется, Элизабет знала, что Нам Туен десять лет провёл в заключении. Все знали – это была часть его биографии, неотъемлемая часть современного эпоса о том, как Нам Туен объединил Корею. Они обсуждали это на уроках, о жизни Нам Туена им читали лекции. Элизабет видела его фотографии: улыбочивое лицо, подтянутое и облагороженное пластической хирургией...

Дело в этом? В том, что в 2009 году его, молодого политика, обвинили в терроризме и бросили в тюрьму? Через что он прошёл, пока власть в Китае не поменялась, не пришёл Фань

Куань и в Азии не наступила весна?.. Его пытали, ему угрожали, его заставили оклеветать своих друзей, с кем он рука об руку хотел изменить мир к лучшему... Его лишили надежды, веры, всего... Элизабет знала, каково это. Гораздо лучше других она понимала, что могли сделать с Нам Туеном за эти десять лет...

О нём забыли, как и о ней, и никто даже не знал, жив ли он. Он не появлялся в списке номинантов на Нобелевскую премию мира – он ничего не успел сделать, и международные правозащитные организации очень скоро забыли о нём, перевезя в Америку его семью. Они решили, что этим исполнили свой долг перед ним.

«Может, и так, – думала Элизабет, – а может, и нет. Он не был тогда выдающейся личностью, он был просто одним из многих; мало ли кого китайские коммунисты сажали в тюрьмы по выдуманным обвинениям?.. Пережил ли он на этом крохотном кусочке суши то же, что и я в том подвале? О чём он думал? Как он спасался там? Говорил ли он с кем-нибудь, приходилось ли ему бояться своих тюремщиков так же, как я боялась Пурпурного Человека?.. Но он попал туда уже взрослым, а я была совсем ребёнком и ещё много не понимала, а он-то всё знал... Мог ли он вообразить, что когда-нибудь вернётся и осуществит мечту всей жизни, объединит родную страну?.. Мог ли он знать, что от него будут зависеть жизни всех этих несчастных, набившихся в трюм “Чжан Цзе”? Мы плывём туда, потому что он обещал нам спасение, лучшую жизнь, подарил нам надежду... Наверное, он кое-что знает о надежде... Что-то знает, если сумел пережить десять лет на этих островах... Он мог бы преподать мне урок. Наверное, если мы с ним встретимся, он скажет, чтобы я не жалела о годах, проведённых в рабстве у Пурпурного Человека, потому что они научили меня ценить жизнь, понимать такие вещи, которые остальным всегда будут недоступны...»

Когда «Чжан Цзе» утром прибыл в Нампхо, первым, что увидела в городе Элизабет, была десятиметровая голограмма Нам Туена в зелёном двубортном костюме с чёрным галстуком, словно приветствующая прибывших. Элизабет вспомнила об островах Блонд, о Пурпурном Человеке и о том, что прототип этой голограммы страдал не меньше, а может, и больше, чем она сама. Человек, который за свои убеждения, а не по случайности, однажды шагнул в пропасть.

30 декабря 2009 года. Острова Блонд

Он всё им рассказал. Он клялся себе, что не раскроет рта, но спустя четырнадцать минут допроса изложил всё настолько подробно, насколько позволила память. Четырнадцать минут и сорок секунд потребовалось, чтобы сломать его; время известно точно, потому что капитан, стоявший у стены и наблюдавший, как Нам Туена избивают и поливают ледяной водой, засёк время на часах. Четырнадцать минут и сорок секунд – вовсе не так плохо; не рекорд, но выше среднего, думал капитан. Обычно они укладывались в десять минут, а здесь потребовалось почти пятнадцать.

Пока его держали в изоляторе, везли на катере на остров, вели на допрос, он успел тщательно всё продумать. Нам Туен знал, как утаить информацию: он выстроил многоступенчатую пирамиду и планировал выдавать по крохе правды с огромной примесью лжи каждый раз, и так спускаться всё ниже, и таким образом спрятать главное... но как только он оказался на стуле перед двумя среднего роста щуплыми людьми, страх победил.

Он сразу испугался. Его сразу начали бить.

Нам Туен не понимал, чего именно от него хотят. Он начал рассказывать, а его продолжали бить и душить. Они натянули на его голову чулок и стали заливать водой. Он думал, что умрёт; он не умер. Отхаркивая и отплёвывая воду, которая заполнила желудок и поднялась до горла, чуть ли не выливалась через ноздри и уши, он заговорил. Что угодно, любой бред, только бы не началось сначала, только бы не снова...

Он забыл все свои схемы; ему нужно было выжить здесь и сейчас, и он сразу раскрыл все двери, бросил им ключи. И молился, чтобы они их подняли. Молился, чтобы они вошли. Молился, чтобы нашли что-то ценное, потому что теперь его жизнь зависела от их предпочтений. Это всё он понял потом, когда сходил с ума от боли в одиночной камере и думал, что скончается от потери крови. Он вспоминал допрос, нагружал мозг сверх меры, стараясь не потерять сознание.

Захлёбываясь водой, не чувствуя половины тела и видя свою кровь на полу, вытекающую из рваных ран, он не думал – он просто говорил, говорил всё, что приходило в голову, пытался ничего не забыть, говорить внятно – у него плохо получалось, он знал, но всё равно пытался. Он начал с детства, они не хотели слушать, тогда он перешёл к фактам – простым фактам, как он их помнил...

Лето 2007 года, он в посольстве Южной Кореи в Пекине... Осень 2007-го, он в Сеуле, встречается с представителем вашингтонской НКО... Деньги перечисляются через офшорную фирму на подставной счёт, частично идут в фонд организации, частично – на организацию акций протеста... Они собиралась свергнуть правительство? – Нет, заставить его прислушаться... Да, изменить государственный строй. Атака на делегацию Северной Кореи? Да, это они... деньги, полученные от американцев, ультиматум американцев... Чего добивались? Мира на полуострове? Возможно... Объединения Кореи... О поездке в Северную Корею... Начало 2009 года, прибытие в Пхеньян... Поездку освещает прозападная пресса... Большие надежды на Интернет... Призывы к свёртыванию ядерной программы, к новому этапу в отношениях с Сеулом... Критика внутренней и внешней политики Коммунистической партии Китая... Планирование терактов, закупки оружия. Связь между членами организации через «Твиттер»...

Этого списка более чем достаточно. Нам Туену казалось, они знают всё гораздо лучше него самого. За ним давно следили. За ним следили, но на всякий случай держали на свободе. Пока он не решил перейти к активным действиям. Пока не поверил, что будущее уже близко, осталось протянуть руку. Пока не решил, что на него направлены все камеры мира, и теперь, случись что, за него заступятся. Он решил, что опасности нет...

Но опасность есть всегда.

– Кто это был?! – кричит, наклонившись к его уху, щуплый человек. – Чей счёт??!! Куда ушёл тот миллион, к кому?! Имя! Имя!!

Нам Туена валят на пол, он пытается свернуться и защититься, но его бьют сапогом в живот, и он изгибается, дыхание пропадает.

– Имя!!! – Весной 2005 года Пак Пон Чжу, премьер-министр КНДР, посещает Китай, и друг Нам Туена, Хоу Инг, приходит с предложением... Они хотят организовать покушение, и откуда-то у них, прозябающих в нищете подпольщиков, появляются деньги и сведения о графике пребывания Пак Пон Чжу в Пекине...

Нам Туен хорошо помнит их с Ингом разговор. Они собирались убить его? Да, собирались, и хотя Нам Туен пытается сначала это отрицать (перед соратниками, когда Хоу Инга хватил инфаркт, и организацию возглавил Нам Туен), он хотел смерти этого человека. Потому что террористами были не они, боровшиеся за объединение родного народа; террористами были дегенераты, захватившие власть в Пхеньяне и полстолетия с попустительства Китая истребляющие собственный народ.

Нам Туена потрясло увиденное в Корее. С одной стороны 38-й параллели живёт современное, процветающее государство. К небу возносятся небоскрёбы, работают роботизированные фабрики и заводы; с другой – выжженная земля, край без света, по которому рыщут прожектора с пограничных вышек. Пятиэтажные серые «высотки», гротесковая и бессмысленно уродливая архитектура правительственных зданий, пустые улицы, нищие люди.

Пустые улицы – вот что в первую очередь бросалось в глаза. В Сеуле он терялся. Сеул по ритму напоминает Пекин – большой, суматошный, опасный и прекрасный, настоящий город XXI века, ночью горящий ещё ярче, чем днём. Пхеньян похож на деревню – чистую, ухоженную и стерильную деревню, где машины на улицах до сих пор редкость. Слово двадцать четыре миллиона человек, двадцать четыре миллиона корейцев отгородили от истории железной стеной, накрыли стальным куполом, законсервировали. Отрезали от реальности, заставили жить в прошлом.

Нам Туен говорил с людьми, и они признавались ему – искренне, без тени лицемерия, – что счастливы. У них есть еда, жильё, у них растут дети, и их раздражает бесконечное враньё об их родной стране. Нам Туена это пугало большего всего. Эти люди были вполне удовлетворены, если не сказать радостны, и Нам Туен находился на грани истерики, поняв, что достучаться до них невозможно. Их и вправду отлучили от мира, они не знали, как и чем живёт остальной мир, земной шар сократился для них до границ Северной Кореи...

– Имя!! – продолжает кричать щуплый человек. В ухе и во рту у Нам Туена кровь, он не чувствует половины лица, он выплёвывает выбитый зуб. Тот падает прямо перед его лицом, и Нам Туен видит ниточку кровавой слюны, тянущейся из разбитых губ. – Что, думаешь, ты новый Нельсон Мандела?! Тебе нужно тогда немного почернеть, сука!!

Ещё удар. Действительно, скоро он весь почернеет от кровоподтёков. Эти ребята – профессионалы, они его не убьют. Их удары точны... только одну секунду, если бы они дали ему одну секунду, всего одну секунду передохнуть и раскрыть рот... Он бы рассказал им всё, что они хотят... Но у него нет секунды; его глаза смотрят в пол, в холодный пол, и взгляд держится за окровавленный жёлтый осколок, вылетевший у него изо рта.

– Давай, или думаешь, будешь жить вечно?! Будешь как тот негр, помучаешься пару лет, и за тобой прилетит вертолёт? Ты слишком много о себе возомнил! Никто, понимаешь, никто за тобой не примчится!! Здесь только ты, я и твои дети, сука...

Дети. Нам Туен забыл о них, но этот подонок напомнил. О чём он думал... О чём он думал, заводя семью... Но в двадцать три года, когда мечтаешь изменить мир и только что вернулся из деревни, где на трудовом поселении пробыл вместе с семьёй пятнадцать лет, где от воспаления лёгких скончался отец и от инсульта умерла мать...

Это был 2004 год, и, вернувшись в Пекин после пятнадцати лет ссылки, Нам Туен увидел, что мир изменился. Его детство прошло за стёклами чёрного автомобиля марки «Хунци», на котором его возили в школу по городским улицам. Водитель сопровождал его от дверей дома до двери машины и обратно. Так продолжалось, пока в 1989 году отец Нам Туена, партийный функционер и соратник генсека КПК Чжао Цзяна, не поддержал студентов, вышедших на Тяньаньмэнь.

Месть Дэн Сяопина последовала незамедлительно. 19 мая 1989 года Чжао Цзян, невысокий человек в огромных очках, появился на площади Тяньаньмэнь и в прямом эфире произнёс речь, призывав собравшихся разойтись. Он предупредил, что принято решение о применении силы. И 20 мая его сняли со всех постов, а в Пекине ввели военное положение. Отец Нам Туена остался верен своему другу и поплатился за это.

Их семью сослали в провинцию Шэньси, в деревню в округе Баоцзи: вечером постучались в дверь, погрузили в военный грузовик и увезли, не дав даже собрать вещи. Пятнадцать лет Нам Туен провёл в деревне; никто не мешал ему обсуждать с отцом политику, хоть новости в этот отдалённый край и запаздывали, а телевизор работал с перебоями. У отца было крепкое здоровье, каждый день с рассветом он уходил в поле, а возвращался с закатом. Повзрослев, к нему присоединился и сын – но, работая в поте лица под палящим солнцем, он всегда знал, что есть и другая жизнь. Он знал: что-то должно измениться.

Когда ему разрешили вернуться в Пекин и продолжить обучение там, Нам Туен увидел вокруг себя новый мир: Интернет, мобильные телефоны, машины, гигантские корпорации и ветер перемен с Тихого океана... Нам Туен решил пойти в политику, хотя знал, к чему политика привела его семью и чем обернулась для его отца. Поначалу у него получалось, жаждущие перемен студенты Пекинского университета были благодарной публикой, но, успешно защитив диссертацию по экономике, Нам Туен захотел большего.

Вместе с ним училась девушка, и он влюбился в неё без памяти. Он считал её своей музой, её вдохновлял образ борца. Они объявили о скорой свадьбе на одном из собраний своего кружка – и поцеловались под бурные аплодисменты. Для Нам Туена это было новое рождение, весна его жизни, и ему казалось, что он может свернуть горы. Через год у них родился сын, спустя три – дочь. «Если я могу подарить жизнь, сотворить человека, – спрашивал Нам Туен себя, – то почему я не могу изменить нашу страну? Почему я не могу убедить всего-то пару человек прекратить безумие и сделать шаг навстречу своему народу?»

Он не осознавал, что для молодого революционера, берущего деньги у людей из Вашингтона, семья – непозволительный риск. Но сейчас, валяясь на полу, он это хорошо понял, и оттого каждый удар становился ещё больнее.

Внутри грудной клетки что-то надломилось, и Нам Туен услышал хруст своих рёбер.

– Имя!! – рвал воздух крик. – Имя!!

Нам Туен пробормотал что-то нечленораздельное: воздуха не хватало, горло забивала кровь.

– Что ты там бормочешь!! Имя, чётко, имя!!

Он должен быть назвать своего единственного друга, который заболел и не пришёл на собрание верхушки организации. Возможно, никакой болезни и не было – может, его кто-то предупредил, а может, он просто решил провести вечер с девушкой, – но, так или иначе, он не пришёл, а всех остальных схватили. Нам Туен не сомневался, что сейчас он где-то недалеко – может, за стенкой. И, скорее всего, его точно так же избивают, и он говорит, что во всём виноват Нам Туен. Потому что знает: Нам Туен в свою очередь обвинит его. Он знает, что настоящий допрос с пристрастием выдержать невозможно. И у Нам Туена на языке его имя, и он пытается его произнести, но вот беда – сказать ему не дают...

– Тут только ты и я!.. И ещё твоя жена и твои дети! – продолжает заливаться шуплый человек. – Подумай о них, в конце концов, мы можем убить их всех! мы заставим ИХ страдать, не тебя, а ИХ! Ты правда этого хочешь? Ты правда этого хочешь?!!

Конечно же, он не хочет. Идёт одиннадцатая минута допроса, его хватают за окровавленный ворот рубашки и поднимают обратно на стул. Лицо обжигает холодная вода; открытые раны отзываются резкой болью.

– Имя?!

Нам Туен кашляет, плюётся кровью. Приступ долгий, и, когда он поднимает голову и смотрит в глаза шуплому человеку, вдруг на секунду проносится мысль: «стоп, может, всё позади? может, не стоит...»

Словно прочитав эти мысли, его валят обратно. Он теряет счёт времени, спустя две минуты прекращает думать. Остаётся только молить о пощаде, но он никак не может найти слова и связать их, потому что каждый удар чуть не лишает его сознания.

– Имя! – слышит он где-то далеко. – Давай! Думаешь, они будут считать тебя предателем? Боишься этого, да? Думаешь, лучше умереть? Так ты не умрёшь! О тебе никто не думает, понимаешь, всем на тебя наплевать! Ты уже никогда не выйдешь отсюда! Ты и так мёртв здесь! Тебя никто не спасёт! Всё зависит от тебя! Только от тебя, здесь только ты и я... И твоя семья, Туен, понимаешь, твои дети, подумай о них, подумай о своей жене, вспомни её, неужели ты желаешь ей такой же боли...

На пятнадцатой минуте его опять сажают на стул, и он говорит. Говорит быстро, потому что боится, что у них не хватит терпения. Четырнадцать минут и сорок секунд, отмечает капитан. Что ж, думает он, с этим закончили. Следующего...

Нам Туена отводят в камеру. Он падает на спальный мешок на полу и не может пошевелиться. Болит всё. Он не может подумать о том, что сделал, с трудом вспоминает, что сказал. Во рту кровь и рвота, и ему хочется пить, но сил подвинуться к миске с водой – она стоит в углу камеры, как в клетке у зверя – нет.

Нам Туен понимает, что его жизнь закончилась. Остаётся только верить, что его детей не тронут. Что они сбегут из страны, что у них всё будет хорошо. Остаётся молиться за них, потому что за него самого молиться бесполезно. Его знобит, он хочет умереть. Он предал всех, кого мог, и рассчитывать ему не на что. Так и выглядит конец, думает он, так он и настаёт. Внезапно. И навсегда.

Десять лет спустя Нам Туена, превратившегося в тающую тень, вызовет к себе в кабинет начальник тюрьмы, и Нам Туен узнает, что мир изменился ещё раз.

10 марта 2023 года. Изник—Стамбул

Император Михаил VIII Палеолог спал в своих дворцовых покоях, когда к нему зашла его сестра Ирина. Поднималось солнце, отражаясь на спокойной озёрной глади и нагревая летний воздух.

– Константинополь наш! – сказала Ирина своему брату; это было лето 1261 года, и спустя семьсот шестьдесят две зимы, весной 2023 года, Иоанн Касидроу вновь произнёс эти слова вслух.

Он стоял на берегу озера Изник, в городе, где когда-то располагалась Никея. Легендарная византийская Никея, из которой император Михаил VIII выехал к Золотым воротом Константинополя, вернув под свою власть древнюю столицу. Он уже достиг многого, но главные испытания оставались впереди. Крах Латинской империи крестоносцев не принёс Михаилу спокойствия – ему досталась истерзанная и измученная страна, на которую точил зубы сицилийский король Карл Анжуйский. До Сицилийской вечерни оставалось двадцать лет.

Иоанн сделал глубокий вдох и почувствовал, как вместе с утренним воздухом в его грудь входит дух тех далёких времён. Было раннее утро; ночью прошёл дождь, и тучи ещё не рассеялись, хотя и уходили над озером прямо на запад. На востоке горело солнце, и археологи уже принялись за работу.

Императорский дворец Никеи давно превратился в горстку руин на дне озера, но исследователей это не остановило. Отгородив место раскопок невысоким забором, они разбили на берегу лагерь, притащили оборудование для подводных работ, зонды и вакуумные отсосы, протянули трубы под воду и, надев акваланги, погрузились следом. Раскопки продолжались и на берегу – Иоанн, стоя внутри огороженной территории, видел небольшой рукотворный карьер, в глубине которого вырисовывались очертания жилых построек византийского периода.

Сегодня Иоанн имел два повода для радости. Во-первых, он наконец-то осуществил свою мечту и побывал в Никее. В начале XXI века некогда величественный и могучий город превратился в тихое провинциальное местечко, но Иоанн ощущал пульсирующую в воздухе энергию этого места, она наполняла его, он слышал ржание лошадей, скрип брони и громкие крики на греческом и латинском языках – крики ромеев и византийцев.

А во-вторых, спустя пять лет он всё-таки завершил свою книгу. Поставил точку и здесь, на берегу озера, где спали тысячелетние тайны, просил благословения у императора Михаила Палеолога. С багрянцем рассвета Иоанн, кажется, его получил.

Он прикоснулся к коммуникатору у себя за ухом:

– Сообщение для доктора Бишопа.

– Записываю, – откликнулся коммуникатор.

– Дорогой профессор Бишоп! – начал Иоанн. – Стою на берегу озера Изник и понимаю, что значит история по-настоящему. Наблюдаю за тем, как идут работы... Ещё раз спасибо за вашу рекомендацию. Я возвращаюсь в Англию через неделю и собираюсь редактировать диссертацию. Надеюсь увидеть вас в скором времени и обсудить некоторые детали... В приложении к письму посылаю вам текст книги, о которой говорил. Роман об императоре Михаиле, частично исторический детектив... В каких-то частях даже триллер. Посмотрите, когда у вас будет время, пожалуйста. С уважением, ваш Иоанн Касидроу.

Иоанн замолчал.

– Конец сообщения? – осведомился коммуникатор.

– Да. Приложить к письму файл «Император Михаил». Последнюю версию.

– Ещё приложения?

– Нет. Отправить.

– Сообщение отправлено, – отчитался коммуникатор и замолчал.

Иоанн ещё раз глубоко вздохнул.

«Конечно, может быть это и глупо, – подумал Иоанн. – Это всего лишь первый вариант текста, и к тому же Бишоп сам просил прислать его, когда закончу... Я писал пять лет, и эти четыреста страниц, в конце концов, вполне искренние... Не изысканная словесность, но я и не пытался писать красиво... Ладно, хватит. Ты уже всё отправил, чего теперь-то ныть. По крайней мере, теперь ты можешь сосредоточиться на работе».

Он спустился с каменного возвышения к кромке берега, где из-под воды на медленном конвейере выползал небольшой кусок плиты с римской мозаикой. Археологи сняли его с ленты транспортёра и бережно положили рядом. Плита была вся в иле и заросла водорослями, но поблёкшие узоры всё равно были хорошо видны.

– Примерно девятый век, – сказал руководитель экспедиции, гладко выбритый француз лет пятидесяти. У него было крепкое, борцовское телосложение, и на массивной переносице забавно смотрелись тонкие очки без оправы.

– Сразу датируете? – спросил Иоанн, и руководитель экспедиции обернулся к нему.

– Посмотри на лицо ангела. – Он взял совок и легонько поскрёб мозаику, оттирая грязь. – Строгие простые черты. Но глаза следят за нами, почти Мона Лиза.

– Середина девятого века.

– Вероятнее всего.

Руководитель экспедиции махнул, кусок плиты унесли.

– Спасибо, – Иоанн протянул французу руку. – Мне пора ехать. Всё было очень интересно, спасибо, что разрешили посмотреть.

– Не проблема.

– Мне было важно увидеть это... – Иоанн обвёл рукой озеро и развалины, – своими глазами.

– Ну, это нам понятно, – кивнул археолог. – Это незабываемое чувство. К нам недавно прилетали русские византилисты. Видел бы ты, с каким молодым задором по нашим руинам прыгал академик Карпов, а ему ведь под восемьдесят.

– Могу себе представить, – Иоанн посмотрел в сторону выезда из лагеря, где сопровождавший его друг болтал с какой-то девушкой в бейсболке. – Ещё раз спасибо!

– Всегда рады. Пришли мне то, что у тебя получится.

– Обязательно.

– И приезжай лет через пять, – сказал археолог. – Мы сделаем здесь настоящий подводный музей. Вернём всё на дно, частично реконструируем... Подводный дворец императоров Никеи – звучит, да?

– Думаю, это будет иметь успех.

– У нас уже есть инвесторы. Ну, счастливо! – попрощался дружелюбный француз. Из-под воды уже показывался очередной осколок древности, и он бросился к нему.

Иоанн пошёл к машине. Он миновал палатки археологов, выполнявших спектральный анализ обломков, и вышел к ограде лагеря.

В путешествии по Турции Иоанна сопровождал молодой сотрудник посольства Великобритании, с которым они успели сдружиться. Когда Иоанн, вопреки молчаливому желанию отца, отказался от распределения по окончании Аббертона (выпускников приглашали в дипломатический корпус и в органы правительства Евросоюза) и пошёл в докторантуру писать диссертацию по Византии, профессор Бишоп лично настоял на необходимости поездки.

Видимо, это склонило чашу весов в сторону отцовского одобрения, он позвонил в Форин-офис, и они оформили поездку Иоанна как стажировку в посольстве. Но в посольстве Иоанн побывал всего раз – зашёл туда с визитом вежливости по прибытии и познакомился со своим сопровождающим. Вполне толковый парень из отдела культуры; Иоанн вместе с ним проехал

по турецким городам от Стамбула до Игдира, иными словами (более близкими Иоанну) – от Константинополя до Цолакерта.

Раскопки, памятные места, университеты... Почти в каждом провинциальном городе Иоанн согласно составленному для него Форин-офисом списку встречался с историками, представителями городской администрации и студентами, спрашивая о занимавших его исторических тонкостях и вещах менее интересных, но актуальных, касавшихся грядущего вступления Турции в Евросоюз.

Форин-офис хотел сравнить отчёты своих социологов с непредвзятым мнением Иоанна, и поездка «с исследовательскими целями» приобрела явный шпионский характер. Иоанна это забавляло; пока они ехали на машине по холмистой Анатолии и Иоанн уставал надиктовывать заметки или писать книгу, он откидывался на сиденье и, поддерживая разговор с весёлым спутником, представлял себя кем-то вроде Лоуренса Аравийского.

Он прекрасно знал, насколько скучна и рутинна работа шпионов в XXI веке; именно поэтому ему нравилось видеть, как меняется пейзаж за окном, как день сменяет ночь, а он продолжает свой путь – в этом была романтика двухвековой давности, романтика Большой игры.

- Я напишу тебе, – помахал спутник Иоанна уходящей девушке-археологу.
- Из Кении, – поделился он с Иоанном.
- Хороша, – сказал Иоанн.
- Твоя коллега.
- Медиевист?
- Студентка.
- Поехали?

Они тронулись на север. Сперва по берегу озера, а потом по извилистой дороге меж пологих гор. Солнце поднималось выше и выше, и тени от облаков ползли по холмистым пустырям; через полчаса пути они покрылись зеленеющими деревьями, Иоанн открыл окно и высунул голову. Машин на дороге было мало. Пахло весной.

Горные склоны поднимались справа, а слева спускались к побережью, и вдаль, если приглядеться, можно было увидеть темнеющий залив. Иоанну вспомнился заснеженный Арарат, увиденный в Игдире рано утром. От снежной шапки слепило глаза, но Иоанн не надел солнцезащитные очки, а замороженно смотрел ввысь, где гора заслоняла половину голубого неба. Облака выплывали из-за неё; к горе уходила дорога, и Иоанн словно добрался до самого центра мира.

Когда в эти горы уходил византийский император Ираклий, собирая войско для решительного удара по персам, любовался ли он так же Араратом? Восхищался ли заснеженными вершинами гор, стоя утром на пороге своего походного шатра, выслушивая гонцов местных племён? Иоанн отлично знал историю римских завоеваний, но теперь, пройдя эти пути по стопам своих любимых византийцев... теперь он буквально видел римский штандарт и римские легионы на марше; видел армии, покорившие полмира, и их предводителей.

Он чувствовал себя вознесённым куда-то высоко, небольшой фигуркой на вершине Арарата, и в ослепительном божественном свете вытянутой рукой прикасался к титанам... Даже сейчас, возвращаясь обратно в Стамбул, Иоанн ощущал себя кем-то из свиты императора Михаила VIII, скачущего в отвоёванный Константинополь.

Они проехали по кайме залива, обогнули его и въехали в предместья Стамбула. Через полчаса выскочили на мост через Босфор. Далёкие городские берега терялись в тумане, солнце блестело сквозь металлические тросы моста. Они поднимались по мосту, словно в гору, – вдаль показались небоскрёбы, и, проехав под вторым пилоном моста, Иоанн решил, что путешествие закончилось. Он вернулся в Европу.

Был будний день, и они попали в пробку. Вполсилы ведя беседу о предстоящих на следующий год выборах в Европарламент, Иоанн просматривал почту и отвечал на пришедшие сообщения. Стивен интересовался, как проходит «трип» друга. Сам он сидел в лаборатории и препарировал человеческий мозг – Иоанн удалил противное фото в ту же секунду, как увидел. Стивен скинул Иоанну несколько аналитических статей, но Иоанн только бегло просмотрел их. Что-то про презентацию новой модели «электронного секретаря» и оцифровку мозга крысы.

Когда Иоанна интересовало будущее технологий, он спрашивал у Стивена – и чаще всего получал один и тот же ответ: «не знаю». Прогресс стало невозможно предсказать, утверждал Стивен, потому что он развивается по экспоненте. Нельзя узнать заранее, какая гениальная идея придёт в голову следующей, ведь мы даже не особо разбираемся в том, как работает голова сама по себе. Иоанна не устраивали такие ответы, но выбора не оставалось – Стивен действительно разбирался в точных науках и, закончив Гарвард, занялся нейробиологией в американском частном исследовательском институте.

Несмотря на пробки, Иоанн с сопровождающим прибыли к Английскому дворцу вовремя. Это красивое белое здание в центре Стамбула было построено в 1845 году для посольства Великобритании; сейчас здесь располагалось Генеральное консульство, над крышей реял «Юнион Джек». В нулевых годах оно несколько раз подвергалась атакам террористов – в одной из них погиб генеральный консул Роджер Шорт. Памятник этому круглолицему невысокому человеку со спутанными волосами теперь стоял перед входом во дворец, и у его ног постоянно лежали цветы.

Иоанн вспомнил, что читал о теракте – в ворота главного входа, через которые они сейчас проезжали, в 2003 году врезался начинённый взрывчаткой грузовик. Погибло несколько десятков человек и сам консул, у которого осталась жена и трое детей. Ответственность на себя взяла «Аль-Каида». О виновниках долгое время ничего не было слышно, но недавно выяснилось, что все организаторы того теракта ликвидированы. Прошло двадцать лет, и потребовались долгие нудные прения в Европарламенте, чтобы армии Евросоюза наконец разрешили присоединиться к охоте – спецназу дали команду «фас». В такие минуты Иоанн особо гордился своим отцом, который лоббировал это решение.

– Поужинаем вечером? – спросил сопровождающий Иоанна, высаживая его у входа. – Сходим в новый клуб у «Фор Сизонс».

– Окей, – сказал Иоанн. – Я позвоню, как закончу.

Он вошёл в здание. Ему предстояло провести здесь ближайшие пять дней, участвуя в работе аналитической группы, составляя отчёты для Лондона и одновременно дописывая собственное заключение по результатам путешествия. Ему назначили несколько встреч с профессорами Стамбульского университета. Иоанн надеялся узнать у них, помимо политической информации, что-нибудь интересное об изучении византийского наследия и о турецком взгляде на Османскую империю.

Ещё он планировал выкраивать пару часов в день на диссертацию, собираясь защитить её по возвращении в Аббертон. Перед отъездом у него, согласно графику, оставался свободный день, и Иоанн хотел ещё раз сходить в собор Святой Софии. Встать посередине зала и, до боли в шее задрав голову, смотреть наверх, на купольный золотой свод, наслаждаясь игрой света, льющегося сквозь множество мелких окон и витражей.

Это здание построил император Юстиниан в VI веке, и спустя тысячелетие здесь молился последний император Византии Константин – прямо перед тем, как выйти на свой последний бой с осадившими город османами; и сюда вступил Мехмед II, превратив собор в главную мечеть своей мусульманской империи. Теперь здание освободили от религиозных пут, превратили в открытый всем желающим музей, достояние всего человечества...

Но стоя под сводами собора и восхищаясь до дрожи размахом прошедших веков, Иоанн не мог остаться равнодушным к вере людей, способных построить такое.

17 марта 2023 года. Лондон

– Правда, классная вещь? – спросила Иоанна сестра, когда они сели в машину. Она встретила его в аэропорту, бросилась на шею, расцеловала, загадочно улыбнулась и отдала команду через коммуникатор. Спустя две минуты около них затормозила серебристая «тесла».

Иоанн почувствовал неладное в тот момент, когда Мелисса села в машину со стороны водителя. Он увидел вместо руля сенсорную панель с картой города.

– Я уговорила отца купить, – похвасталась Мелисса и, нажав кнопку голосового управления, скомандовала: – К папе в офис.

– Уайтхолл-корт? – переспросила машина.

– Да! – На сенсорной панели высветился маршрут, и они поехали. Расчётное время прибытия, сообщённое компьютером с учётом пробок, составляло сорок пять минут.

– Супер, правда? – ещё раз спросила Мелисса.

– И сколько это чудо стоит? – усмехнулся Иоанн.

– Отцу нравится, – пожалала Мелисса плечами. – Хотя сам он на этой прелести почти не катается: жаба душит платить водителям и не пользоваться их. Так что она в моём распоряжении.

– Паркуется хорошо?

– Вполне. Исчезает, а потом появляется, когда вызовешь.

– Экономично.

– Музыка? – спросила Мелисса. – Боуи? «Дорз»? Лана Дель Рей?

– А нет ничего посвежее?

– Только не для любителя ископаемых!

Мелисса приказала компьютеру включить какой-то хит-парад, но тут же уменьшила громкость и принялась расспрашивать. Они не виделись полгода, и Мелиссу интересовало всё: от друзей Иоанна (судьба Стивена!) до впечатлений от раскопок.

– А зачем мы сейчас едем к отцу? – перехватил инициативу Иоанн.

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Есть распоряжение: сразу привести тебя к нему.

– Но потом-то мы едем в Фарнборо?

– Если не поступит новых указаний!

– Как твоя работа?

– Перебираю бумажки, – рассмеялась Мелисса. – Бездельничаю, жуть как скучно, но вид из кабинета милый. Весь город как на ладони, смотри и радуйся, так нет же – надо упереться в компьютер, отвечать на бесконечные запросы «Гринпис»... экологическая безопасность, потепление, допустимая квота выбросов... фу, знал бы ты, как мне надоело.

– Отец говорил, ты блистала в высоком суде?

– А как же! – Мелисса подняла бровь, как настоящий юрист. – Времени на светские рауты нет, хоть на слушания наряжаюсь, может, личная жизнь образуется!

– Ну это-то чудо, – Иоанн похлопал ладонью по кожаному сиденью, – электрическое?

– Чего не скажешь о наших заводах в Индонезии.

– Они хотят ходить в шкурах?

– Да, и запретят разводиться, ведь он навредит лесу! – Мелисса сделала угрюмое лицо и произнесла с отцовской презрительной интонацией:

– Безде-е-ельники!

– Мистер Чарльз Касидроу, моё почтение.

– Я тренировалась.

– А как твой жених?

– Сделал мне предложение.

– Когда?

– Месяцев пять назад.

– И было отказано?

– Со всеми печатями.

– Вроде он нравился отцу.

– Ну, под венец-то не ему идти.

– Это всё из-за безумца из Новой Зеландии, а?

– Мне и в семье хватает спокойных мужчин!

– Дорогая, – Иоанн взял её за руку. – Тебе всё-таки не пятнадцать, влюбляться по семь раз за день, тебе двадцать шесть.

– Об этом я и говорю, какой же ты зануда! – Мелисса толкнула его. – Вот сейчас приведу тебя к папе, вы там споётесь...

– А что, уже и лорд Чарльз хочет внуков? Я-то думал, только мама....

– Ни-че-го не слышу! – Мелисса заткнула уши.

Время пролетело незаметно, автомобиль проехал мимо Вестминстерского аббатства и дворца, выехал на Уайтхолл и у здания Королевской конной гвардии, где толпы туристов с фотоаппаратами издевались над застывшими караульными, повернул направо. Камеры узнали машину, шлагбаум открылся. Они остановились возле подъезда, и «тесла» отрапортовала, что поездка завершена. Мелисса светилась от гордости за свою новую игрушку.

– Не надоедает на пассажирском? – спросил, выходя, Иоанн.

– Спокойно, – ответила девушка, – лёгким нажатием кнопки мы выдвигаем руль, и оно превращается... в спорткар!

– Может, тебе заняться экстремальным вождением?

Они вошли внутрь старинного продолговатого здания, окнами заднего фасада выходившего прямо на Темзу, и теперь поднимались по узкой, окружённой статуями лестнице на шестой этаж.

– Тут явно не хватает лифта.

– Догоняй, салага!

Их отец, между тем, чуть ли не каждый день проделывал этот путь в шесть этажей вверх и обратно (если только для него в недрах здания не сделали секретный лифт, в чём Иоанн сомневался). Они не впервые приезжали к отцу в рабочий офис, и охрана пропустила их без считывания кодов с коммуникаторов.

В приёмной, где Мелисса выпила кофе, а Иоанн – чёрного чая, они продолжили обсуждать личную жизнь друг друга и вспоминать детство, пока отец (как сообщил его секретарь) вёл переговоры в режиме видеоконференции в соседней комнате. Спустя пятнадцать минут Чарльз Касидроу вышел к детям.

Он посидел, но оставался выше сына и шире в плечах. Они обнялись, и отец пригласил Иоанна пройтись.

Мелисса осталась в приёмной, погрузившись в дебри Интернета, а Иоанн с отцом спустились вниз по другой лестнице и вышли с противоположной стороны здания. Отец открыл чугунную калитку, и они оказались в небольшом парке на набережной Виктории. Зелёные деревья защищали от ветра с Темзы, но Иоанн всё равно запахнул пальто. Отец был в одном пиджаке, но его – с его богатырским телосложением – это не смущало.

Они шли вдоль лужаек, усаженных по краям маленькими клумбами.

– Всё прошло успешно?

– Да, пап, как я тебе и написал.

– Я про другое.

– ?

– Тебе понравилось? Было полезно?

– Да, конечно, это было очень полезно. Я не уверен насчёт выводов, но других у меня нет, так что отчёт я уже отправил.

– Его прочтут очень внимательно, – кивнул отец. – Бишоп прислал мне твою книгу.

– Да?

«Подлый профессор Бишоп! Ни слова мне не сказал! Я отослал текст неделю назад, неужели у него не было никаких дел, кроме как взалёб читать четыреста страниц? Или он прочитал первые пять и решил, что даже не стоит тратить время...»

– Я ещё не прочитал, – сказал отец.

«Ну, хоть так...»

– Бишопу понравилось. Он прыгал от восторга.

– Представляю себе это зрелище...

– Я просил не тревожить тебя до защиты, потом он расскажет, что делать с книгой дальше.

– Спасибо...

– Но сейчас сосредоточься на диссертации. – Отец замедлил шаг и посмотрел сквозь просвет в листве деревьев на Темзу. По ней шёл многопалубный корабль. Отец прищурился и достал из нагрудного кармана очки.

– Творчество – это хорошо, – отец посмотрел сквозь линзы, снял очки и спрятал в карман, – но, я думаю, Форин-офис – место для тебя.

– Я сейчас немного... – протянул Иоанн.

– На защиту твоей диссертации, может быть, приедет госсекретарь, – сказал Чарльз Касидроу. – Я хочу тебя с ним познакомить. Постарайся произвести впечатление.

– Ему так интересна Византия? – улыбнулся Иоанн, но ответной улыбки не получил. С годами чувство юмора у отца стало блекнуть.

– Мне нужно кое-что с ним обсудить. Не только насчёт тебя, – он помолчал. – Но и это тоже. Твоих сокурсников расхватили немцы, американцы и французы, некоторые поехали в Восточную Европу... Должно же что-то достаться и англичанам.

– Если ты так считаешь, то да.

Отец остановился. Иоанн сделал пару шагов вперёд и развернулся. Он всё ещё смотрел на отца снизу вверх.

– Хм-м, – сказал отец. – Я не этого ответа от тебя ждал.

– О чём ты?..

– Иоанн, дорогой, послушай... так нельзя. Так дальше продолжаться не может.

Иоанн промолчал, но не отвёл взгляд. Отца это не волновало.

– Ты учился в одной из лучших частных школ Европы, ты окончил Академию Аббертона, элитный университет, созданный специально для обучения студентов с выдающимися способностями. Я ведь был одним из тех, кто его придумал.

– Да, ты об этом рассказывал...

– Аббертон – это эксперимент, – сказал отец. – Главной идеей было не нагружать вас по полной, не этот садизм, на который ты мне жаловался, не загруженность и огромное количество предметов... Иоанн, через месяц, или сколько там, ты станешь доктором философии. Одним из первых, кто получит докторскую степень в Аббертоне. За выпускниками Аббертона идёт охота, спроси у своих бывших сокурсников, каждый имеет по пять-десять предложений о работе на самом высоком уровне, от Страсбурга до Кремля.

– У нас же были собеседования...

– Конечно. Собеседования и всё такое... Иоанн, главной идеей Аббертона было воспитать людей, которые могут принимать решения. Понимаешь? Принимать сложные решения, аналитически мыслить, но при этом уметь брать на себя ответственность. Настоящих полити-

ков, не обслуживающий персонал – экспертов в финансах или энергетике, а людей, которые смогут занять перворанговые посты и, взвесив все «за» и «против», принять решение.

– Отец, я понимаю...

– Тебе двадцать четыре года, Иоанн, – продолжал отец, и Иоанн услышал собственную интонацию. – Перед тобой открыты все дороги, и тебе нужно самому решить, чем ты будешь заниматься. Хочешь быть политиком – пожалуйста, тебе будут рады в любой партии, ты можешь избраться в палату общин, можешь пойти в Европейский парламент... Хочешь стать дипломатом – иди в Форин-офис, тебя там ждут... Или, может быть, ты хочешь заняться бизнесом? Я могу передать тебе в управление часть активов семьи, пожалуйста, организуй инвестиционный фонд или купи акции какой-нибудь компании, создай портфель, я подскажу тебе, войди в совет директоров... Иоанн, дорогой, я не могу решать за тебя...

Он перевёл дыхание.

– Могу, но не должен, не хочу, потому что тогда проект «Аббертон» следует закрыть. Мы хотели воспитать самостоятельных и самодостаточных людей, политиков и управленцев нового поколения. Профессионалов. Тебе двадцать четыре, и пора взять на себя ответственность хотя бы за своё будущее и за будущее нашей семьи. Мелисса талантливый юрист, но ей не хватает концентрации, ей ещё хочется погулять, поноситься с ветерком, нужно ещё подрасти... Она ещё ребёнок. А для тебя, Иоанн, нет таких оправданий. Ты должен был войти в молодую политическую элиту всего человечества. Так что возьми себя в руки и, будь добр, сам определи, чем ты собираешься заняться через месяц, когда на тебя под аплодисменты наденут мантию доктора.

– Пап... – Иоанну срочно нужны были слова. Их не было. Отец махнул рукой.

– Ты меня понял?

– Да...

– Я рад, что ты написал книжку, что она нравится Бишопу... Но это всё несерьёзно.

– Прости, я не думал, что ты так... Я подумаю, конечно, прости меня... – на набережной гудели машины, скапливалась пробка. Над Темзой в вышине плыли тёмные облака. Начинался дождь. – Я обещаю тебе...

– Вот и хорошо, – сказал отец. – Пошли, у меня через пять минут прямая линия с Брюсселем, а тебя заждалась сестра.

13 мая 2023 года. Фарнборо

На защите диссертации Иоанна государственный секретарь Форин-офиса Великобритании не присутствовал, но через пару дней Иоанн всё же познакомился с ним. Они с отцом встречали его у парадного входа особняка в Фарнборо. Госсекретарь оказался ниже ростом, чем ожидал Иоанн; он приехал без помощников, сам вёл машину и был в летнем бежевом костюме.

Пожал Иоанну руку, поцеловал мать и сестру, обнялся с отцом и прошёл в его кабинет. Они беседовали наедине около часа, но затем дворецкий вышел из дома на лужайку, где пили чай в ожидании главы семейства и гостя остальные члены семьи, и сообщил, что отец зовёт Иоанна.

В большом кабинете отца старинный дубовый стол и шкафы XVIII века сочетались с широким монитором во всю стену, стеклянным зеркальным столиком и серебристыми креслами. Другая стена была прозрачной, из неё открывался вид на прудик с фонтаном в форме рыбы. Тихо шумел кондиционер.

– Извините, Иоанн, что не смог побывать на вашей защите, – сказал госсекретарь. – Я очень хотел, честно. Ваш отец не даст соврать.

– Спасибо, – Иоанн сел напротив. – Рад, что вас заинтересовало...

– Но я прочитал вашу диссертацию, – госсекретарь переглянулся с отцом, – и ваш доклад по состоянию дел в Турции.

Он помолчал.

– Вы правда считаете, что, несмотря на общественный резонанс, принять Турцию в ЕС нужно как можно скорее?

– Да, – подтвердил Иоанн. – Я написал...

– Сформулируйте ещё раз, в двух словах.

– Их может утянуть в орбиту мусульманского мира, – пожал плечами Иоанн. – Зачем нам конфликт цивилизаций и религий? Сила западного мира всегда была в другом.

– Со времён Византии?

– Да, со времён Византии.

– Иоанн, понимаете, какая штука... – Госсекретарь откинулся на спинку кресла и посмотрел в потолок. – Мы занимаемся политикой, а не идеями.

– Тогда я бы сказал так... от таких союзников не отказываются.

Госсекретарь покачал головой. У Чарльза Касидроу зазвонил телефон, и он оставил их наедине.

– Я хотел бы поздравить вас с успехом, – сказал госсекретарь. – Вы один из первых выпускников Аббертона... Политическая академия имеет огромный потенциал. Пока вашего отца нет, я скажу вам начистоту... Ваш отец не хотел бы, чтобы я разглашал кое-какую информацию, даже вам... Скажу так, мы с вашим отцом планируем одну масштабную реформу. Общеввропейскую реформу, вы понимаете?

– Понимаю, – кивнул Иоанн.

– Пока мы не достигли взаимопонимания с премьер-министром, но думаем, что эту реформу, возможно, стоит инициировать изнутри... – он задумался. – Европейский союз сейчас сформировал единое внешнеполитическое ведомство, вы, наверное, слышали об этом?

– Да, не только слышал, экзамен сдавал на эту тему.

– Теперь я из своего кабинета в основном звоню внутрь Европы, – министр почесал гладко выбритую щёку. – Времена меняются, да. Вы не хотели бы поработать в представительстве Европейского союза в Джакарте?

– В Джакарте? – переспросил Иоанн.

– Да, именно в Джакарте, в Индонезии, – госсекретарь прервал его вопрос взмахом руки. – Я объясню. Представительство ЕС – это не посольство. Вам не придётся слушать постоянные указания из Брюсселя, обслуживать визиты начальства и выдавать визы. Представительство ЕС будет заниматься обеспечением безопасности в регионе. Мы с вашим отцом... хотим попробовать в этом деле выпускника Аббертона, то есть вас. Такой эксперимент: мы хотим понять, чему вас там научили, на что вы способны. Без обид. Что скажете?

– Но я никогда не интересовался Индонезией, – ответил Иоанн. – Никогда там не был, не очень хорошо разбираюсь в современном исламе, не знаю языка...

– Да кому он сейчас нужен, этот индонезийский? – воскликнул госсекретарь. – Мой дорогой Иоанн, говорить вы будете по-американски и по-китайски, понимаете, о чём я?..

11 сентября 2001 года. Неаполь

Алессандро Вита навсегда запомнил этот день. Ему восемь лет, и он вернулся домой из школы. С начала сентября похолодало, но в полдень температура поднялась до двадцати трёх по Цельсию, и Алессандро шёл домой, подставив лицо тёплому солнцу. «В школьной форме жарковато, – подумал он, – и хотя мама говорит, что нужно быть аккуратным, что ветер с моря, но я же не иду по морю, значит, мне вовсе не обязательно одеваться тепло».

Он поднялся в квартиру на восьмом этаже. Лифт не работал, но юный Алессандро играючи взбежал по лестнице вверх. Позвонил в дверь и громко постучал в неё. Мама открыла, он вошёл и переоделся. Пообедали, Алессандро ушёл к себе в комнату делать уроки, потом из школы вернулся старший брат, и они решили пойти играть на улице.

Алессандро зашёл к маме в спальню. Она лежала на низкой кровати и пристально смотрела в небольшой телевизор, стоявший на тумбочке. Изображение было на уровне глаз Алессандро. Возвращаясь к тому моменту много лет спустя, он не мог вспомнить текст, не запомнил никаких звуков. Ни слов мамы, ни слов брата, ни того, что после, придя домой, сказал отец.

Но он на всю жизнь запомнил картинку. Картинку, которую показывал маленький серый ящик напротив маминой кровати с коричневым покрывалом, и то, как мама, обхватив руками колени, сидела на кровати и смотрела в экран.

Там показывали Нью-Йорк и башни-близнецы Всемирного торгового центра. Два небоскрёба – и раз за разом на фоне голубого неба и низеньких зданий вокруг в них врезаются самолёты. Взрывы, огненные всполохи. Дым, набрасывающийся на здания и проглатывающий их... Обрушение, обвал – и огромный столб пыли, который скрывает от камер небо и солнце... Кажется, он сейчас вывалится из выпуклого экрана телевизора и затопит всю комнату, станет трудно дышать и начнётся кашель...

Маленькие фигурки людей. Жёлтые пожарники, завёрнутые в синие пледы шокированные очевидцы и пострадавшие. Интервью с паникующими людьми. Покорёженные внутренности небоскрёбов, окровавленные тела, быстрая походка пожарных среди этого ада, меж развалин, торчащих балок...

Строгие лица комментаторов теряются на фоне охваченных пламенем башен. Алессандро никогда не был в Америке, никогда не видел до этого башни-близнецы и не знал, что они вообще существуют... Мама попыталась ему всё объяснить, но главное, что поразило, – что это реальный мир. Не компьютерная игра и не эпизод из фильма. Это реальный мир, и в этих башнях находились реальные, живые люди, когда самолёты с террористами-смертниками пошли на таран.

Спустя много лет Алессандро узнал, что люди прыгали из окон, чтобы не задохнуться от дыма. Прочёл много разных версий, почему всё случилось так, а не иначе, могло ли американское правительство предотвратить теракт или нет, случайность это, ошибка или заговор... Но тогда, восьмилетним ребёнком, Алессандро смотрел в телевизор и видел, как самолёты с пассажирами на борту, захваченные злодеями, врезаются в высотные здания, убивая и разрушая. Плохие люди, злодеи, как сказала мама, сумасшедшие исламские фанатики... Не оказалось супергероя, чтобы спасти людей, как в комиксах, которые читал Алессандро. Хороших не нашлось, были только злодеи – и этого вполне хватило.

Говорят, люди запоминают моменты сильного стресса; запоминают мощные эмоциональные всплески, и все, кто узнал в тот день о теракте, никогда уже не забудут, где они находился и что делали в момент известия. Алессандро не знал, правда ли это. Но в его памяти навсегда остались обломки Всемирного торгового центра, охваченные пожаром. Навсегда в его памяти осталось потрясение от того, что в любую секунду в небе может показаться самолёт, который прервёт его жизнь.

В то утро над Нью-Йорком светило солнце, то же самое солнце, что и над Неаполем; в его лучах нежился с утра Алессандро, и его же лучи пытались пробиться сквозь пылевую завесу над Манхэттеном, в сердце Америки, куда «Аль-Каида», как сказал отец, нанесла удар. Он сказал это поздно вечером, когда вся семья устроилась за столом, и Алессандро молча слушал, что говорят старшие.

С тех пор прошло много лет, и Алессандро не помнил, что именно говорил его отец – майор итальянской армии, боевой офицер, недавно вернувшийся из Югославии. Он не любил распространяться о политике. Когда младший сын спрашивал его: «Зачем ты отправляешься туда воевать?» – отец отвечал: «Потому что мне приказали». Он считал, что за него говорят его погоны, его крест «За воинскую доблесть» и памятная медаль войск НАТО, дети спасённых им боснийцев.

Но тем вечером политика пришла в их небольшую квартиру. Потому что её жертвами стали ни в чём не повинные люди, так бывает всегда, вот случилось ещё один раз, но Алессандро только начинал это понимать. Ему было восемь лет.

11 сентября 2025 года. Сиамский залив

Двадцать четыре года спустя Алессандро сидел на борту десантного самолёта и ждал выброски. Погода была так себе, сгущались тучи, собирался ливень, но прыгать пришлось бы всё равно. Их отряду предстояло участвовать в полномасштабной военной операции – высадиться в тылу врага и быстрым, стремительным ударом захватить Бангкок, пока основные силы придут на кораблях и развернут наступление.

Эту войну готовили давно, и Алессандро не удивился, три дня назад узнав, куда их посылают. Кажется, война стала новостью только для диктатора Тхирасаки Нгау, который, подражая Гитлеру в его худшие годы, отказался сложить оружие и прекратить репрессии, наплевав на ультиматум Совета Безопасности ООН. Судя по тому, как дальше развивались события, размышлял Алессандро, Совет Безопасности другой реакции и не ожидал.

Он не знал точно, какие силы вовлечены в операцию, но её собирались закончить буквально в считанные дни. Диктатора Нгау, вслед за Саддамом Хусейном, Каддафи и Асадом, ждала виселица; его ручных генералов, с помощью которых он с такой лёгкостью сверг многовековую монархию, – международный трибунал. Дело оставалось за малым – вторгнуться, окружить столицу, разбить армию и арестовать преступников. В этой кампании на стороне войск Европейского союза сражались «голубые каски» ООН, войска НАТО, китайцы и русские.

Против несчастного диктатора Нгау выступил весь мир.

На визоре Алессандро появились первые приказы. Он командовал отрядом «А», и штаб хотел, чтобы они поддержали танковую атаку по шоссе с восточного направления. Корабли с десантом ещё не подошли, отметил про себя Алессандро, а, значит, танки и бэтээры выбросят вместе с ними. Это не будет тихая операция в тылу: с неба на головы тайцев обрушится целая армия... лучшая в мире армия.

Самолёт тряхнуло, но ремни безопасности держали крепко. Зенитки? Авиация должна была вывести их из строя в первые часы войны, но всё возможно... Судя по количеству задействованных войск, небо над заливом с берега должно было напоминать небо над Нормандией в 1944 году... Жаль, увидеть эту красоту тайцам мешали тучи.

Откинув голову и прикрыв глаза, чтобы на секунду отвлечься от всё новых и новых данных, поступающих на визор (состояние отряда, сведения о местности, разведанные о противнике, подробная карта и маршрут следования), Алессандро задумался. Его слегка трясло, он ощущал лёгкий тремор в кистях и икрах, но это ничего, это нормально. Его это не беспокоило, ведь он не трусил, и колющий страх в груди, холодный страх неопределённости, заводил его. Скоро инстинкты возьмут своё, и тогда тремор прекратится, а пока – пусть, ведь призового рысака, по поверью, тоже трясёт перед стартом забега.

Когда пять лет назад он летал на охоту в Пакистане, он чувствовал себя по-другому. Пять лет – огромный срок, и он уже даже не помнил, когда и где видел ту рожавшую женщину. Там тоже шла настоящая война, там тоже убивали людей, и та женщина рожала практически на поле боя. Рожала от уroda, которого прикончили той же ночью, и Алессандро трудно было поверить, что такая мразь может подарить жизнь, и вряд ли ребёнок выжил в таких условиях, но...

Алессандро продолжал время от времени мысленно возвращаться туда, где новый человек пришёл в мир на его глазах. Он ведь никогда не видел родов. У него не было семьи – была девушка, да, она жила в Риме, они собирались пожениться, и он уже сделал ей предложение, но это случится, когда (если) он вернётся живым и (хочется верить) невредимым домой, и, может быть, в будущем сможет увидеть, как из тела его жены на свет появляется их сын или дочь.

Алессандро хотел проверить на практике, какие чувства испытывает отец при родах.

«Мне тридцать два, – думал Алессандро, – и даже если ребёнок у нас родится ровно через год, то ему будет двадцать, когда мне уже будет за пятьдесят. Это будет две тысячи сорок

пятый... Через двадцать лет моя жизнь будет клониться к закату, а его – только начинаться... Ему предстоит жить в мире, который моё поколение ему оставит. И ради этого я сижу сейчас здесь, потею и не шевелюсь, хоть у меня чешется шея, дрожат ноги и руки. Ради этого через десять минут я шагну из люка в пропасть... За моих детей, за всех наших детей, даже за то несчастное маленькое существо, родившееся от выроodka... Я и мои друзья шагнём в пустоту, чтобы победить плохих ребят и сделать этот мир чуть-чуть лучше».

Он читал дискуссии в Интернете, смотрел телевизор и знал, что говорят про эту войну. Не диктатор Нгау спонсирует террористов. Не диктатор Нгау убивает европейцев и китайцев, он не имеет никакого отношения к тому, что творится внутри стран, которые выступили против него. Он был бы счастлив забыть про их существование, он не собирается развязывать войну. Войну развязывает Совет Безопасности ООН, войну ненужную, войну, где будут погибать люди, не имеющие к Таиланду ни малейшего отношения.

Последние двадцать лет – всё одно и то же, ничего нового. Да, диктатор Нгау не убивает европейцев и граждан КНР, диктатор Нгау вообще не может причинить вред никому, кроме жителей собственной страны. Но в этом-то всё дело. Когда нацисты разевали пасть на евреев в Германии 1930-х, мир вокруг молчал, потому что «это не наше дело». Когда такие, как Гитлер, устраивают геноцид у себя в стране, мы повторяем: «это не наше дело». Когда исламские радикалы отнимают у людей право на нормальную жизнь, запрещают книги и Всемирную сеть, заставляют жить по шариату, мы опять говорим: «это не наше дело».

Но мы живём на одной планете, и пора открыть глаза. Зло не истребить, если делать вид, что его не существует. Диктатор Нгау действительно ничем не может навредить мировой безопасности и стабильности, и политики из Чжуннаньхая, Кремля или Белого дома не должны бы думать о нём ни в какой другой плоскости, кроме извлечения прибыли из отношений с ним.

И всё же ранним утром 11 сентября 2025 года за головой диктатора в Бангкок отправилась настоящая интернациональная армия. И солдаты этой армии, такие как Алессандро Вита, не задавали себе лишних вопросов и не интересовались, с какой это стати они должны сражаться и проливать кровь за неизвестных людей, да ещё так далеко от дома. Сегодня это неизвестный тебе тайский крестьянин, завтра – твой сосед по двору, чьего имени ты не запомнил. В чём разница между первым и вторым?

Никакой, считал Алессандро. Разницы нет. Потому что мы все – люди. И плохие парни, уроды всех рас и видов, мрази, которые думают, что им всё сойдёт с рук, потому что никому в этом мире нет дела до справедливости, заблуждаются. Потому что дело есть нам. И мы придём за их головами везде – от Ирака до Таиланда. Мы настигнем их везде, им не скрыться. Мы вездесущи, и все преступники получают по заслугам. Мы не военные – мы каратели, мы палачи.

Алессандро вспоминал 11 сентября другого года.

Теперь на месте башен-близнецов, не без гордости вспомнил он, отстроили новый комплекс. И там, где недавно виднелись печальные призраки Всемирного торгового центра, где был музей и где по ночам ввысь устремлялись два голубых луча, напоминая городу о трагедии, теперь вновь кипит жизнь – и новые небоскрёбы, на пятьдесят метров выше прежних, смотрят на Гудзон.

Алессандро сомневался, что хоть один из организаторов теракта дожил до этого дня. Но втайне он надеялся – желал, чтобы хоть один уцелел. Чтобы хоть один седой имам – из тех, кто призывал сжечь США в ядерном пламени, обращать неверных в ислам или вырезать, как скот, из тех, кто обещал молодым паренькам-шахидам девственниц в раю – выжил.

Сумел бы скрыться, убежал и – продолжая жить в вечном страхе, опасаясь каждого шороха, зная, что расплата неминуема, не имея дома, страдая и мучаясь, проклиная Аллаха – он бы увидел эти новые сияющие на солнце небоскрёбы, их отражение в синеве Гудзона. Увидел бы, что люди вновь ходят по этажам, куда двадцать лет назад он направил самолёты, увидел

бы, что американцы и люди со всего мира ходят там без страха, что христиане носят нательные кресты, а женщины не скрывают лица под паранджой.

И пусть эта старая облысевшая гнида с поседевшей бородой рыдает, потому что жизнь прошла напрасно. Им не удалось то, чего они больше всего хотели, – не удалось вселить в нас страх.

В наушнике раздались команды. Алессандро открыл глаза и пробежал взглядом по сводке данных. Через пять минут высадка.

– Готовсь, ребята! – крикнул он, поворачивая голову к своим. – Пять минут!

Те оживились, привычно проверяя оснащение и парашюты за спинами. Один за другим они поднимались со своих мест, отстёгивали ремни и надевали лицевые маски. В визорах их чёрных шлемов горели красные огоньки, и Алессандро пришло в голову, что подобный дизайн сделали специально – воин должен внушать страх. Ребята в лицевых масках и в камуфляжных костюмах, с ранцами парашютов и автоматами взаправду походили на тёмных ангелов, пришедших собрать урожай грешных душ.

«Что же, – усмехнулся Алессандро, – так и есть. Мы идём за душами грешников...»

– Три минуты, – напомнил ему голос в наушнике. Вслед за этим он услышал переговоры командиров. Три отряда уже выбросились, на подходе была тяжёлая техника. Судя по всему, враг не ожидал атаки, его даже не было в зоне видимости. Значит, самое сложное, что предстоит на первом этапе, – перегруппировка. Алессандро был спокоен за своих ребят: штурмовой спецназ войск Евросоюза, лучшие из лучших, они знали своё дело.

Раздался предупредительный сигнал, и задний люк самолёта медленно опустился, как трап, приглашающий всех желающих ступить в черневшую под ними грозовую тучу. Лучи восходящего солнца освещали голубое утреннее небо вокруг, внизу сгушались тёмные облака.

– Трахнем их! – крикнул Алессандро и с удовлетворением услышал ответное:

– Да сами трахнемся!

Они выстроились у люка. Алессандро встал в первом ряду и размял шею, хрустнув суставами. Тремор прошёл, но сердце билось, как перед самым первым прыжком.

Сигнал. Переглянувшись с ребятами, Алессандро пробежал два метра до люка и нырнул в бездну, отдавшись на волю бури. Он почувствовал её кожей, ветер льдом резанул незащищённые уголки шеи, он услышал его завывания и полетел куда-то вбок – его сносило потоком воздуха.

Он развёл руки и ноги, став похожим на бабочку; повернул голову направо, наблюдая за падением своих ребят, и на несколько секунд оказался ослеплён солнцем, пока визор не уменьшил яркость изображения. Через несколько секунд солнце пропало, пропало и голубое небо – Алессандро теперь смотрел только вниз, через серую тучу. Темнота обступила его, он летел как в тумане; вдруг на секунду всё прояснилось, сверкнула молния. И ещё одна. И ещё.

Всё-таки будет ливень, подумал он, стараясь контролировать дыхание. Глубокий вдох и резкий выдох. Глубокий вдох и резкий выдох. Сердце стучало громче, чем гремел гром. «Это нормально, так всегда и бывает, как будто ты сам не знаешь...»

Визор вывел информацию, что десантировался весь отряд; Алессандро увидел свет во тьме: падение заканчивалось. С ошеломительной скоростью он пронёсся сквозь нижний слой тучи и, чувствуя на спине влагу от начавшегося дождя, увидел внизу отмеченные на визоре красные и синие крыши деревеньки, тёмные пятна прудов и реку. Ярко-оранжевым была подсвечена дорога.

Автоматика костюма сработала, выбрасывая парашют – Алессандро потянуло вверх, потом резко бросило в сторону; он схватил руками стропы, спрямил падение и направился к дороге, куда указывал визор. Передовые части уже приземлились и заняли позиции.

Вокруг себя, в небе, Алессандро видел множество оранжевых огоньков – десантников, а аккуратно над дорогой медленно опускались огромные, похожие на одуванчики парашюты. Прибыла тяжёлая техника.

Где-то слева Алессандро услышал выстрелы, и небо озарилось красными всполохами. Впереди, в районе Бангкока, поднималось зарево пожара. С залива подходили корабли, готовые начать высадку. Ветка молнии пробежалась по небу, ударил гром. Алессандро вновь начал различать своё дыхание и биение сердца. Визор перешёл в ночной режим, и Алессандро приземлился в поле возле дороги. Повисла напряжённая тишина.

Он поймал землю ногами, тяжёлыми подошвами коснулся каменистой почвы в высокой траве, удержался на ногах, нажатием кнопки отстегнул парашют, пробежал по инерции несколько шагов вперёд и присел на одно колено. Поднял голову в небо и ещё раз убедился, что оно полно огней. До самого горизонта, где гремела артиллерия, раскрашивая мрачное небо, его заполняли парашютисты.

– Альфа, – сказал Алессандро на штабной частоте. – Приземлился, начинаю сбор отряда.

– Поздравляю, альфа, – услышал он голос командира. – Головные части уже вступили в контакт в районе пересечения А-шесть и F-семь. Группируйтесь и продвигайтесь к ним.

– Каковы средства поддержки?

– Поддержка полная, – усмехнулся командир. – Кавалерия прибудет, когда мы очистим небо.

– Вас понял! – Алессандро встал в полный рост. – Приступаю.

Он переключился на частоту своего отряда, сообщил координаты точки сбора, которая тут же отобразилась на визоре, и бегом двинулся к ней. Подошвы хлюпали по вымокшей почве, вдавливая её гидравлическими усилителями. Мимо него, разбрызгивая жижу и взрѣывая двигателем, проехал БТР. Он смял ограду дороги, даже не приподняв носа. У него на боку Алессандро увидел два флага – немецкий триколор и звѣздную россыпь Евросоюза.

«Диктатор Нгау, – подумал он, – осталось недолго».

11 сентября 2025 года. Авианосец «Чжэн Хэ», Сиамский залив

Иоанн Касидроу первый раз в жизни находился на борту военного корабля; он бросился к иллюминатору вертолёта, как только корабль появился в зоне видимости. Сквозь предрасветный туман трудно было различить хоть что-то, кроме очертаний и огней на носу и по бокам, но Иоанна это не смущало.

Он видел, как несколько истребителей один за другим стартовали с палубы этого огромного судна – размером больше, чем футбольный стадион, больше, чем любой корабль, который Иоанн до этого видел. Вживую всё выглядело иначе, чем на картинке, вживую Иоанн буквально ощущал необузданную мощь огромного корабля.

Китайцы сами предложили использовать крупнейший авианосец ВМФ Китая для создания на нём оперативного штаба, и страны – члены Совета Безопасности после недолгих колебаний приняли это предложение. В заливе также находилось два авианосца ВМФ США и один русский, их очертания виднелись на горизонте, они высились над союзной флотилией, как титаны в войске лилипутов, поддерживая атаку на побережье.

Одним из первых предложений, озвученных на закрытом заседании штаба по проведению военной кампании, было использовать стратегические бомбардировщики и похоронить диктатора Нгау под сводами его дворца. К счастью, кто-то услышал молитвы Иоанна, и этого не случилось. С самого начала представительство ЕС в Тихоокеанском регионе выступало за точечную операцию, но не против Таиланда, а против режима диктатора: не война, а гуманитарная интервенция.

Иоанн не присутствовал на закрытом заседании штаба – его, занимающего должность помощника представителя ЕС по вопросам безопасности, туда не допустили, – но позже он узнал, что предложение исходило от американцев. Предсказуемо, думал Иоанн, это их стиль – выжечь всё дотла, спалить и военных, и мирное население, если придётся, но сохранить жизнь всем своим. За этот подход некоторые отдавали им честь стоя, но сейчас игра стоила свеч: мотивы Совета Безопасности можно было истолковать двояко, и Иоанн хотел выжать максимум из этой ситуации.

– Наша цель, – сразу определил Иоанн на брифинге для сотрудников представительства, – не военная победа, а нейтрализация террористов. Мы не воюем, мы проводим антитеррористическую операцию. Тхирасака Нгау заочно признан виновным в преступлениях против собственного народа и человечества.

– Мы выступаем не как военные, – подхватил его речь американский представитель позже, на пресс-конференции, – мы выступаем в роли международной полиции.

«Ему-то такой язык хорошо понятен, прямо-таки шериф из фильма Джона Форда, – хмыкнул про себя Иоанн, сидя в зале. – Хорошо, что мы наконец-то нашли достойное применение этой неуёмной американской энергии и американскому мессианству. Кто-то должен поддерживать порядок – так почему бы не они?»

После выволочки, которую отец устроил Иоанну на берегу Темзы, тот думал отказаться от предложения госсекретаря. Но воспоминание о строгом взгляде, каким Чарльз Касидроу смотрел на сына, разглагольствуя о будущем и об ответственности, победило – Иоанн сказал «да». Как выяснилось, не напрасно.

Представитель Европейского союза – швед, увлекавшийся оперным театром, – разговаривал только по-английски и обладал (по его мнению) изысканным чувством юмора. Работать с ним было одно удовольствие – они долго присматривались друг к другу, но всё изменилось, как только Иоанну поручили настоящее дело...

Вернее, вспомнив совет отца, Иоанн сам взял на себя ответственность. Когда в Таиланде случился переворот, пришедший к власти Тхирасака Нгау, естественно, объявил скорые выборы в парламент и курс на демократизацию страны. Через несколько месяцев «Международная амнистия» обратилась в ООН со сведениями о репрессиях в отношении политических оппонентов и их семей; в докладе утверждалось, что присвоивший себе звание генерала и называющий себя «диктатором» правитель начал этнические чистки среди китайского населения.

Диктатор отказался допустить на территорию страны комиссию ООН, но обвинения назвал «смехотворными». Иоанн полистал статьи, которые Нгау писал ещё до захвата власти, и обнаружил, что в них действительно проглядывает ксенофобия; те же расистские выпады повторялись и в его публичных выступлениях.

Возмутились китайцы, предъявив диктатору ультиматум, и это оказалось проблемой. Они не собирались согласовывать свои действия с Совбезом, считая агрессию в отношении китайского населения вопросом собственных национальных интересов. Американцы заявили, что, несмотря на объявленную «перезагрузку» в отношениях с КНР, они не допустят военной агрессии в отношении суверенной страны – члена ООН, коей является Таиланд.

Круг замкнулся, нужно было действовать. Китайцев продолжали отправлять в концлагеря, Китай приводил в боевую готовность армию, Нгау взывал к патриотизму сограждан и встречался с американским послом, генсек ООН осуждал «любое насилие»... А представитель Европы в это время находился в Вене – в роскошном зале Государственной оперы наслаждался «Саломеей» Штрауса. Иоанн не стал тратить время на согласование с Брюсселем или Лондоном (в обход указаний госсекретаря), а сразу вылетел в Пекин. И хотя полномочия Иоанна от имени Евросоюза пока никем не были подтверждены, одного звонка из представительства оказалось достаточно.

Иоанн знал, что отцу не понравилась его книга, но прессу она получила хорошую и пару недель продержалась на верхних позициях рейтинга «Нью-Йорк Таймс». «Император Михаил» стал бестселлером, рецензенты писали о «встрече Дэна Брауна с Кеном Фоллеттом» (что Иоанна коробило: он-то ждал сравнений с Умберто Эко) и роялти неплохо пополняли банковский счёт автора. Книгу уже перевели на французский, итальянский и немецкий, и буквально месяц назад издатели прилетали обсуждать перевод на китайский, так что успех был колоссальный.

Иоанн знал, что тщеславие – грех, но ничего не мог с собой поделать. Особенно сильно греховный огонь разгорелся в тот момент, когда перед ним раскрыли дверь кабинета, где помощник министра иностранных дел Китая Ван Шэнли сидел, положив ногу на ногу, и листал книжку, на мягкой обложке которой красовалось суровое лицо с поседевшей бородой и в короне. Он читал «Императора Михаила» и, когда зашёл Иоанн, первым делом попросил автограф.

– Интересно, – китаец сдвинул очки на переносицу. – Вы талантливый писатель.

– Спасибо, – ответил Иоанн. – Следующая книга будет о таиландском кризисе.

– Я... – он отложил книгу. – Я не слишком хорошо знаю историю Византии... Но, я так понял, император Византии Михаил был кем-то вроде императора Хунью, освободившим Китай от правления династии Цинь... монголов.

– Вероятно, да, – пожал плечами Иоанн. – Я знаю императора Юаньчжана, основателя династии Чжу. Он правил на сто лет позже Михаила, но история... случаются интересные повторения.

– Как трагедия, а потом как фарс? – уточнил китаец.

– Если быть невнимательным, – кивнул Иоанн.

– Мы не можем закрывать глаза на творящееся в Таиланде.

– Понимаю, – ответил Иоанн.

– И мы не отступим от своих требований.

– Да, – сказал Иоанн. – А что, если это будут не ваши требования?

Китаец молчал.

– Ультиматум не Китайской Народной Республики. Ультиматум Совета Безопасности ООН.

– И что за этим последует?

– Зависит от мистера Нгау, я полагаю.

– Совет Безопасности не придёт к соглашению.

– Придёт, – сказал Иоанн. – И если Нгау проигнорирует мировое сообщество ещё раз, то вы выступите против него, но не в одиночку.

– Миротворческая операция Совета Безопасности?

– Именно.

– А кто даст гарантию, – спросил китаец, – что Совет Безопасности не заблокирует резолюцию и мы не потеряем время?

– Я.

– Кто вас уполномочил?

– Европейский союз, – ответил Иоанн без паузы. – Европа.

Китаец извинился и пообещал донести сказанное Иоанном до министра иностранных дел. На большее Иоанн и не рассчитывал; он был готов и к взбучке, которую ему устроило начальство, – все пять часов полёта обратно в Джакарту он сидел с телефоном, из которого сначала любитель оперы, потом его коллега из Пекина, а потом и сам министр ЕС проорали ему все уши.

Но блеф Иоанна сработал. Китайцы и представить себе не могли, что Иоанн действовал в одиночку: они решили, что правительство Евросоюза предлагает им тайное соглашение, которое по дипломатическим причинам не может быть озвучено в официальном порядке. Сам Евросоюз оказался в патовой ситуации, но министр иностранных дел оценил выгоды от предложения Иоанна и сумел выбить у правительства согласие на срочные переговоры с американцами. Китайцы же сделали мудрый шаг, акцентировав внимание на нарушениях прав человека и преступлениях против человечности вообще, а не только против этнических китайцев; они согласились на равноправное участие Европы и США в послевоенном восстановлении Таиланда при полном финансовом обеспечении со своей стороны. Иоанн аплодировал им стоя.

Когда через четыре дня созвали Совет Безопасности, то резолюцию, предложенную китайской стороной, поддержали все постоянные члены. Последней проблемой могла стать позиция России, но её экономика как раз начала выходить из рецессии, и новоизбранному президенту требовалось укреплять свой международный авторитет. Он поддержал китайцев сразу и без вопросов.

Так что Иоанн имел ещё один повод для гордости: своей инициативой один маленький дипломат заставил прийти к согласию самых влиятельных людей мира, и главное, как любил повторять про себя Иоанн, его усилия принесли реальный успех. В свете произошедшего министр ЕС повысил Иоанна, назначив его своим личным представителем по тайландскому кризису. Грубо говоря, представителем по делу свержения режима Нгау.

Когда министра спросили, не боится ли он, что Иоанн выкинет ещё какой-нибудь сумасбродный трюк, тот ответил, что именно для придания трюку благопристойности он и наделил Иоанна полномочиями. Достоинно.

И вот теперь, спустя полгода после начала кризиса, уже после демонстративного отказа Нгау повиноваться Совбезу и новой резолюции об установлении бесполётной зоны над Таиландом и начале миротворческой операции, Иоанн находился в командном пункте коалиции, на авианосце «Чжэн Хэ». Вместе с собравшимися здесь генералами он наблюдал за ходом операции. Иоанн никогда не был ни на военных учениях, ни тем более на войне, и происходящее

напоминало ему дорогой и тщательно детализированный военный фильм, но невероятно растянутый.

Утомительным было ожидание, сопровождавшееся грохотом канонады со стороны берега и шумом взлетающих с палубы самолётов; утомительным было согласование решений по вертикали командования, утомительны были юридические консультации. И хотя Иоанн находился здесь по прямому распоряжению министра, делать ему было решительно нечего. Оставалось только сидеть и волноваться, поглядывая в иллюминатор на восход и пролетающие мимо самолёты.

Он скучал до тех пор, пока не началась операция по высадке. На экранах, заполнявших всё пространство командного пункта, с разных ракурсов показывали берег и Бангкок – над сушей ползли низкие чёрные тучи, и пламя от сгорающей вражеской техники и укреплений, накрытых огнём авиации, освещало мрачную панораму. На тактической карте Иоанн видел, что враг правильно определил направление основных ударов на суше и развернул войска на подступах к городу, но надеяться ему было не на что.

За последние несколько часов более половины боевых единиц диктатора Нгау было уничтожено ударами с воздуха. Статистика обновлялась в реальном времени, шансы диктатора таяли с каждой минутой. На самом деле, знал Иоанн, шансов у него не было с самого начала – как только китайцы направили свой ультиматум и как только один молодой наглый дипломат, рискнув карьерой, совершил дерзкий рейд в Пекин... где помощник министра иностранных дел Китая оказался любителем современной английской литературы.

Иоанн подозревал, что книжку ему привезли в лучшем случае за час до встречи, но его это не заботило. Китаец знал, что к нему на переговоры летит молодой дипломат с интересным предложением, год назад опубликовавший роман. Разумным и профессиональным показалось ему хотя бы пролистать книгу, готовясь к встрече.

– Вид на дворец! – сказал кто-то.

На главном экране появилось изображение дворца Читралада, где предположительно находился диктатор. Картинка с беспилотника, несмотря на расстояние и непогоду, моросящий дождь и полное отсутствие света на улицах, была чёткой. Судя по количеству охраны и патрулей, диктатор действительно не пожелал покинуть дворец и скрылся там. По его душу уже вылетела группа захвата.

Основополагающий принцип кампании – сохранить жизни людей. Авиация наносила лишь точечные удары по военным объектам, город не бомбили; приоритетом оставалось не уничтожение армии, верной диктатору, а захват в плен самого диктатора, после чего сопротивление стало бы бессмысленным, и жизни несчастных тайцев, вынужденных с оружием в руках защищать своего мучителя, были бы спасены.

– Он прикрывается мирным населением, – заметил американский генерал.

– Заложники? – откликнулся кто-то.

– Наверняка. Дворец должен быть ими полон.

– Может, возьмём его измором?

– Он попытается сбежать.

– Да ему некуда бежать.

Иоанн слушал оживлённые споры пожилых людей, нервничавших перед экранами и отдававших распоряжения. Он думал, насколько же правильно поступил. Диктатор Нгау может приставить пистолет к виску своей жены, своих детей, невинных случайных людей с улицы; может подставить под удар мирное население, но всё это отсрочит его конец лишь на пару минут.

Тактическая карта вскоре показала, что армия, защищавшая Бангкок, перестала существовать. Коалиция потеряла пятьдесят человек. Танки вошли в город. Диктатор потерял последний шанс сбежать.

11 сентября 2025 года. Бангкок

Самый молодой парень из отряда Алессандро, шотландец Каллум, крикнул:

– Берегись!

Каллум нравился Алессандро. Для него это была первая боевая операция, но Алессандро, хотя и попросил Громилу присматривать за ним, был в нём уверен. Голова на месте, с реакцией порядок, соображал он быстрее самого Алессандро, а в остальном помогал визор. На вид он был худым и костлявым, но объём мышц не влияет на скорость полёта пули, а стрелял Каллум снайперски.

Ему было всего двадцать три, в армию он пошёл вопреки воле родителей. Они, состоятельные финансисты из Эдинбурга, уже приготовили ему хлебное местечко в одном из частных шотландских банков, но парень решил попробовать счастья в другом деле. И вот теперь он, весь в грязи, в тёмно-синей униформе ударного спецназа войск Евросоюза, с автоматом наперевес стрелял по тайцам в Юго-Восточной Азии, за десять тысяч километров от родного дома; он увидел беспилотник, на стальном мокром корпусе которого отражались всполохи огня, и крикнул «берегись!», потому что, хотя визор и промолчал, сам он понял, что это беспилотник врага.

Если для кого-то и было загадкой, почему сын богатых родителей из Эдинбурга предпочёл личному кабинету в небоскрёбе свист пуль и разрывы снарядов в Азии, то только не для Алессандро. Алессандро отлично понимал, что двигало этим парнем. Каллум и сам говорил:

– Один раз живём, сэр! – и заливался смехом. – Просидеть жопу всегда успеем!

Каллум не хотел обижать родителей (а Алессандро знал, что без крупной ссоры не обошлось). Каллум просто хотел испытать себя. Это естественно для мужчины. Он не собирался делать карьеру в армии, хоть у него был талант, который определил его назначение сюда. Он просто хотел испытать себя. Отказаться от всего, что его окружало раньше – не навсегда, на время – и посмотреть, сможет ли он выдержать. Доказать себе. Поспорить – только с самим собой. В армии ЕС служили только добровольцы. И все здесь спорили только с собой.

Алессандро порой жалел, что у него не было возможности сделать выбор. Его отец был военным, и Алессандро с детства знал, что хочет пойти по его стопам. Когда он записался в армию, а потом перевёлся в только что сформированный усилиями британского политика Чарльза Касидроу элитный отряд ударного спецназа войск Европы, он делал это ради отца. Но не только.

Его не заставляли идти в армию, и Алессандро точно знал, зачем он сейчас в Азии. Он верил, что это правильно, потому что башни-близнецы до сих пор горели в его памяти. Он не мог поступить иначе. Он понимал, что для него нет и не будет другой дороги, кроме как брать оружие и подчиняться приказам – поступать так, как поступал его отец, поступать правильно.

А вот у Каллума был выбор. И Каллум его сделал, и за это Алессандро уважал его вдвойне.

– Берегись! – крикнул Каллум, и Алессандро понял, что слишком полагался на визор. Тот почему-то не опознал вражеский беспилотник. Эта небольшая стальная штука спикировала, и из-под крыла у неё со вспышкой вылетела ракета. БПЛА целился в танк, за которым двигались Алессандро и часть его отряда; ракета ударила в броню, взрыв ослепил Алессандро, его обожгло, по визору побежали помехи.

Алессандро подбросило и отшвырнуло в сторону, он ударился спиной о что-то твёрдое, позвоночник выдержал, но хрустнул; заложило уши, и он увидел, как в абсолютной тишине сверкают взрывы и двигаются танки, бегут солдаты, прямо под тучами проносятся вертолёты, и Каллум широко раскрывает рот, продолжая кричать и указывая рукой на Алессандро.

Беспилотник, пустивший ракету, тут же подбили, и он, загоревшись, дёрнулся куда-то вбок, а потом завертелся в штопоре и падал прямо на Алессандро, и тот ясно видел, как эта маленькая комета, горящая головёшка разрывает дождевую пелену и летит на него.

Алессандро попытался встать, но тело отяжелело и реагировало на приказы слишком медленно. Алессандро понял, что сейчас погибнет; охваченный огнём пикирующий беспилотник – это огненный череп, который раскрыл челюсти и сейчас откусит ему голову. Он услышал визг, протяжный высокий стон в ушах, потом звон колоколов и пожалел, что не успел взять прекрасную девушку по имени Беатрис в жёны, потому что теперь компенсация за его смерть от правительства ЕС поступит только родителям, а ей так ничего и не достанется.

Алессандро пожалел, что дарил ей так мало подарков, и понадеялся, что теперь-то Беатрис найдёт себе кого-нибудь получше: того, кто, сделав ей предложение, не отправится воевать за неизвестных никому людей на другой конец света и не погибнет там по глупости, так и не успев ничего сделать; погибнет не спасая чью-то жизнь, не убивая врагов, а по ошибке тупого аппарата, который закрывал ему лицо и который не сумел вовремя опознать опасность.

На визоре в районе правого глаза лежала крупная капля, и свет от приближавшегося беспилотника отражался в ней. Засверкала молния, и Алессандро успел удивиться, что время остановило свой ход, замедлилось, и он успел всё это обдумать: представить квартиру родителей в Неаполе, дом Беатрис в Риме, ресторан на Капри, где они планировали сыграть свадьбу, телевизор с кадрами теракта 11 сентября, тучи, через которые он недавно прыгал, женщину, рожавшую в подвале в Пакистане, искажённое ненавистью лицо фрика, которому остаётся жить пару секунд, потому что Алессандро наводит на него дуло автомата и спускает курок, кровь и разорванные лица врагов, кишки, танковые колонны и вертолёт, произносящего речь Тхирасаку Нгау (ему предстоит умереть), и взрывы, и итальянские крыши.

Видения пронесли в его голове быстро, но каждое из них напоминало стоп-кадр, и на какое-то мгновение Алессандро перемещался туда, ощущая во рту кое-что кроме земли, крови и пота, слыша кое-что кроме мучительного звенящего стоны... Алессандро раскрыл рот, жадно глотнул влажного воздуха.

Беспилотник упал и взорвался; Алессандро прошила боль, его разорвало на части, мир потемнел.

11 сентября 2025 года. Авианосец «Чжэн Хэ»

– Поздравляю! – сказал китайский генерал американскому, они пожали друг другу руки, и американец похлопал коллегу по спине. Японский наблюдатель ограничился вежливым кивком, а главнокомандующий-немец прокашлялся, взял со стола микрофон для связи с войсками и громко произнёс:

– Операция «Стеклянный замок» успешно завершена, – он покосился на табло, где продолжали обновляться данные. – Хорошая работа, ребята. Всем спасибо. Поздравляем вас. Молодцы.

Иоанн пожал пару рук и поспешил выбраться из командного пункта. Диктатор Нгау даже не попытался оказать сопротивление: его нашли сидящим на кровати в тёмной маленькой комнатке дворца, комнатке для прислуги. Диктатор Нгау сидел и тупо пялился в разбитое окно. Он не сказал ни слова и вёл себя отстранённо. Ничего, думал Иоанн, международный трибунал разберётся, что за комедию он вздумал сыграть.

Радостным оказалось известие о минимальных жертвах среди гражданских. Даже армия и brave полководцы, которые обещали Нгау держать оборону годами, разбежалась через пару часов после начала операции. Точечные авиаудары подорвали их боеспособность, а наземные силы довершили дело. Когда на позиции прибыли основные силы коалиции, выяснилось, что воевать уже не с кем. Войну закончил авангард.

Боевой дух – важная вещь, но в этой кампании он сослужил тайцам дурную службу. Несколько тысяч бойцов, не пожелавших сложить оружие, были последовательно изолированы и уничтожены. Они не желали сдаваться в плен и погибли, быстро и бесславно.

«Зачем? За что? Кому нужны были эти жертвы, эти несколько минут? – бесился Иоанн. – Неужели им так хотелось почувствовать себя значимыми, почувствовать себя героями? Они что, думали, про их доблестную смерть будут слагать мифы? Что поколения потомков будут вспоминать их? Они думали, что отдадут жизни за своих родных и за свою страну? Неужели адреналин настолько переполнил их, что отключил мозг? Так может, виноватым в их смерти оказался не старый урод Нгау, а тестостерон, который из века в век заставляет несчастных парней умирать во имя непонятных вещей, умирать тупо и бездарно?»

Иоанн вышел на палубу авианосца. Небо посветлело и заполнилось облаками, солнце стояло в зените, а море совсем успокоилось. В отдалении Иоанн видел другие корабли, взявшие курс на Бангкок. Сверхзвуковой истребитель с оглушительным рёвом заходил на посадку.

В командном пункте стояли глушилки и пользоваться телефоном было запрещено, а Иоанну срочно нужно было доложить об итогах операции в Брюссель. Он включил коммуникатор и вызвал по защищённой линии офис министра иностранных дел Европейского союза. Тот был на работе и ждал известий. Звонок перенаправили, и Иоанн услышал голос шефа.

– Всё в порядке, – сообщил Иоанн. – Мы закончили. Пока потери в районе пятидесяти человек, сейчас будем уточнять.

– Нгау?

– Арестован.

– Хорошо, – сказал министр. – Сколько убито?

– Нет данных. Не много.

– Когда будет информация?

– Час-два... Горожан почти не зацепило. Пара случайных попаданий в жилые дома, и ещё на военных объектах...

– Завёл гражданских на военные объекты?

– Да, на точки ПВО.

– Вот тупой ублюдок... Это было и в Ираке, и Ливии. Могли предусмотреть.

– Предусмотрели. Были разведанные. – Иоанн невольно улыбнулся, глядя на истребитель, из которого вылезал пилот – он снял шлем и оказался привлекательной женщиной-блондинкой. – Но альтернативы никакой. Пришлось бомбить.

– Да ясно.

Министр помолчал.

– Ты сам как?

– Нормально. Главное, что это закончилось.

– Я тобой доволен.

– Рад слышать, министр.

– Ты должен посетить Бангкок. Проведи там брифинг для прессы... Отдельный от ООН и американцев. Потом покажись перед войсками, которые пока остаются там, пожми пару рук и вылетай ко мне.

– Мне лететь через Джакарту?

– Лети сразу ко мне с рапортом!

– Пресса будет интересоваться, какое участие мы будем принимать в демократизации...

– Всё вали на ООН. ООН и американцы – вот спецы по демократии, а мы готовы помочь советами и финансами, но никакой конкретики.

– Я вас понял.

– У меня на связи Уайтхолл, держи меня в курсе, – министр отключился.

«Сразу ко мне с рапортом», повторил про себя Иоанн. Он надеялся, министр снимет его с Таиланда и обустривать разрушенную диктатурой страну пошлёт кого-нибудь другого: оратор на перепуганных, неотёсанных местных чиновников и бодаться с солдафонами? Нет, даже прозябание в Джакарте на всех этих скучных приёмах с кучей документов интереснее. Впрочем, министр действительно был доволен, Иоанн понял это по его голосу.

Сомнения, возникавшие каждый раз, когда камера с беспилотника показывала сторевшие тела, ушли; лёгкий бриз остудил разгорячённую кожу, и Иоанн вздохнул спокойно.

Всё удалось. Стены «Стеклянного замка» оказались с трещинами. И автором-вдохновителем этой военной кампании, в ходе которой из рабства были освобождены миллионы людей, а от смерти спасены тысячи, в ходе которой сильнейшие державы Земли объединили усилия против общего врага, преступника, Иоанн имел право считать себя.

Он может не только писать книги, как думает отец, и копаться в архивах, изучая события давно минувших лет. Он может и сам вершить историю. Стоя на палубе крупнейшего авианосца второй крупнейшей армии мира, ощущая за своей спиной всю объединённую силу коалиции – «Великой Коалиции», как окрестила её «Чайна дейли», – Иоанн видел свою маленькую тень на водной глади рядом с громадной тенью от рубки корабля... Но в какой-то момент ему показалось, что его тень значительно больше.

28 июня 2026 года. Брюссель

Либеральное правительство проиграло выборы и ушло в отставку, а государственный секретарь Форин-офиса Великобритании (по совместительству второе по влиятельности лицо в министерстве иностранных дел Евросоюза) покинул свой пост.

Иоанн вошёл в Треугольный дом, и его проводили в кабинет министра. Из него был вид на парк: накрапывал лёгкий дождь, ветер оживлял кроны деревьев. У министра был усталый вид, и он, извинившись перед Иоанном, постоянно пил воду из пластиковой бутылки. Ему было пятьдесят четыре, и он обожал греблю, о чём свидетельствовали фотографии на стене и расставленные на полке призы.

– Ты хочешь уйти? – спросил министр, когда Иоанн попросил подписать прошение.

– Меня назначил прежний госсекретарь, – объяснил Иоанн. – У нового наверняка есть своя кандидатура.

– Дело в смене правительства?

– Да.

– Ты знаешь нового госсекретаря?

– Нет, – ответил Иоанн. Они и правда не были знакомы лично, но его сокурсница из Аббертона работала в штабе консерваторов и по секрету сообщила Иоанну, что серьёзных кадровых перестановок не планируется (особенно в сфере внешней политики, которую так сложно согласовывать с Брюсселем).

– А я знаю, – сказал министр, и сделал несколько жадных глотков. Работал кондиционер, но ему всё равно было душно, и он оттягивал с шеи узел галстука. – Мы действительно планировали убрать тебя из Джакарты.

– Да, я понимаю это, но...

– Нет, – сказал министр. – Все высокого о тебе мнения. Новый госсекретарь – мы разговаривали вчера вечером – хочет вернуть тебя в Лондон.

Иоанн молча вглядывался в глаза министра. Тот опять пил.

– Он хочет сделать тебя своим заместителем, – заявил министр. – И спрашивает, отдам ли я тебя.

– И что вы сказали?

– Ну, видимо, теперь это уже не моё дело. Так что я спрошу ещё раз: ты хочешь уйти?

– Сейчас – да. Я прошу прощения, но...

– Не надо. Только не ври, что проблема в новом госсекретаре.

– Вы и так всё знаете, – ответил Иоанн.

– Ты хочешь работать над сценарием для своего фильма?

– Да. И для этого нужно время.

– Я могу дать полгода, – предложил министр. – Отпуск. Устроит?

– Это будет законно? – спросил Иоанн.

– Не наш с тобой вопрос. Полгодика отдохнёшь, напишешь свой сценарий, поболтаешься в Голливуде и вернёшься.

– На какую должность?

– Посмотрим. Не волнуйся, думаю, я найду, чем тебя занять...

– Простите, но я не уверен. Мне нужно будет быть в Лос-Анджелесе и присутствовать там... Потом ведь ещё правки, согласование, съёмки. Полгода не хватит.

– А что думает отец?

– Не знаю, – соврал Иоанн. – Это моё решение.

– Тебе так важен этот фильм?

– Да, он для меня важен.

- И тебе недостаточно просто написать сценарий?
- Нет... Посмотрим, что позволит мне режиссёр, но я хочу в этом участвовать.
- Я не буду тебя держать, – сказал министр. – Но и не отпущу тебя.
- Я понимаю.

– Лети в Джакарту, собирай вещи и занимайся своим фильмом, – он допил бутылку, спрессовал её и выкинул в урну под столом. – А когда наиграешься с камерами, возвращайся. У нас тут очень много работы. А ты ценный сотрудник, Иоанн, и не потому, что твой отец... и не потому, что ты окончил Аббертон.

– Спасибо, министр.

– За три года работы, господин Касидроу, вы сделали больше, чем многие успевают за тридцать лет. – Министр помолчал. – Так что наслаждайтесь Западным побережьем. И привет Чарльзу!

Иоанн покинул Треугольный дом, но на душе у него легче не стало. Ему готовили повышение, а он собрался всё бросить. «Я бы стал заместителем госсекретаря в двадцать семь лет, – подумал Иоанн. – Интересно, был бы это рекорд?..»

Возник соблазн передумать, но он быстро одёрнул себя. Возможно, он и ошибся, но отец когда-то рассказал ему об ответственности и готовности защищать принятые решения, так что сомнения он переборол.

Иоанн сделал не то, что должен был, а то, чего хотел. Дело ведь было не только в том, что права на экранизацию его книги приобрели «Уорнер Бразерс» и режиссёр Кристофер Эплауд позвонил и лично попросил Иоанна принять участие в работе над сценарием.

Иоанн без малейших колебаний ответил согласием потому, что ему до смерти надоела работа. Операция «Стеклянный замок» так и осталась вершиной его карьеры и самым ярким впечатлением; с тех пор он погрузился в рутину, высчитывая доли процентов в договорах, повинувшись маразматическим директивам правительства, и постоянно трепал языком, произнося заученные формулы о «благожелательном отношении», «всесторонней поддержке», «надежде на развитие сотрудничества», «резком неодобрении». Его тошнило от мелочности приказов, которые он был вынужден исполнять, и от беззубости, бессмысленности слов, которые был вынужден зачитывать.

А что хуже всего – это отнимало все силы и всё время: у Иоанна не оставалось и часа в день, чтобы сесть за клавиатуру и написать что-то. У него не оставалось времени придумать сюжет для новой книги, хотя идеи приходили постоянно, и он даже начал пару вещей, но с тех пор ни разу к ним не притронулся. Он с трудом выкроил неделю на презентацию китайского издания «Императора Михаила» в Шанхае, Пекине и Чунцине, и всё равно промо-тур пришлось прервать, потому что Нью-Дели решило поиграть мускулами, и Пакистан закрыл границу...

Издатели устали напоминать Иоанну о том, что у них уже подписан контракт на вторую книгу; перестали приглашать его на мероприятия, проходившие преимущественно на оси Нью-Йорк – Лондон. Иоанн жаждал славы и признания и сам это прекрасно понимал; возбуждение, которое он испытывал, сидя и подписывая дорогой ручкой экземпляры своей книги, было сравнимо лишь с окрыляющим чувством победы, которое он испытал на борту «Чжэн Хэ».

Иоанн решил, что сполна отдал долг своей стране и послужил ей достаточно, что бы там ни говорил отец. Это его жизнь, и это ему решать, как ею распорядиться. Он знал, что его работа в Джакарте приносила много пользы (в прямом смысле спасала жизни), но там он терял свою собственную жизнь и явно был не на своём месте. Пусть другие заступают на караул, решил Иоанн, и, хотя пообещал министру вернуться, знал, что обещание не исполнит.

Ему хватило Таиланда, и он планировал написать об этом мемуары. Удача повлиять на ход истории выпадает раз в жизни, подвёл черту Иоанн, однажды она ему выпала, и он счаст-

лив. У многих и такого шанса нет. Теперь, в благоденствии, он собирался посвятить жизнь творчеству.

9 октября 2044 года. Пхеньян

– То есть вы эмигрант?

– Я бы не хотела, чтобы это было моей единственной характеристикой, – рассмеялась Элизабет. Они плыли на яхте по какому-то южному морю, возможно Средиземному, за бортом пенилась вода, и изредка из лазури появлялся массивный синий кит – как живой, он мелодично гудел и стрелял в небо белым фонтаном. Брызги долетали до наблюдателей на палубе, но их было слишком много, одежда намокала. Элизабет отметила про себя, что настройки капель от струи кита нужно отредактировать: люди любили ощущения в виртуальной реальности и хорошо за них платили, но баланс между приятными и неприятными, вроде обрызганного пиджака, всегда должен сохраняться в пользу первых. – Я предпочитаю называть себя гражданкой мира.

– Может, есть смысл в этих разговорах о введении сетевого гражданства? – улыбнулся её собеседник – молодой мужчина в бежевом смокинге и красной бабочке. Он облокотился о бортовые перила и отпил глоток шампанского из хрустального бокала. – Вы бы могли стать гражданкой своего сетевого царства...

– Некоторые люди не видят разницы между виртуальным миром и реальным, – пожалала Элизабет плечами. – Они вживляют себе коммуникаторы прямо в мозг, достигают максимальной полноты ощущений и всё время живут...

– Не там, но и не здесь.

– Именно. Я к ним не отношусь.

– Не представляю, как можно не видеть разницы, – сказал он. – Они даже сексом занимаются онлайн и получают от этого наслаждение такое же, если не большее... Вы были когда-нибудь на море?

– Так – никогда.

– Это не настоящее море. Какое-то лакированное. Всё время остаётся ощущение... пародии.

– Алексей, не у всех есть средства полететь на Лазурный берег и арендовать яхту.

– Простите. Не хотел вас обидеть.

– Откуда вы?

– Я из России.

– Москва?

– Владивосток, у нас с вами один часовой пояс.

– Вот видите, я в Пхеньяне, вы – во Владивостоке, но мы стоим друг напротив друга, нас обдувает ветер и по нашему желанию может зайти солнце.

– Но не настоящее солнце.

– Оно как настоящее, – Элизабет посмотрела за горизонт. – Для миллионов людей это единственная возможность увидеть такой закат и пожить этой жизнью... Почему вы хотите их этого лишиться?

– Элизабет, – сказал Алексей, – я не знаю вашей биографии. Где вы родились?

– Я не знаю, где родилась, – ответила она. – Я приехала сюда из Дели.

– Вы могли бы остаться в Дели и наблюдать этот закат оттуда. Но вы уехали, вы эмигрировали в Северную Корею, вы сделали это в реальном мире. Вы выбрали его, а не эти сказки.

– Я же сказала, я не отношусь к тем людям.

– Вы знаете, насколько вам повезло?

– Простите?

– Две трети мигрантов, – сказал он, – десятки тысяч людей были отправлены обратно. Все они поверили в щедрые обещания Нам Туена... две трети прибывших забраковали как больных, нетрудоспособных или негодных к обучению.

– Это закрытая информация. Откуда вам это известно?

– Моя компания ведёт дела в Северной Корее, – ответил Алексей. – Мы строим термо-ядерную электростанцию в Синчхоне. Так вы знали?

– Цифр я не знала. Но, думаю, вы говорите правду: наши первые собеседования длились по нескольку часов, и люди часто выходили заплаканные, некоторые падали без сознания. А потом, когда нас отправили в обучающий центр, примерно четверть тех, с кем я училась, не смогли сдать экзамены.

– А знаете, что инструкции чиновников миграционной службы писал лично Нам Туен?

– Я слышала об этом, но, полагаю, у него были помощники.

– Вы когда-нибудь видели его?

– Лично? Нет. Вы?

– Нет.

– Но он спас мне жизнь, – улыбнулась Элизабет. – Меня, в отличие от всех этих людей, он не обманул.

– Это только ваша заслуга, – серьёзно сказал Алексей. – Вы смогли создать всё это...

– У меня тоже были помощники, – рассмеялась Элизабет.

– Не скромничайте, – покачал головой Алексей. – Вы с нуля сумели создать одну из крупнейших корейских сетевых компаний... Сколько вам лет, кстати?

– Это бестактный вопрос.

– Извините. Я читал в Сети, что вам нет и двадцати пяти...

– Обтекаемая формулировка. Мне двадцать четыре года.

– Это поразительно. Я восхищаюсь вами. Сколько лет вы потратили...

– Вот потому-то я и пытаюсь сделать так, чтобы в Сети обо мне не писали, – улыбнулась Элизабет. – Из-за всех этих расспросов. – Она посмотрела на кита, который снова появился из воды, демонстрируя новую анимацию. – Я приехала в Пхеньян пять лет назад. У меня не было билета, и в поезде Дели – Пекин я выдавала себя за проститутку.

– Невероятно.

– Мне самой трудно сейчас это представить, – соврала она. – Но тем не менее... После того как я год просидела в образовательном центре... Несколько месяцев работала в колл-центре, где был дефицит людей со знанием хинди. Потом устроилась секретаршей в строительный департамент... а в свободное время заводила по Сети друзей и думала, как бы заработать.

Она рассмеялась, но Алексей оставался невозмутим. Тогда Элизабет развела руками и показала на окружающий пейзаж.

– Вот так я и решила продавать впечатления. Нашла людей, взяла кредит... Удивительно, что до меня никто не додумался до этой простейшей мысли...

– Дать возможность ощутить дополненную реальность даже тем, у кого нет денег на дорогой коммуникатор, – кивнул Алексей. – Вы потрясающая женщина, Элизабет, я хочу, чтобы вы это знали. Простите за неловкий комплимент.

– Извинения приняты.

– Вы слышали о нейробиологическом программировании?

– Шутите? Я изучила всё, что могла.

– И вы верите, что это двери в новый век?

– Эти двери будут доступны лишь избранным, – ответила Элизабет, – вроде вас.

– Или вас. Весь мир, каким мы его воспринимаем, это просто набор сигналов, поступающих в наш мозг. Если подавать верные сигналы, то нет никакой разницы, происходит ли это с нами на самом деле. Это уже не дополненная реальность. Это изменение самой реальности.

– Пока нет данных, насколько оно действенно.
– Но его же используют не только для создания иллюзий. Думаете, в ООН обсуждали бы развлекательную программу?

– Вы считаете, НБп работает?

– Мне оно помогло.

– Да ладно, – удивилась Элизабет. – Вы им пользовались?..

– У меня был рак, – сказал Алексей, – рак крови, два года назад. Но теперь я абсолютно здоров. Прошёл курс НБп четыре месяца назад.

– Сколько это стоило?

– Моя очередь сказать про бестактный вопрос.

– И всё же?

– Небольшое состояние, – кивнул Алексей. – Но у меня не было выбора. Нанобомбы уже не помогали, слишком поздно диагностировали... В своё время не установил датчик здоровья и пожалел об этом.

– И как ощущения от НБп?

– Три процедуры. Никакой боли, ничего подобного. Вообще никаких ощущений. И я здоров. Лимфомы нет, и больше она не появится. Меня перезагрузили, как компьютер. Спасибо Стивену Голду, что я стою сейчас перед вами.

– А вы стали... другим?

– «Новым человеком», да? – засмеялся Алексей. – Так сейчас говорят? Я считаю, они преувеличивают, этой проблемы не существует.

– Но всё же?

– Нет, у меня ведь был лечебный, а не полный курс... Без изменений характера, когнитивных функций, регуляции эмоций. Я себя полностью устраиваю.

– Простите за допрос, – засмеялась Элизабет. – Но я впервые встречаю... вижу человека, который прошёл НБп. Мне безумно любопытно.

– Как и мне, – засмеялся в ответ Алексей. — Я через десять дней буду в Пхеньяне и буду счастлив, если вы захотите продолжить свой допрос в реальном мире.

– Я жду приглашения.

... На этом их диалог оборвался; две недели спустя, глядя через окно монорельса на гостиницу Рюгён, громадную стеклянную пирамиду в центре города, соединённую перемычками с окружающими небоскрёбами, Элизабет вспоминала их разговор в деталях. Они тогда обменялись контактами и разошлись: Алексей отключился от симуляции, а Элизабет вышла из режима прямого включения и устроила совещание по поводу брызг от струи кита и некоторых мелочей экстерьера. Ей не нравилось, как вели себя альбатросы, и девушка с раздражением вспомнила, что их программу так и не переписали.

У неё работали профессионалы – после недавнего сокращения она оставила всего тридцать шесть человек, но у маленькой команды есть как преимущества, так и недостатки. Элизабет не платила им зарплату – они получали нефиксированный доход от прибыли компании и потому работали не покладая рук, но успевали не всё. «Альбатросы – не главное, – успокоила себя Элизабет, – ты волнуешься из-за встречи, и альбатросы – просто предлог, чтобы выпустить пар...»

Элизабет смотрела на Рюгён: она видела фотографии старого Пхеньяна, до Объединения, и на них здание Рюгёна казалось чужеродным и уродливым, особенно рядом с однотипными, низкими и убогими строениями вокруг. Теперь же, опоясанный магистралями, висячими парками и пешеходными зонами, дополненный комплексом высоток, Рюгён сиял, став тематическим центром пейзажа. Несмотря на туман и низкую облачность, Пхеньян сверкал – город перестраивали, и здания вырастали по строгому плану, не перекрывая друг другу обзор и оставляя широкие просветы для солнца и автомобильных магистралей. Элизабет изучала

планировку, когда работала в департаменте строительства, и знала, как много сил приложено к тому, чтобы одновременно ликвидировать коммунистическое архитектурное наследие и создать новый облик современного Пхеньяна.

«Как это случилось? – задавалась вопросом Элизабет, пока чистый полупустой вагон монорельса мчал её ко входу в Рюгён. – Есть ли имя у этих чудес, которые преобразили и город, и страну, и мою жизнь?..»

У этих чудес было имя. Над дверями и окнами вагона тянулись рекламные щиты, и на одном, рядом с трёхмерным изображением нового коммуникатора и улыбающейся девушки, протягивающей вперёд свои протезированные, неотличимые от органических руки, красовалось лицо Нам Туена.

Его улыбка подрагивала, но морщинки у глаз выдавали (или должны были выдавать) её искренность. Он иногда моргал, и в это время фокус изображения смещался на глаза – у него были голубые глаза, большие и круглые, почти как у европейца. Он просто улыбался с плаката и смотрел на пассажиров: не было ни бегущей строки, ни агитационного лозунга, ни даже его имени – а ведь приближались парламентские выборы, и правящей партии предстояла серьёзная борьба за электорат северных территорий.

Одним хмурым зимнем утром, когда вдоль дорог лежал грязный снег, а Элизабет, кутаясь в старое пальто, шла на работу пешком (не было денег на билет), мимо неё проезжал кортеж. Четыре тёмных автомобиля остановились на светофоре, как будто на крышах не были закреплены проблесковые маячки, а на бамперах – правительственная серия номеров NT01. Когда Элизабет поравнялась с кортежем, который ожидал зелёного сигнала, то поняла, почему прохожие замирали и менялись в лице. На заднем сиденье одной из машин сидел Нам Туен и махал рукой прохожим. Окно было открыто, и Элизабет запомнила его руку в чёрной обтягивающей перчатке. Его лица она не разглядела – светофор переключился, и кортеж тронулся. Тем же вечером в Сети Элизабет прочла, что это давняя привычка Нам Туена, не закрывать окно машины и смотреть на людей без преград в виде бронированных стёкол. За прошедшее десятилетие он стал любимцем всей нации, если не всего мира – последние несколько лет Элизабет только и читала в новостях о бесконечных поездках Нам Туена по Азии. Увидеть его на улице Пхеньяна было шоком, но не неожиданностью.

Это был её третий год в Корее; с тех пор Элизабет ушла с работы, на банковский кредит по льготной безналоговой программе для мигрантов открыла компанию по оптимизации сложной виртуальной реальности для маломощных устройств, разбогатела и отдала все свои долги. Конечно, её жизнь была вовсе не такой лёгкой, как она живописала Алексею на их сетевой встрече: после окончания курса в центре обучения, где их ничему не учили, а только заставляли проходить бесконечные тестирования по правилам поведения в корейском обществе, её поселили в однокомнатной квартире в новом квартале на востоке города и обязали выплатить половину её стоимости в течение двух лет.

С ней жили японцы, корейцы, арабы и китайцы и даже несколько европейцев – ими завладела «корейская мечта», но Корея не собиралась им помогать. Их оценили, дали жильё и право на работу, минимальные гарантии медицинского обслуживания, но что делать дальше – поступать в университет?.. работать?.. где?.. – выбор оставался за ними.

На первые заработанные деньги Элизабет купила себе старенький коммуникатор и по ночам стала пропадать в Сети; ей были недоступны сервера дополненной реальности, и тогда Элизабет подумала, как здорово было бы оптимизировать эти сложные программы для небогатых людей. В Сети же Элизабет нашла единомышленницу – Саманте было под сорок, она была женой состоятельного бизнесмена-американца, переехавшего сюда из Сеула. Сама она ни в чём не разбиралась, но в Пхеньяне у неё не было друзей, и в предложении Элизабет она увидела спасение от скуки и депрессии.

С помощью мужа Саманты Элизабет собрала команду специалистов, реструктурировала свой банковский кредит и нашла инвестора: программа «UNet», которую они разработали, быстро набрала популярность и за счёт включённой рекламы вышла на прибыль. Тогда Элизабет расширила компанию, перейдя от оптимизации уже существующих сайтов с дополненной реальностью к конструированию новых мест и образов. Они вышли на IPO, и их фирма внезапно стала одной из крупнейших корейских компаний, работающих в развлекательном сегменте Сети. Об Элизабет стали писать как об одной из самых молодых и успешных сетевых предпринимательниц страны. Важно было, что она до сих была мигрантом, то есть «гражданкой мира», способной лишь претендовать на корейское подданство. Правительство Кореи раскрутило этот выгодный для себя сюжет как доказательство того, что Корея – страна возможностей, и Элизабет не возражала. Она была с этим согласна.

Человек, который смотрел на неё с рекламного плаката, великий Нам Туен, – это он спас её и дал ей веру в будущее, а не Республика Корея. Это миграционная программа Нам Туена позволила ей попасть сюда, познакомиться с Самантой и создать компанию; это видение островов Blond с корабля «Чжан Цзе» помогло ей понять, что в мире осталось для неё место, что если даже после десяти лет в секретной тюрьме строго режима можно выжить и совершить великие дела, то и она в силах пережить свой кошмар пурпурного цвета.

Она пережила его, она смогла, и благодарила за это Нам Туена. Сегодня, направляясь на встречу с женщиной своей мечты – русским промышленником-атомщиком Алексеем Туровым, старым знакомым Саманты, – Элизабет мечтала только об одном. Она была молода, красива и умна, она всё ещё побаивалась близкого общения в реальном мире, но не сомневалась, что сможет перебороть себя. С той чудовищной поры, о которой она не хотела вспоминать, она не была с мужчиной и очень переживала, что никогда не сможет ни в кого влюбиться. Но Алексей сумел покорить её сердце за несколько сетевых встреч, и теперь она с нетерпением ждала, что откроет новая глава в книге её жизни.

Всё было замечательно, лучше, чем она могла мечтать, сбегая из грязного Дели. На ней было чудесное красное платье, укладку ей сделал парикмахер Саманты, самоуправляемая машина марки «Ниссан» стояла сейчас внизу, в пробке, где её бросила Элизабет, боясь опоздать на свидание. Ей было непривычно ходить в туфлях и ещё более непривычно ловить на себе восхищённые взгляды. Даже разбогатев, Элизабет старалась не появляться на публике, просила размещать в Сети только отрегулированные свои фотографии и жила одна в небольшой трёхкомнатной квартире в центре города. На деловых переговорах она появлялась в строгих костюмах и в ботинках, у неё не было нарядов выходного дня – платье ей подобрала и подарила на прошлый день рождения Саманта.

Она не надевала его и хранила, втайне надеясь, что ещё одна её мечта исполнится.

Она мечтала познакомиться с Нам Туеном. По ночам, когда сон долго не приходил, вместо того чтобы вспоминать пурпурный кошмар и дом спасения «Надежда», как это бывало раньше, Элизабет воображала, каково это будет – если её, символ успеха миграционной программы, пригласят на мероприятие, где будет Нам Туен. Как её подведут к нему и познакомят с ним, как он улыбнётся ей и скажет несколько слов – у них будет буквально пару минут, и Элизабет надо заранее придумать, что сказать ему, как выразить своё восхищение и благодарность. Она перебирала один вариант за другим и никак не могла нащупать нужный, да и приглашение всё не приходило, но за прошедшие годы Элизабет научилась ждать.

Поднявшись на девяносто шестой этаж гостиницы и войдя в клуб «Девять черт», Элизабет сразу узнала Алексея – в жизни он был полнее и ниже, чем его сетевое альтер-эго, но оттого выглядел только лучше. Он сидел за барной стойкой, в самом тихом месте клуба-ресторана, и молча потягивал виноградно-банановый саке.

Завидев Элизабет, он встал, проводил её к столику возле обзорного окна, подвинул ей стул и первым делом извинился:

– Простите, Элизабет, я не знал, что здесь так громко играет музыка...

– Корейцы обожают громкую живую музыку, – заметила девушка, – вам ещё повезло, что они играют европейские мелодии.

– Здесь бывает иначе? – улыбнулся он.

– Чем меньше иностранцев в зале, тем ближе японская попса.

Они рассмеялись. У Алексея за ухом был коммуникатор последней модели, а левый глаз светился синим огоньком компьютера.

– И как же, – спросила Элизабет, – человек, который презирает виртуальную реальность, носит в глазу вживлённый экран?

– Служебная необходимость, – развёл он руками, – но он сейчас выключен.

– Вы так в этом уверены?

– Повышенная защита – другая служебная необходимость, так что не беспокойтесь, ваше настоящее лицо никто, кроме меня, не увидит.

– Оно так ужасно?

– Оно слишком прекрасно для этого мира, – сказал Алексей. – Скажу честно, я никогда не встречал такой, как вы.

– Не уверена, взаимно ли это, – в шутку потупилась Элизабет.

Они заказали еду и напитки; Алексей всё время делал ей комплименты, и Элизабет оценила их искренность.

После долгого ужина и бутылки выпитого саке, от которого у Элизабет приятно закружилась голова, Алексей предложил переместиться в его номер. Он жил в люксе на семьдесят четвёртом этаже – Элизабет согласилась не сразу и даже взяла тайм-аут для принятия решения в виде визита в дамскую комнату. Она стояла и смотрела на себя в зеркало, готовая плясать от радости. С ней никогда и никто так не обращался. Никогда и никто не высказывал ей восхищения, никто и никогда не расспрашивал о её жизни с таким интересом, и ему одному во всём мире ей хотелось рассказать правду, всю правду о себе...

Она вернулась за столик и согласилась продолжить вечер в его люксе; по дороге к выходу из клуба он вдруг остановил её, взял за руку и потянул в направлении танцпола. Они танцевали минут десять, пока Элизабет не надоело, тогда она прижалась к его руке и повела его к выходу. Она никогда не танцевала раньше и никогда раньше не испытывала желания положить голову кому-то на плечо. Всегда боролась, всегда глотала слёзы и боль, всегда отворачивалась от пурпурного цвета и верила, верила, что когда-нибудь наступит день, и её жизнь изменится...

В люксе Алексей не торопил её. Сначала он стал показывать голографические изображения своего особняка во Владивостоке: из его окон открывался роскошный вид на прибрежные леса и залив Петра Великого, входивший в состав природного заповедника. Элизабет захотела его; но когда она раздела Алексея, а он расстегнул молнию на её платье, и они оказались на перине, с ней что-то произошло.

Он не понял, что случилось: Элизабет вдруг ударила его по лицу и зарыдала, отвернувшись, скатилась с кровати, свернулась на мягком ковролине и затряслась.

– Прости, прости, прости, – шептала она, – прости, только не это, извини, я не...

– Что, что случилось? – испугался он, вставая с постели и накрывая её простыней. – Не переживай, всё хорошо, что случилось?..

Она не могла ему объяснить, она захлёбывалась рыданиями. Да и что она могла сказать? Что в тот момент, когда она возбудилась и целовала его лицо, шею и грудь, когда уже сгорала от нетерпения, желая почувствовать его внутри себя... синий огонёк в его глазу, который добавлял интима, вдруг изменил свой цвет. Ей показалось, что он вдруг стал пурпурным, она услышала другой голос, и пальцы рук Алексея вдруг удлинились, и простыни оказались пурпурного цвета, и она подумала, что ОН нашёл её, что Алексей – это обман, и на самом деле за ней вернулся Пурпурный Человек...

Она ничего не объяснила, просто лежала на полу и плакала, а он сидел над ней, поглаживал по голове, по длинным спутанным волосам, и утешал. Когда Элизабет успокоилась, Алексей поднял её на руки и уложил в кровать, накрыл простынёй и – спросив, не возражает ли она, – аккуратно лёг рядом. Они тихо разговаривали до самого утра, и спустя полгода она вышла за него замуж.

4 декабря 2027 года. Лос-Анджелес—Лондон

- Да, я слушаю.
- Привет, это я.
- Здравствуй, Иоанн.
- Как дела, пап?
- Всё нормально. Как твои? Я давно тебя не слышал...
- Прости, я тут в зашоре, занимался новой книгой...
- В зашоре?
- В марте выйдет, я надеюсь, ты...
- Я тебя поздравляю, если ты за этим звонишь.
- А что мама? Мелисса сказала, операция прошла хорошо...
- Её оперировали неделю назад.
- Я знаю.
- Я рад, что хотя бы Мелисса тебе сообщает.
- Прости, но я же говорю, я должен был...
- Мама сейчас дома, она чувствует себя хорошо.
- Пап, я говорил с министром...
- Ты ему звонил?
- Нет, он позвонил мне.
- Так когда ты собираешься вернуться в Лондон? Я думаю, тебе надо заехать сюда перед Брюсселем...
- Пап, нет... Я пока не вернусь. Пап?
- В каком смысле, Иоанн?
- Я пока... я пока останусь здесь.
- Вы закончили съёмки?
- Да, и...
- И ты закончил свою «вторую книгу»?
- Практически, есть там пара моментов...
- Но она выходит в марте, и тебе нужно будет проводить презентации и ехать в Нью-Йорк?
- Не совсем... То есть, да, в Нью-Йорк, а Лондон запланирован на август.
- Август?
- Там будут премьеры по миру... В общем, я буду, наверное, к лету и...
- К лету?
- Да...
- О чём ты говорил с министром, Иоанн?
- Я сказал ему... Пап, я не вернусь.
- Не вернёшься?
- Да. Я ему это сказал.
- То есть министр Европейского союза лично предложил тебе должность, а ты сказал «нет»?
- Пап, я не...
- Ты помолчи. Дай мне закончить!
- Отец, я не...
- Форин-офис, я так понимаю, ждала та же судьба? Тебе предложили кресло зама, насколько я знаю, да? А ты их послал к чёрту, сынок?
- Я их поблагодарил, и они...

– А они, конечно же, расплакались и попросили у тебя прощения за то, что предложили должность, о которой другие мечтать не смеют?! Или что, сказали, мол, мы всё понимаем, исписать ещё двести страниц макулатуры – это важнее?

– Важнее, чем что?

– Чем всё!

– Отец, я не буду с тобой разговаривать в таком тоне...

– В тоне?! Иоанн, ты забыл одну вещь.

– И что я забыл?

– Ты всё забыл! Всё!!

– Пап, не злись, мы ведь говорили об этом с тобой, я сейчас хочу заняться чем-то другим, мне так...

– «Осточертела политика»? Ты ведь это хочешь сказать, да? Ты устал от всего, ты хочешь отдохнуть... Тебе дали полтора года отпуска, тебя отпустили на твои презентации и разрешили делать фильм, к тебе отнеслись более уважительно, чем стоило бы! Действительно, за бестселлер платят больше, и сидеть на съёмочной площадке интереснее, чем на переговорах, но, Иоанн, дело ведь не в фильмах и не в книгах, ты что, думаешь, я не понимаю?

– Это я сейчас не понимаю.

– Дело в твоей актрисе?

– Она очень хорошая, отец.

– И мне бы стоило с ней познакомиться?

– Я бы хотел, чтобы вы с мамой к нам прилетели...

– Но мы не прилетим, Иоанн.

– Пап, пожалуйста. Она мне очень, очень нравится, я без ума от неё, и я думаю...

– Я рад за тебя, сын. Но мы не прилетим.

– Да почему?! Почему ты такой упрямый, почему ты не можешь просто...

– Потому что работа, сынок, – это не развлечение! Ты думаешь, мне нравится заниматься всем этим дерьмом, всем этим политическим дерьмом, как думаешь? Да я блюю от всего этого, я каждый день жму руки людям, которым следовало бы набить морду! Потому что работа – это не развлечение и не призвание, Иоанн, как твои книжки и твоё «творчество»...

– ...

– Работа – это ответственность. Я говорил тебе про ответственность, но ты меня не слушал, ты витал в облаках, как обычно!

– Я не отказываюсь! Пап, я готов, я же работал в Джакарте, и...

– Что «и»? Ты мне хочешь сказать, что тебе один раз повезло, и весь мир офигел? Миллиард человек в мире живёт за чертой бедности, меньше чем на два доллара в день, Иоанн, два доллара в день, ты понимаешь?

– Да, отец, я знаю это...

– Семьсот миллионов не умеют читать и писать, пятнадцать тысяч детей каждый день умирают от голода, каждый десятый младенец рискует не дожить до четырёх лет. Пять с половиной миллиардов страдают от нехватки питьевой воды! Двести миллионов беженцев, пять объявленных войн и двадцать три необъявленных. В семи странах мира, где живёт пятьсот семьдесят миллионов человек, рубят головы за отречение от Мухаммеда, а сорок два процента мусульман Земли поддерживают радикальный ислам и шариат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.